

СЕРГЕЙ ДАНИЛОВ
ТАК НЕ БЫВАЕТ
РАССКАЗЫ

18+

Сергей Данилов

Так не бывает

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70081843

SelfPub; 2023

Аннотация

Короткие зарисовки об удивительных событиях, которые могли бы произойти в жизни, но по каким-то причинам не случились... А возможно, всё-таки уже совершились или ещё сбудутся.

Содержание

Девочка	6
Сатисфакция	10
Старый двор	32
Письмо	81
Выписался	117
Точка финансового равновесия	184
Обратно в Хайфу	201

Сергей Данилов
Так не бывает

Девочка

Я снова в поезде. Устав читать очередной детектив, я стою у окна напротив открытого купе и, борясь с вагонной скукой, рассматриваю рябящий буро-коричневый пейзаж. Ландшафт мне привычен и знаком, выучен до мельчайших деталей за многие годы командировок. Картина мало изменилась в последние десятилетия, она особо не радует и не удивляет меня. За окном проносятся редкие, расписанные граффити постройки, быстро, как чирканье спички о коробок, мелькают худосочные телеграфные столбы, бесконечным забором тянется вдоль полотна стена смешанного леса.

Вот осталась позади очередная безлюдная бетонная платформа с низеньким металлическим ограждением, а вместе с ней и одинокий, наводящий безотчётную грусть стационарный домик. Сплошной нечитаемой полосой скользнуло за запылёнными окнами название. Один только миг – тук-тук, тук-тук. Станция возникла и растаяла в прошлом, как будто её и не было вовсе.

Так бы картинка и стёрлась из памяти, если бы не та девочка. Она сидела на косогоре, сплошь покрытом ярко-жёлтыми головками мать-и-мачехи. Девчушка крепко держала в руках старую куклу и провожала взглядом спешащий мимо состав. Я даже прильнула к стеклу, стараясь получше разглядеть её. Но где там! Пара секунд – и видение улетучилось.

Размытым пятном девочка исчезла вместе с бегущими назад бескрайними полями и облезлым, когда-то голубым домиком, который сиротливо прилепился на краю полустанка. А впрочем, куклу на руках, скорее всего, дорисовало обременённое привычными клише воображение. Может, кукла была, а возможно, и нет. Не это важно, ведь главное – сама девочка и её восхищённый, зачарованный взгляд.

Какими восторженными глазами смотрела она на летящий сказочным змеем зелёный поезд! Он для неё был огромным, прекрасным, таинственным видением, которое, минуя её реальность, стремительно переносилось из одной волшебной страны в другую.

Легко представить, как, ещё только заслышав гудок приближающегося к повороту локомотива, она поудобнее устроивала любимую куклу и замирала в ожидании неведомого чуда. А потом заворожённо, с участившимся пульсом, жадно хватая воздух приоткрытым ртом, смотрела на подгоняемые дробным стуком собственных колёс вагоны. Хотя, скорее всего, никаких чудес она не ждала. Ведь сам этот состав, который возникал каждый раз внезапно, с шумом, дымом, гулом, оглушая пронзительным свистом и рёвом, и был для неё самым великим волшебством на свете, сказочной картинкой, от которой захватывало дух. Стремительно рассекаемый воздух овеивал лицо, спутывал непослушные волосы и наполнял особой, всепоглощающей радостью встречи с чем-то долгожданным, втайне желанным, но эфемерным.

А вечером, согласно устоявшемуся ритуалу, медлительная бабушка закрывает зарешёченное окошко станционной кассы и неторопливо, вперевалку направится домой. Она заберёт с собой утомлённую за день девочку, баюкающую свою сонную куклу.

Мимолётный эпизод внезапно оживил навсегда, казалось бы, стёршиеся воспоминания о собственном далёком детстве, проведённом в маленьком железнодорожном посёлке.

Вот и для этого ребёнка так проходят первые сознательные годы жизни. Как для меня когда-то. Она так же встречает, наблюдает и провожает закопчённые поезда, которые, не снижая скорости, минуют её крошечную станцию. Она весело и самозабвенно машет, кричит им вслед, и ей кажется, что составы громко, пронзительно и пугающе салютуют ей в ответ.

Что случится дальше в судьбе этой малышки, не знает пока никто. Быть может, она останется жить где-нибудь здесь, в своей деревне или в городке по соседству. И спустя много лет так же, как её страдающая от радикулита бабушка, она будет сидеть всё в той же тесной станционной кассе и мирно дремать, укутав спину пуховым платком, или вязать тёплые шерстяные обновы своим конопатым непоседливым внукам. Да иногда, разбуженная от полудрёмы, скороговоркой бубня себе под нос что-то малопонятное, станет продавать билеты редким пассажирам.

А возможно, эта платформа останется в её памяти да-

лёким, туманным воспоминанием о детстве, блёклым, расплывчатым пятном. В будущем, проезжая мимо таких же потерянных в глубине огромной страны крошечных полустанков, она с лёгкой грустью подумает о судьбе маленькой расчёпанной девочки, которая, сидя с белокурой куклой в руках на залитом солнцем пригорке, провожала манящие в даль поезда.

Сатисфакция

Микрошин зевал сладко и натужно, лениво прикрывая рот тыльной стороной ладони. Он то и дело поёживался и согревал руки под мышками. Один из ранних поездов Калужско-Рижского радиуса, казалось, такой же невыспавшийся, как и он сам, вяло тащился в сторону Беяева. Худощавому Микрошину было не по себе. По его щуплому телу колкими волнами пробегали мурашки, отчего он непроизвольно передёргивал плечами и потирал кисти. Со стороны было видно, что несчастного человека разбудили в явно неурочный час. Да и сам печальный Микрошин прекрасно ощущал: подняли его не просто рано, а вовсе ни свет ни заря. Ох, не в такое время привык он просыпаться в долгожданные выходные дни!

Мелькали светлые мраморные станции. На фоне полной утренней тишины вдруг звонкий голос диктора объявлял названия остановок, заставляя вздрагивать немногочисленных пассажиров. Микрошин всё ещё пребывал в вязком томном полусне. Но и сквозь прилипчивую дрёму он не переставал думать о странных событиях, что произошли с ним за последние сутки.

Должно быть, раньше, размышлял он, в подобных случаях к парадному подъезду подавали карету... Теперь пришлось прозаически спуститься в метро, как будто он привычным

маршрутом отправлялся на службу. Хотя на любимую работу, быть может, уже и не попадёт никогда. Обыденный антураж подземки убивал всю торжественность момента, должную, казалось бы, сопутствовать подобным исключительным обстоятельствам! Впрочем, эта случайная мысль не расстроила Микрошина, а, напротив, вызвала на его тонком интеллигентном лице тень улыбки. «Эпохи и времена меняются, – с едким сарказмом признал он, – но в борьбе с возвышенной романтикой всегда побеждает грубая проза жизни».

Приоткрыв ненадолго глаза цвета осеннего московского неба, Микрошин с брезгливым выражением оглядел скупой метрополитеновский интерьер, изученный до мельчайших деталей за годы поездок на работу. В очередной раз поёжился. Переведя взгляд направо, *через застеклённую дверь* в соседнем вагоне он увидел приметного выдающимся носом, покачивающегося в такт движению состава своего соперника. Как и накануне, тот был подтянут, свеж, высокомерно заносчив и, естественно, не одинок, а в сопровождении всё того же лысоватого поверенного.

Противник был одет в длинный чёрный плащ и чёрную шляпу. Держался он противоестественно прямо, стоял, не касаясь стен и поручней, не реагируя на резкие торможения и ускорения. Со стороны могло показаться, будто он воображает себя правофланговым в первой шеренге на параде. Собственно, во всём его вороньем облике читалась былая военная выправка, не утраченная с годами.

Однако, заметил наблюдательный Микрошин, при всей своей внешней непоколебимости и уверенности, соперник не переставал машинально тереть перчатки, хмуро изучая размещённую на стене схему столичного метро.

«Нервничает, – удовлетворённо заключил Микрошин. – Все они, аристократы, должно быть, такие психованные. Небось, от перманентных балов, презентаций, встреч и гулянок нервишки-то совсем разболтались. – Тут Микрошин состроил сочувственную мину и слегка покачал головой в знак понимания проблем соперника. – Жаль, что совсем не было времени поговорить с ним по душам, расспросить о красивой заграничной жизни поподробнее. Другого такого благоприятного случая, скорее всего, и не представится». Он разочарованно вздохнул.

Закончив разглядывать соперника, Микрошин отложил в сторону спортивную вязаную шапку и медленно вытянул вперёд правую, а потом и левую руку. Затем перевёл расфокусированный от недосыпа взгляд на кончики пальцев. Длинные тонкие пальцы почти не дрожали. Довольный результатами проделанного упражнения, он так же неторопливо опустил руки на колени и томно зевнул. Волнения не было, просто очень хотелось спать. «Какого чёрта надо было назначать в такую рань?! – продолжая беззвучный монолог, Микрошин картинно пожал плечами. – Вот ведь не лежится людям в выходные дни. Конечно, у них, в высшем обществе, свободного времени тьма. Спи не хочу. А служивому лю-

ду когда отдыхать после напряжённой рабочей недели? То же мне, нашлись трудоголики чести!» – съязвил, ухмыляясь, Микрошин и снова смежил тяжёлые веки.

Если бы кто-нибудь ещё месяц назад поведал, какие фантастические события ожидают его в ближайшем будущем, то обычно скептически настроенный Микрошин даже не стал бы смеяться над столь экзотическими пророчествами. Он бы, наверное, решил, что мошенник-прорицатель старается содрать с него побольше денег и потому придумывает всякие несуразицы. Но дурацким прогнозам взяться было неоткуда. К медиумам Микрошин не ходил, с гадалками принципиально не общался и гороскопами на досуге не увлекался. Он отдавал предпочтение кроссвордам и решению шахматных задач, которые печатали в «Вечёрке» и «Московской правде». А между тем судьба его была уже почти решена.

Оказалось, что именно его, Микрошина – низкорослого, только начинающего сесть шатена, неприметного младшего научного сотрудника, – уже приличное количество лет по всем европейским странам настойчиво разыскивает весьма солидная иностранная юридическая фирма.

Прежде им вообще мало кто интересовался. Бледный ореол микрошинской славы робко охватывал своим неровным свечением лишь две соседние институтские лаборатории. В них серьёзный и положительный Микрошин заслуженно числился лучшим в мире «самоделкиным», особенно среди сотрудниц среднего и старшего возраста. Он умел почи-

нить всё и вся, а из двух безнадежно поломанных бытовых приборов готов был соорудить три вполне сносных, хоть и с ограниченными функциональными возможностями. Конечно, кроме добровольной помощи коллегам, Микрошин, как и положено, вёл основательную научную работу. Пусть он никак не мог оформить все требуемые для регистрации собственных изобретений документы, однако в родном институте уже кое-что было внедрено в соответствии с его идеями и чертежами.

Так что какая-то известность была, была. Но, хоть и с незаурядными способностями, всё же он оставался обычным сотрудником второразрядного отраслевого НИИ. Странно и удивительно, что им заинтересовался кто-то в зажиточной, высокоразвитой Европе.

Как выяснилось из официального запроса, разыскивают Микрошина не забавы ради, не по досадной ошибке, перепутав с более достойной персоной, и не для того, чтобы поинтересоваться его последними достижениями в местном пылесосоведении и уютостроении. Агентство действует по поручению самого что ни на есть настоящего, живого наследного князя. Это следовало из комплекта документов, представленного в конце концов с таким трудом разысканному субъекту.

Об аристократах образованный Микрошин знал, ещё в детстве читал в приключенческих романах и видел в кино, однако отродясь не лицезрел ни единого из них воочию. Но

история вырисовывалась интригующая! Нужен, оказывается, никому доселе не известный Микрошин привилегированному представителю высшего общества для выяснения загадочных обстоятельств прошлого, а также для разрешения дела особой исторической важности.

В начале XX века в старорежимной России князь Б. в присутствии именитых особ оскорбил князя Р. Многочисленные сплетни и домыслы, конечно, тут же поползли по столице, будоража умы обывателей. Но истинные мотивы, которые побудили обыкновенно сдержанного князя нанести публичное оскорбление, так и остались тайной.

В великосветских салонах болтали всякое о некоей темно-волосой даме, с которой видели и одного, и другого князей, о каких-то заёмных письмах и долговых обязательствах, тайно скупленных кровопийцами-ростовщиками. Судачили также о шумном семейном скандале, который случился накануне в покоях князя Б. и якобы хорошо был слышан прислугой, о членстве обоих знатных особ в каком-то тайном обществе, организованном по типу масонской ложи, и о многом, многом другом.

Что из этих слухов имело отношение к реальности, а что присочинили по ходу дела – кто же разберёт...

Князь Р. с детства не отличался крепким здоровьем. После скандала в тот злосчастный вечер он почувствовал недомогание, покинул шумное собрание, слёг с сердечным приступом и скоропостижно скончался, не успев ни оформить

официального завещания, ни оставить распоряжений своему секретарю. Но зато, придя на короткий миг в сознание в свои последние земные минуты, бледными, едва шевелящимися губами он смог прошептать роковой наказ: во имя его памяти любой ценой добиться удовлетворения от князя Б. или его потомков, восстановив тем самым поруганную честь.

Дальнейший ход истории сопровождался кровавыми кошмарами революций и лишениями эмиграций; в него вмешивались как локальные вооружённые конфликты, так и мировые войны с их невосполнимыми потерями. Потомки двух именитых родов оставили свои путанные следы чуть не по всему земному шару – от Финляндии до Австралии и от Японии до Португалии. Многим из них пришлось сменить столичный блеск на бескрайние снега Воркуты и непроходимую дикость сибирских лесов. Пространство и время безжалостно раскидали людей, изменили их судьбы и даже имена. И только теперь, на исходе самого противоречивого века, запоздалое эхо далёких событий внезапно докатилось до ничего не подозревающего Микрошина.

В тот незабываемый вечер он намеревался мирно и спокойно в седьмой раз посмотреть предпоследнюю серию «Семнадцати мгновений весны». Устроился было в кресле с чашкой чая и вишнёвым вареньем, но осуществить задуманное не смог. Две подозрительные личности без предупреждения возникли на пороге его квартиры. То, что они не русские, изумлённому Микрошину стало понятно по ре-

чи: неловким паузам, ломаным фразам и глаголам в неопределённой форме. На нездешность визитёров также указывала аккуратная, точно подогнанная по фигуре модная одежда: явно не на родных орехово-зуевских просторах была она скроена.

Сверкая искусственными дипломатическими улыбками, незваные гости заявили растерянному хозяину, что имеют к нему важное и неотложное дело. Да-да, именно к нему, господину Микрошину. Сначала он ещё надеялся быстро вернуться к своему прерванному занятию, но в течение дальнейших трёх часов всё больше нервничал и потел, пытаясь проникнуть в глубинную суть происходящего.

Конечно, первым и самым естественным объяснением появления незнакомцев Микрошин счёл простую ошибку. «Ну, чего не бывает в жизни, – пытался выстроить он логическую цепочку. – Перепутали товарищи улицу, подъезд или номер квартиры. С первого же взгляда видно, что они не местные, вот и очевидная промашка вышла. По телефону когда звонят, чуть ли не каждый день связываются не с тем абонентом. И ничего, все к этому давно привыкли. Извиняются и перезванивают. Может, и эти типы постоят немного, оглядятся, поймут, что не в ту обстановку попали, и культурно покинут мои апартаменты».

Но интуиция, которая всегда помогала Микрошину-специалисту чётко определить место поломки в приборе, подсказывала ему, что всё не так просто. Нет, легко и быстро от-

делаться от незнакомцев ему не удастся... Да и визитёры явно не спешили с ним расставаться. Один из них, тот, кто был полнее и меньше ростом, бесцеремонно водрузил на микрошинский табурет, используемый хозяином для зашнурования ботинок, солидного вида портфель, открыл его и уже извлекал на свет божий какие-то бумаги. Доставал он документы очень бережно, бегло просматривал и с видимым почтением передавал второму, высокому аскетичного вида господину с гордым орлиным профилем.

«Нет, – продолжал свои рассуждения Микрошин, водя пальцами по лёгкой двухдневной щетине на подбородке и наблюдая, как непрощенные гости располагаются в его скромной прихожей, – судя по тому, что они знают мою фамилию, простая ошибка отпадает. Бесспорно, можно перепутать этаж и квартиру, но чтобы при этом ещё случайно совпала фамилия владельца – это уже вряд ли. Такой случай теории вероятностей допускает в микроскопическом масштабе. Если, конечно, вообще допускает. Так что же?»

Он напрягся и нахмурился в ожидании подвоха. А незнакомцы, не обращая особого внимания на смущённый вид хозяина, продолжали сосредоточенно заниматься бумажной сортировкой.

Тут вдруг Микрошина осенило – это, должно быть, шутка. Ну конечно, кто-то из друзей решил его разыграть. «Точно, – Микрошин просиял, на радостях хлопнул себя ладонью по бедру, ухмыльнулся и покачал головой, – устроили мне на

выходные бал-маскарад, артисты недотёпистые. Достали где-то театральные костюмы, пригласили двух разнокалиберных провинциальных комиков, и те наглым образом вломились в мою квартиру, усердно коверкая родную речь. Решили, что я вот так легко попадусь на их удочку. Ну, дают, баламуты, всё ещё играют в детские штучки!» Он на несколько секунд зажмурился, легонько помассировал кончиками пальцев глаза, уставшие от многочасового просмотра телепередач, и внимательнее пригляделся к странным господам.

Увы, пришлось признать, что и эта версия не выглядит правдоподобной. Первое впечатление его не обмануло. Одежду такого качества вряд ли можно занять не только в институтском драмкружке, но и в столичном театре. Да и внешне посетители смотрелись совсем не по-советски: было в их облике нечто чужеродное, холёное, недоступное широкому кругу трудовой интеллигенции. Идеально выбритые лица лоснились, как будто их отполировали и навозили. В глазах читалось осознание собственной значимости вкупе с умиротворённостью и внутренним достоинством. И запахи исходили от них какие-то заморские – у плохо разбирающегося в парфюмерии Микрошина возникла ассоциация с восточными пряными ароматами и сказками «Тысячи и одной ночи». А русскую речь незнакомцы не то чтобы коверкали, а совсем наоборот, пытались выговаривать правильные, заранее заготовленные, написанные на бумаге слегка старомодные выражения.

В общем, после долгих сомнений и разглядываний Микрошин пришёл к окончательному выводу, что это действительно настоящие иностранцы. Такое умозаключение сильно озадачивало: чем же заинтересовала его скромная личность зарубежных господ? Как и откуда они узнали о его существовании? Публичной персоной он не был, в государственные секреты не посвящён, никаких подписок в жизни не давал, за кордон ни разу не выезжал. Не будет ли в связи с этим визитом у него проблем на работе? А вдруг в институте – или других, более серьёзных органах – узнают о том, что он не просто общался с иностранными гражданами, так ещё и принимал их у себя дома? В висках у Микрошина лихорадочно застучало.

Преодолев малодушие, Микрошин перестал сканировать и обнюхивать чужеземцев, словно они были пришельцами с другой планеты, и любезными жестами пригласил их пройти в комнату.

Там он усадил загадочных гостей на диван, встряхнул головой и отогнал мешающие сомнения. Нужно было полностью сконцентрироваться на том, о чём, собственно, держат речь иностранные визитёры. Основную-то часть он от волнения пропустил мимо ушей! Тут Микрошину пришлось постараться, чтобы уяснить замысловатую цель заграничной миссии. Перед ним на бумагах, которые имели вид чуть ли не египетского папируса, были выстроены генеалогические древа двух княжеских родов. Корни их уходили в ту эпоху,

которая, как казалось Микрошину, не описана даже в учебнике истории древнего мира (помнил он с далёких школьных времён блестящую чёрную обложку!).

У заинтригованного Микрошина возникло впечатление, что к нему на дом пожаловали служители исторического музея. Точнее, работники отдела рукописей. Все документы, похоже, являлись уникальными образцами и имели важную историческую ценность. Цветные пергаменты на удивление хорошо сохранились. Они были украшены красивыми тиснёными гербами, вычурными вензелями и диковинными печатями.

Разложенные в необходимом порядке, бумаги заняли большую часть свободного пространства в комнате, отеснив ответственного квартиросъёмщика вместе с гостями в входной двери. Развивающиеся с течением веков генеалогические ветви сначала цвели и плодоносили различными известными деятелями, затем проходили через выделенных в центре князей Б. и Р., но после выглядели гораздо слабее и явно хирели. Пройдя периоды жестоких засух и лишений, кустистые в прошлом благородные дебри заканчивались двумя тощими побегам, помеченными на бумагах как Shpeider и Microshin. Чужеродно и одиноко смотрелись они на разлапистых плечах голубокровных предков.

Переводя взгляд с одного древа на другое, хозяин типовой однокомнатной квартиры временно потерял дар речи.

За затянувшейся демонстрацией последовали напряжён-

ные объяснения. Они проводились на смеси основных европейских языков в сочетании с элементами жестикуляции. Через некоторое время всё же наступила ясность. Один из иностранцев, благородный обладатель двух выдающихся физиологических деталей – роста и носа, – являлся тем Shpeider'ом, на ком заканчивались левые генеалогические заросли. Ну а другим осколком истории, венчавшим, соответственно, правое усыхающее древо жизни, оказался не кто иной, как облачённый в полинялый спортивный костюм и тапочки на босу ногу сам господин Микрошин.

Ещё не осознав себя настоящим князем, но уже обалдев от ошеломляющей информации, Микрошин покраснелся. Почему-то в голову пришла мысль: а как же теперь следует представиться любезным зарубежным гостям? То ли князем Микрошиным, то ли князем Б., а может, взять сложносоставную фамилию Б.-Микрошин или Микрошин-Б.? В итоге он просто протянул руку и расплылся в добродушно-рассеянной веснушчатой улыбке. Долгожданное знакомство потомков двух таких почтенных родов, наконец, состоялось.

Мозг Микрошина, растревоженный удивительным, да что там, фантазмагорическим известием, гудел, как пчелиный рой. Неожиданно в его сознании возник образ прабабки по материнской линии – Агриппины Митрофановны. Микрошин застал прародительницу, когда она уже была парализована, а её невнятное бормотание приписывалось старческому маразму. Бабушка ласково именовала правнука «балов-

ня», хотя рос Микрошин довольно спокойным ребёнком и дома почти не озорничал. Он единственный подолгу просиживал около её кровати, выслушивая только ему одному доверяемые истории.

Хрупкая старушка любила вспоминать об императорских дворцах, роскошных выездах, богатых каретах, лошадях, камергерах и пышных балах, где она якобы блистала в девичестве. Порой она пересказывала длинный список благородных претендентов на её руку и родовое поместье. Нескончаемое перечисление сопровождалось указанием многочисленных регалий и званий. Иногда, входя в образ, прабабушка переходила на иностранный язык, вроде бы французский. Естественно, ни совсем ещё юный Микрошин, ни кто-либо другой из домашних её уже совсем не понимали.

Как и прочие родственники, Микрошин не воспринимал истории, которые рассказывала старушка, всерьёз. Он считал, что если достигнет такого же почтенного возраста (в чём у него были большие сомнения), то и сам будет убедительно и с подробностями рассказывать конопатым, ушастым, как и он, правнукам всяческие небылицы.

Однако, уточнив девичью фамилию прабабки, которая чудом сохранилась в глубинах микрошинской памяти, гости одобрительно загалдели. Они скрупулёзно изучили свидетельство о рождении, паспорт хозяина, оценили скромную внешность их обладателя и, очевидно, нашли необходимое сходство. Иностранцы тыкали пальцами в какие-то измятые

жёлтые листки с еле заметными каллиграфическими строками и удовлетворённо чмокали губами. Затем вернули личные документы их законному владельцу и дружно встали со скрипучего дивана. Мгновенно посерьёзнев, неожиданные визитёры объявили, что, удостоверив личность господина князя Микрошина, переходят к главному, а именно: к выполнению исторической миссии, возложенной на них предком.

В единственной комнате апартаментов новоявленного князя повисла гулкая тишина. Торжественность момента и продолжительность взятой паузы намекали на что-то особенное. Розовый туман окутал плотной пеленой инфантильный в коммерческом смысле разум Микрошина. С самого начала пресловутой перестройки и гласности в робких муаровых грёзах ему мерещилось неожиданное наследство. И вот, похоже, оно явилось полновесной золотой чашей! Он сглотнул застрявший от волнения в горле комок... Во всех доступных ракурсах и проекциях, с полным набором мелких деталей представился ему желанный, в шесть соток, участок в Храпуново, а в углу ванной комнаты возникла стиральная машина «Эврика» с вожделенной приставкой «полуавтомат» в названии.

Но туман стремительно терял свою нежную утреннюю прелесть. Сквозь его рваные клочья, прямо к крылечку воображаемого уютного двухэтажного щитового домика, до размечтавшегося Микрошина донёсся противный каркающий голос. Очнувшись, он никак не мог уразуметь, о чём же ве-

щает ему лысоватый господин, доверенный представитель обладателя высокого наследственного титула.

Видя его растерянность и смущение, багровый от духоты и натуги полноватый поверенный промокнул платком влажный лоб и в который раз принялся с профессиональным терпением объяснять предысторию их внезапного появления. Вскоре грустный Микрошин уже только безразлично поддакивал да мелко кивал головой в знак полного согласия. Речь на самом деле шла о последней воле умирающего, дворянской чести, чувстве долга и других высоких материях. Увы, они неумолимо и безвозвратно удаляли притягательное слово «полуавтомат» с упаковки так и не доставленного на дом чуда современной техники под названием «Эврика».

Только к ночи Микрошин вышел из забытья. Он обнаружил себя стоящим у подоконника, касаясь коленями еле тёплой батареей центрального отопления, прислонив лоб к холодному оконному стеклу и сцепив руки на груди. За окном резкие порывы ветра срывали с гнущихся деревьев листья, те носились и кружились в тусклом свете уличных фонарей, а потом ложились на мокрый асфальт маленькими пёстрыми кляксами. Микрошин собрался с мыслями и восстановил в памяти мозаику малоправдоподобных событий прошедшего дня.

Он ещё раз пережил мелькнувшее яркой молнией чувство окрыляющей эйфории, связанное с наивной надеждой на наследство. Вспомнил он и вполне реальную – отрыви-

стую, словно нашпигованную металлической стружкой, – речь иностранного служащего. Перед глазами так и мелькал кипенно-белый платок с вышитой монограммой, которым тот промокал потный красный лоб. Эти навязчивые повторяющиеся движения будто ластиком стирали милый мираж дачи, сарая и двух парников с нежинскими огурцами.

Микрошин снова ощутил в руке гладкую тёмно-коричневую рукоять тяжёлого дуэльного пистолета. Инкрустированное перламутром и покрытое серебряной чеканкой, предъявленное ему оружие было скорее произведением искусства, нежели боевым снаряжением. В отличие от привычного безотказного АКМа, с которым отслуживший в пехоте два года Микрошин был знаком не понаслышке, пистолет выглядел изящно и неправдоподобно красиво. Сотворён он был известным дрезденским оружейным мастером Карлом Ульбрихом с большой любовью, явно не для возможного кровопролития, а чтобы его изделием гордились и восхищались. Это оружие заняло бы почётное место в Оружейной палате Кремля или уж на худой конец в дорогом антикварном магазине на Арбате. Ухаживали за ним явно заботливо. Даже не верилось, что из него можно стрелять и убивать. Тем не менее пистолет был предъявлен не с какой другой целью, как для ознакомления перед ответственным поединком. А уцелел он, видимо, только благодаря существенным усилиям, предпринятым мстительными потомками князя Р.

Позднее, осмысливая произошедшие события, Микро-

шин вздыхал, ворочался с боку на бок и долго не мог заснуть. Его будоражили новые, чуждые ему ранее думы. Было особенно жаль, что никто никогда не узнает о его новом статусе. Скорее всего, его ухлопают завтра на рассвете, ведь из такого оружия Микрошин, естественно, не стрелял ни разу в жизни. В составленном по всей форме милицейском протоколе казённым языком будет написано, что там-то и там-то, тогда-то и тогда-то обнаружено тело гражданина Микрошина. И ни слова о том, что он настоящий потомственный князь! «Только вдумайтесь! – возмущённо обращался в темноте осенней ночи новоиспечённый дворянин к мнимому оппоненту. – Тело не князя, на худой конец, не господина, а всего-то-навсего обычного безликого гражданина».

Такого рода официальная формулировка напрочь лишала Микрошина заслуженного некролога, окаймлённого жирной чёрной рамкой, на последней странице всех центральных газет. Не будет и обсуждения его героической, насыщенной событиями биографии в разделе светской хроники бульварной, особо почитаемой в народе прессы.

Если же фортуна вдруг улыбнётся ему и убиённым окажется господин Shpeider, всё равно никто не поверит подлинности полученных от визитёров документов. «Так что остаться в финале этой сумасбродной истории единственным официально признанным потомком старинного княжеского рода очень маловероятно», – с тоской подытожил совсем сникший Микрошин.

С такими вот тяжёлыми мыслями, сбившимися в течение томительной ночи в большой чугунный шар, Микрошин незаметно для себя самого и заснул под самое утро.

Теперь же, ёрзая на жёстком диване мчащегося по тёмному туннелю вагона метро, Микрошин отчаянно жалел о бессонной ночи и загубленных выходных днях. Князь с орлиным профилем и его подобострастный помощник были сейчас ему глубоко неприятны.

С ночи на Битцевский лесопарк спустился густой, вязкий туман. Он окутал деревья, приглушил шелест листьев под ногами да хруст мелких веток, на которые по неосторожности наступали дуэлянты и сопровождающие их лица.

Видимо, именно из-за этой белой пелены основные события пронесли для Микрошина словно в полусне. А может, его дремотное состояние и сопутствующая слабость произвели анестезирующее действие. Как бы то ни было, но очнулся Микрошин лишь тогда, когда над его ухом просвистела пуля. Он машинально втянул голову в плечи и скорее ощутил, чем понял, что это за характерный звук.

В один миг вся заторможенность Микрошина улетучилась. Картина происходящего как бы приблизилась и наполнилась деталями. Начинающий дуэлянт увидел поблизости долговязого князя. На его непропорционально большом носу грозно раздувались ноздри. Поблёскивали стёкла маленьких круглых очков. Недавний противник держал в правой руке опущенный, теперь уже бесполезный пистолет. Рядом

с ним, слегка кивая друг другу головами, прощались молчаливые корректные секунданты. Низенький седовласый доктор с пухлым тёмно-синим саквояжем неуклюже-косолапой походкой брёл к посольской машине, припаркованной в стороне.

Опустив глаза, Микрошин посмотрел на изящное старомодное оружие, крепко, до ломоты в суставах, зажатое в его собственной побелевшей от натуги руке. Дуло пистолета чадило тонкой струйкой сизого дыма, от которого исходил характерный запах горелого пороха. И только тут Микрошин радостно осознал, что всё кончилось благополучно и, как ни удивительно, бескровно.

Он быстрым шагом подошёл к князю и от избытка переполняющих чувств долго тряс бледную кисть с холёными, ещё поддрагивающими пальцами. Сердечно просил не обижаться на его предков и «дела давно минувших дней», приезжать в любое удобное время, запросто, по-дворянски, лишь дав предварительно телеграмму. Расстались вынужденные противники если не по-родственному, то, во всяком случае, тепло, можно даже сказать, душевно. На память о знакомстве и поединке князь подарил Микрошину драгоценные пистолеты, которые наконец-таки выполнили свою историческую миссию.

Из метро к пригородным автобусам уже спешили ранние пассажиры, по большей части грибники с огромными корзинами, вёдрами и рюкзаками. Они рассаживались, расставля-

ли свою разнообразную тару, суетились, гомонили.

Растрёпанный Микрошин – без шапки, в куртке нараспашку – растерянно стоял перед подземным переходом, крепко прижимая к груди продолговатый футляр из красного дерева с бесценным княжеским подарком. Он не спешил входить в метро, смущённо и робко улыбался случайным прохожим. Его неосознанно тянуло вернуться в калейдоскоп событий, мимолётным вихрем пронёсшихся по его такой размеренной и вялой жизни. Как бы он хотел ещё раз пережить перипетии этих дней, почувствовать себя наследным князем, единственным отпрыском знатного и гордого рода...

Стоя на промозгом осеннем ветру, продрогший Микрошин вдруг задумался об ответственности, которую налагает на него неожиданно обретённый высокий титул. Негоже ему, потомственному дворянину, просиживать в младших сотрудниках. Слово-то какое унижительное – младший. Пора взяться за хоть и отложенную, но почти законченную диссертацию, весной сдать кандидатские экзамены. Столько лет уже его зовут и предлагают защититься. Некрасиво получается. К тому же давно пришёл срок разобраться с дипломами и патентами. Ведь это не только его личные заслуги, это – мудрость многих поколений, накопленная и сконцентрированная в его генах. Относиться к наследию предков надо бережно и трепетно. Так что придётся напрячься и оставить после себя хоть сколько-нибудь заметный след, чтобы

не стыдно было перед потомками: не посрамил, мол, Микрошин фамилию, внёс свою посильную лепту.

Кстати, о потомках. Микрошин заметно посерьёзnel и приосанился. Чтобы многовековое генеалогическое древо окончательно не засохло, нужно заканчивать с привольной холостяцкой жизнью, пора задуматься о женитьбе и продолжении рода. Пока у него на примете нет достойной персоны, которая смогла бы родить наследника, придётся, должно быть, проконсультроваться у князя, как действуют в подобных случаях в аристократической среде. Да и квартирой надо бы заняться, не соответствует её скромный облик благородному происхождению хозяина. Ох, сколько планов, задумок, одна другой важнее!

Но сначала главное. Микрошин твёрдо решил, что на следующей неделе обязательно возьмёт накопленные отгулы и вместо намеченной поездки в Озёра воспользуется великодушным приглашением князя Р. – слетает к нему в Женеву. Необходимо доподлинно узнать: а не оскорблял ли какой-нибудь наглец и бретёр кого-либо из его достойных благородных предков? Ведь честь рода дороже всего на свете!

Старый двор

Грозный джип сопровождения не отставал, беспрекословно следуя манёврам ведущего автомобиля. Оба блестящих красавца старались вырваться из многокилометровой пробки, но безуспешно. Когда «мерседес» вынужденно тормозил, послушный джип тоже резко останавливался, при этом подавался вперёд мощным железным телом, так что едва не подталкивал едущую впереди машину. Шмелёв, в соответствии со своим служебным положением, сидел сзади в первом автомобиле, развалясь и расстегнув плащ. Он вальяжно закинул одну руку на спинку сиденья и легонько постукивал пальцами по соседнему подголовнику. В голове медленно плыли ленивые размышления. Например, чёрный тонированный монстр, сопровождающий его всю дорогу, вдруг по характеру поведения показался похож на задиристого бойцового петуха, который гоняется за его «меринном» и всё пытается клюнуть серебристый бампер.

«Хотя нет, – передумал Шмелёв, – не петуха. Скорее разъярённого быка. Вот он в бессильной злобе нападает на торе-ро, но, догнав, как вкопанный останавливается в считанных сантиметрах, замирает перед развёрнутой алой мулетой».

«Как у него получается настолько скрупулёзно держать дистанцию и на скорости, и в толчее, и на трассе? – привычно удивлялся Евгений Васильевич, уже много лет ездивший

в собственной машине исключительно в роли пассажира. – Вот бы разок самому сесть за руль и попробовать провести «мерс» по городу. Интересно, получилось бы или нет? Думаю, вышло бы, может, и не с первого раза, – самоуверенно заключил Шмелёв и утвердительно покачал головой. – Жаль, по статусу не положено». Большеглазый «мерседес» в очередной раз судорожно дёрнулся и встал. Отвлечённые рассуждения начальника прервал обернувшийся к нему шофёр:

– Евгений Васильевич, дальше на дороге совсем мёртво, что делать-то будем?

Шмелёв взглянул вперёд. Недавно отстроенная трасса утопала в сизой пелене выхлопных газов. Все полосы третьего кольца, насколько хватало обзора, были заполнены машинами и в одном, и в другом направлениях. Никакого продвижения не наблюдалось. Разнокалиберные автомобили пыхтели, урчали и дымили по обе стороны разделительного ограждения, но всё вхолостую. С примыкающих развязок настырно лезли жёлтые «газели» и пыльные грузовики. Озадаченный возникшей проблемой, обычно спокойный Шмелёв занервничал. Через несколько томительных минут, в течение которых машина не сдвинулась ни на сантиметр, он решительно скомандовал:

– Давай на Садовое! Может, там лучше.

Молчаливый водитель еле заметно поджал губы и включил указатель поворота. Спустя довольно продолжительное время они с трудом перестроились из крайнего левого ряда,

развернулись и двинулись в сторону центра. Времени до назначенной встречи оставалось всё меньше.

На Садовом кольце было ещё сложнее. Погода ухудшилась, уже накрапывало. Неразлучная пара попыталась перебраться на встречную полосу, благо металлического барьера по центру дороги, как на других важных магистралях города, здесь пока не установили, но где уж там. С противоположной стороны было не меньше желающих обогнуть многочасовой затор. Теперь взволнованный Шмелёв уже мало интересовался видом машин, которые его плотно окружали. Он нервно стучал пальцами по светло-серому, под цвет его плаща, кожаному сиденью, поглядывал на часы и хмурился.

– Давай переулками, – сквозь зубы проворчал Шмелёв, чувствуя, как в нём начинает закипать гнев. Лихорадочными толчками, вклиниваясь и проталкиваясь между плотно стоящими машинами, блестящее авто стало медленно, но настойчиво выворачивать вправо. Мощная «тойота» пугающе маячила сзади чёрной, как смоль, горой и служила надёжным прикрытием.

Раздражённый Шмелёв опять сверился с часами. «Vreguet» показывал, что солидный вроде бы запас времени, отведённый на дорогу, тает на глазах. Прекратившийся было дождь снова разошёлся, и транспортная ситуация окончательно испортилась. Множество мелких аварий моментально довели дорожную обстановку до катастрофической. ГАИ нигде не было видно: у инспекторов дорожно-патрульной

службы, похоже, нашлись более важные дела и разруливанием пробок никто не занимался. Призванный день и ночь двигаться динамичный город застыл и превратился в одну огромную пёструю стоянку.

Извилистые переулки изобиловали транспортом под стать Садовому кольцу. В узких местах из-за кое-как припаркованных, а то и брошенных с включённой аварийной сигнализацией машин было просто не проехать. Автомобили спешили и опаздывали, не уступая друг другу дорогу, перемешивались в хаотическом беспорядке, как плохо собранные мозаики. Шикарная шмелёвская связка, состоящая из двух словно приклеенных друг к другу автомобилей, потолкалась полчаса направо, налево, постоянно сигналижая дальним светом, притирая и расталкивая в стороны малолитражки, покружила внутри Садового, сместилась к Бульварному кольцу, пересекла и его. Всё было тщетно, заполонённый транспортом город усиленно пыхтел выхлопными трубами, гудел клаксонами, мигал фарами, но почти не двигался.

Раздосадованный непредвиденным осложнением Евгений Васильевич в очередной раз обречённо посмотрел на изящный швейцарский хронометр, хотя прекрасно знал, который час. Тяжело вздохнув, он слегка ослабил туго затянутый на шее тёмно-синий в светлую косую полоску галстук, окинул взором скопище окружающих машин и, набрав номер секретаря, сухим голосом приказал:

– Отмените назначенную встречу, извинитесь, скажите,

что у нас не получилось по техническим причинам. Уточните, когда можно будет увидаться в ближайшее время. Если возможно, постарайтесь перенести на завтра. Перезвоните, я жду.

Дождь почти перестал, только резкие порывы колючего ветра продолжали срывать с практически голых ветвей последние пожухлые листья и крупные холодные капли. Бледное солнце попыталось было проглянуть сквозь плотную свинцовую завесу, обозначилось крошечным пятном на безрадостном небосклоне, но раздумало и снова скрылось в пелене облаков. Оно будто увидело через своё небесное окно унылую картину поздней столичной осени: покрытый лужами асфальт, бегущие вдоль тротуаров потоки грязной воды, охапки слипшейся листвы в водостоках, прячущихся по карнизам домов продрогших голубей – и отвернулось. Потом, всё потом; оно появится снова, лишь когда придёт время празднично-искрящейся, одетой, словно счастливая невеста, во всё белое красавицы-зимы.

Нудный дождь окончательно прекратился, а реки разноцветных зонтов всё текли и стекали по улочкам к промокшим блестящим площадям. Эти быстротечные, суетливые потоки всасывались в подземные переходы, ведущие к станциям метро.

«Видно, не судьба», – рассуждал поставленный в тупик Шмелёв, с брезгливым выражением наблюдая картину осенней непогоды за тонированным окном автомобиля. Он не

мог припомнить другого такого случая, когда бы дела не заладились, да ещё так фатально, – переговоры планировали заранее, выехали с большим запасом, три раза меняли маршрут, и всё безрезультатно. «Странно. Как будто какая-то сила не пустила», – заметил обыкновенно не склонный к мистике и суевериям Евгений Васильевич.

Перезвонил секретарь и довольным голосом сообщил, что всё улажено, встреча перенесена на завтра, на одиннадцать. Шмелёв сухо поблагодарил и удовлетворённо перевёл дух. Но расслабиться так и не смог, напряжение и нервозность не проходили. Между тем затор только увеличивался. Минут пять Шмелёв посидел в машине молча, уставившись в пространство. Затем в очередной раз оглядел понурую улицу, расположенные поблизости мрачные серые и тёмно-коричневые здания, узнал район столицы, где случайно оказался, – и тут ему в голову пришла неожиданная идея.

Массой дел был непрерывно загружен Евгений Васильевич. И вот случилось так, что впервые за последние годы из-за отмены запланированных переговоров он мог располагать скромным досугом. По прихоти судьбы в этот момент оказался поблизости от тихого крошечного двора, где довелось когда-то жить. Подумалось, что нужно использовать уникальный шанс предаться ностальгии, навестить памятные места детства и юности.

Удивив своим порывом водителя и охранников, Шмелёв заявил, что хочет пройтись пешком. Этого он не делал уже

много лет – а на глазах подчинённых вообще ни разу. Да ещё в одиночестве! Опытный, давно работающий со Шмелёвым шофер виду не подал, а вот охрана явно озадачилась, ведь нарушались все мыслимые должностные инструкции. Но делать было нечего: проведя на всякий случай консультации со своим начальством, работники службы охраны покорно оставили сердитого Шмелёва одного, забрались в джип, припарковались на тротуаре и запаслись терпением.

Подняв воротник плаща, застегнув все пуговицы и педантично обходя зеркала луж, Евгений Васильевич медленно побрёл на встречу со своим двором. Там, в тени старого раскидистого тополя, в углу у дощатого зелёного забора, быстротечно, за игрой в индейцев и разведчиков прошло его детство. Там, у самодельного стола, сколоченного из старых досок и покрытого затёртым куском линолеума, за шашками и картами пронеслось отрочество. Там же под аккорды вечно расстроенной гитары и хриплые записи единственного на всю компанию магнитофона-кассетника танцевала в клешах и мини-юбках его длинноволосая мечтательная юность. Незрелыми размышлениями о смысле жизни, тенденциях мировой политики и, конечно, особенностях женской сексуальности отметилась вольница студенческой поры. Здесь он, тогда ещё просто Женька, встретил первых друзей и первую любовь.

Сероглазая Ира жила в том же дворе, в дальнем подъезде, и была младше Евгения. Разница в два года ощущалась

пропастью, могучей стеною, да что там, целой эпохой, разделяющей поколения. То ли поэтому, а может, по каким-то другим причинам, но всё у них получилось не сразу. Долгое время Евгений просто не замечал Ирину, не обращал на неё внимания. А потом, уже после окончания школы, внезапно влюбился – крепко, надолго, тогда казалось, что навсегда.

Все, абсолютно все тёплые воспоминания юности были связаны с этим маленьким двором. Тут они проводили лунные весенние и летние вечера. С наступлением темноты двор благосклонно принимал их в свои сумеречные объятия и отпускал домой далеко за полночь, возбуждённых и переполненных пылкими эмоциями. Здесь всё принадлежало только им: скамейка, условленное время встречи, характерный местный жаргон, смешавший ключевые фразы из расхожих анекдотов и цитаты из популярных фильмов. Всё было их достоянием, как будто создано специально для их счастливого существования.

Но как бесконечно давно это было! Далёкие годы казались полузабытым чёрно-белым фильмом о мальчишке-подростке, выросшем в небольшом, типичном для того времени московском дворе. А где видел эту картину, в каком кино-театре, как назывался фильм, кто исполнял главные роли, – уже и не вспомнить. Теперь, конечно, у всех другие дворы. У всех семьи, работа, дети, машины, коллеги, корпоративные вечеринки, презентации, логотипы, визитки и прочая деловая мишура. Былое же осталось в старых фотоальбомах, пы-

лящихся на самых дальних полках книжных стеллажей.

Однако Шмелёв всегда отличался хорошей памятью. Сейчас он стремился туда, где прошло его детство. Уже не Женя – Евгений Васильевич. Так иногда нас навещает давний друг детства: сваливается как снег на голову, почти забытый и почти неузнаваемый. Вот и Женя изрядно изменился. Он возмужал, посерьёзней и повзрослел, в тёмных, по-прежнему густых волосах начинала проблёскивать седина, а глаза стали усталыми и грустными.

Именно взглядом теперешний Евгений Васильевич больше всего отличался от молодого Жени. В далёкие беззаботные времена его глаза как огнём светились. Даже старые фотографии передавали это впечатление – будто бы он мог зажечь всё вокруг себя. Будто время не властно над юным искрящимся взором, будто ничто не в силах его омрачить. Такие вот по-детски наивные, романтические мечты.

Действительность налетела гудящим на всех парах локомотивом. Она разметала палаточный лагерь, разбитый на берегу реки, прервала пение под гитару у потрескивающего снопами искр костра, затмила образ величественной бригантины, бороздящей лазурные просторы. А ведь не так уж много времени прошло. Когда же романтику заменили счета-фактуры, квартальные балансовые отчёты, внеплановые собрания акционеров?

Теперь усталый, рассеянный взгляд Евгения Васильевича блуждал по фасадам знакомых домов, изгибам переул-

ков. Он всего лишь свернул с центральной городской магистрали – и пропали броские витрины фешенебельных бутиков, призывные огни ресторанов, рекламные щиты сотовых операторов. Затих пронзительно-резкий звук сирен и монотонный автомобильный гул. Медленно шагающий Шмелёв погрузился в атмосферу двадцатилетней давности. Новенькая брусчатка, выложенная перед заведениями, которые следили за своим имиджем, уступила место шерботому, потрескавшемуся асфальту, аккуратно отреставрированные фасады престижных магазинов – облупившимся, покрытым граффити стенам.

Евгений Васильевич и сейчас мог пройти по этим улицам с закрытыми глазами, найти нужный дом, подъезд и дверь. Он всё помнил в округе с тех давних пор, возможно, даже гораздо лучше, чем цифры последних биржевых сводок. Приближался родной двор, и тем большее он испытывал смятение. Хотелось ускорить шаг, сорваться с места, побежать – хотя торопиться, конечно, было некуда. Солидный и всегда уверенный в себе Шмелёв пытался сдерживать волнение, но неосознанно комкал в руке аккуратно сложенные перчатки.

Из подворотен соседних домов по-прежнему доносились характерные запахи старого московского быта – сырой штукатурки, коммунальных кухонь, дерева, аммиака и ещё чего-то неуловимого и сокровенного, растворённого только в воздухе таких уютных тихих дворишков. Узкая улица изгибалась и медленно поднималась в горку. На середине подъ-

ёма Евгений Васильевич распахнул плащ и остановился. С непривычки ходить пешком он запыхался и решил слегка передохнуть. С удовольствием вдохнул влажный воздух, поднял голову...

По этой улице он раньше проходил дважды в день. Утром вприпрыжку спускался в школу, весело размахивая пухлым портфелем и мешком со «сменкой», а к обеду бодрой походкой возвращался домой. Улыбнувшись, Евгений Васильевич вспомнил, как он, сосредоточенный и чуточку испуганный, с огромным букетом разноцветных астр, в серой беретке на коротко стриженной голове, пошёл в первый класс. Ему, детсадовскому ребёнку, было не привыкать проводить свой день вне дома, в чужих стенах, в большом шумном коллективе. И всё равно он сильно оробел, когда услышал громкую патриотическую музыку, доносящуюся из мощных динамиков, увидел возле школы огромное скопление гомонящего народа. Шмелёв довольно хмыкнул и улыбнулся: «Да, всё это было. Боялся, стеснялся, даже хныкал...»

Он припомнил, как в младших классах убирали осенью школьную территорию. Всем выдали длинные, не по росту грабли. Исполнительные девчонки тщательно сгребали мусор и опавшую листву в аккуратные кучки. Ребята же, одетые в унылого мышинового цвета, словно сиротскую, форму, вдруг вообразили, что у них в руках не садовый инвентарь, а пики и мечи, и устроили целый рыцарский турнир. А после субботника азартно кидались охапками только что собран-

ной листвы, сведя на нет всю выполненную работу.

Ещё одна яркая картинка. Вот они вдвоём с загадочным другом поджигают в июне комки скатавшегося тополиного пуха – и потом улепётывают со всех ног от злобной старушки, которая кричит на них противным визгливым голосом и грозит вызвать милицию.

Евгений Васильевич даже не ожидал, что так разволнуется от обилия воспоминаний. Они пробудили в нём что-то потаённое, дремлющее, запрятанное в самые глубины души. Расчувствовавшийся Шмелёв стоял и улыбался, опершись спиной о серую бетонную загородку, крутил в руках перчатки и глубоко, с наслаждением вдыхал холодный осенний воздух. Он рассматривал стену и балконы ближайшего дома, пытаясь справиться с эмоциональным всплеском, прежде чем двинуться дальше.

Он сразу узнал свой старенький двор. Дом имел форму буквы «П» и выходил на улицу пятиэтажным фасадом с аркой, где в любой сезон и время суток стоял таинственный полумрак. Справа и слева от центрального фасада уходили в глубину двора стены с массивными темно-коричневыми дверями, а в самой дали, замыкая внутреннее пространство, возвышался высокий глухой забор соседнего, как тогда говорили, кооперативного, дома. Именно около него и находился раньше заветный самодельный стол со скамейками. В самом центре двора для малышей была устроена песочница с грибом, из труб сварен турник для молодёжи, установлены де-

ревянные лавочки для старушек и молодых мам. Огромный тополь по-прежнему главенствовал в правом углу, нависая могучими ветвями над соседними деревцами. Старые деревья, окруженные стенами и не доступные порывистому ветру, желтели последней задержавшейся в кронах листвой.

Позабытые чувства тёплым густым елеем нахлынули и наполнили светом душу. Двор был тот же и одновременно иной. В тех же низменных местах стояли вечные лужи, и так же медленно текло здесь время. Одна старая скамейка чудесным образом сохранилась, и это была именно их скамейка. Она изрядно постарела, как-то уменьшилась, будто вросла в землю, и покосилась.

Вдруг Шмелёв испытал странное чувство. Подумалось, что это и есть его настоящее место, родной дом. Малая родина. Из-за постоянной навязчивой суеты он почти забыл о ней. Изображение перед глазами слегка замутилось, краски смазались и медленно поплыли перед глазами. Со стороны могло показаться, что высокий импозантного вида господин протирает шёлковым кашне очки от последних капель дождя. Но это был не дождь, а слёзы.

Во дворе играли чужие дети. Когда Евгений был здесь последний раз, их родители, скорее всего, ещё не знали друг друга. А может, сами строили куличики в местной песочнице? «Надо же, – смущённый собственной сентиментальностью Шмелёв горько усмехнулся, – прошли почти двадцать лет, как один день пролетели».

Он машинально посмотрел на Иринины окна. Там висели другие занавески, вероятно, жили посторонние люди. «А вдруг нет? – мелькнула шальная мысль. – Вдруг произошло фантастическое: Ира, несмотря на все перемены в стране и мире, не покинула свою маленькую уютную квартиру? Так и живёт – в продолговатой, заставленной всякой всячиной комнате с одностворчатым окном на углу дома? Нет, теперь он к ней, конечно, не зайдёт. Зачем? Может получится глупо, смешно и, главное, бессмысленно». Тщательно просчитывающий сложные многоходовые комбинации Евгений Васильевич не привык совершать опрометчивые поступки и совсем не желал оказаться в неловком положении. Всё закончилось давно, ещё тогда. Так же внезапно, как и началось.

Хотя с Иррой он учился в одной школе, в те годы Женька её почти не помнил. В его классе было много красивых девушек, с которыми он встречался в дружной компании. Они вместе ходили в кино, отмечали праздники, выезжали на природу, ну и, конечно, играли в «бутылочку». На младших девочек ребята из его класса не обращали внимания, если подозревали со стороны «малышни» какие-то заигрывания – реагировали высокомерно.

Но однажды, спустя год после окончания школы, Женя вдруг увидел в своём дворе очаровательную стройную девушку со слегка вьющимися русыми волосами. Она в момент сразила его своей красотой.

– Кто это? – как бы между прочим, пытаюсь скрыть свой

истинный интерес, спросил он у друзей, которые стояли рядом.

– Жека, да ты что? – изумились в один голос ребята, – это же Ирка. Она училась в нашей школе и ушла после восьмого класса.

– Странно, совершенно не узнал, – медленно протянул в ответ изумлённый Женя, глядя вслед изящной фигурке. – Она, должно быть, сильно изменилась за последнее время, – добавил он задумчиво. И «влип». Сам не заметил, как чувство, не пришедшее в школе, расцвело в нём годом позже в полную силу.

Женя окончил школу одним из лучших в классе, хотя и без медали, и сразу поступил в институт. Ира же отправилась в техникум после восьмого класса, выучилась на кондитера и уже работала на «Красном Октябре». Она была из простой семьи. Её отец умер пять лет назад от сердечного приступа, имелась ещё и младшая сестрёнка, вот и пришлось пойти на производство, чтобы помочь матери.

Влюблённые не расставались ни на день. После занятий Евгений или возвращался домой, или оставался готовиться к семинарам в читальном зале, а в условленное время приезжал на улицу Серафимовича и возле кинотеатра «Ударник» ожидал отработавшую смену Ирину. Иногда они сразу шли в кино, но чаще через Большой Каменный мост покидали сонное, тихое Замоскворечье и перебирались на другую сторону Москвы-реки. Переулками доходили до дома, где в при-

вычном месте их уже обыкновенно ждала весёлая компания. Друзья травили анекдоты, делились свежими впечатлениями, рассказывали смешные истории из студенческой жизни – словом, наслаждались молодостью, тем благословенным временем, когда жизненная энергия бьёт через край, а взрослые заботы ещё не тяготят. Потом Женя провожал Ирину, и они долго целовались в тамбуре её подъезда в пыльной полутьме, заставляя вздрагивать от неожиданности припозднившихся жильцов.

В общем, Евгений парил в облаках. Теперь он был студентом, ощущал себя взрослым и солидным человеком. К тому же чрезвычайно гордился, что у него – первого в компании – появилась девушка. Причём из их же обожаемого, «семейного» двора. Это так здорово – можно одновременно слушать игру на гитаре, общаться с друзьями и обниматься с любимой.

Иногда, если Ира особенно уставала на работе, она раньше всех уходила домой. Женя провожал её и возвращался к ребятам спустя десять минут с блаженно-отсутствующим видом. «Ну что, нацеловался?» – ехидничали наблюдательные друзья. Евгений ничего не отвечал, но этого и не требовалось: всё на лице было написано.

Ему по-хорошему завидовали. Подтрунивали, что, мол, классно и комфортно устроился в жизни: детсад в соседнем дворе, школа под боком – две минуты ходьбы, институт выбрал поблизости от дома, чтобы через весь город не мотать-

ся каждый день. Да ещё и девушку умудрился найти себе прямо во дворе – ни тебе долгих провожаний и расставаний, не нужно следить за временем, чтобы успеть на пересадку в метро. Во как хитрый Женька всё продумал, во как компактно всё смог организовать!

В ответ на ехидные подколки товарищей Евгений с видом триумфатора замечал: им самим предоставлялись точно такие же возможности. Могли бы сделать так же, и всё было бы у них, как и у него, – правильно, красиво и под рукой. Острые на язык друзья возражали: они бы с удовольствием, да красивых девушек не осталось ни во дворе, ни в округе, Жека самую лучшую увёл.

Ирина и правда была хороша – высокая, гибкая, русоволосая, на пухлых губах угадывается намёк на улыбку. Женька был охвачен настоящим чувством. Он купался в своей страсти, вдыхая бесподобный запах её волос, глядя в её серо-голубые глаза. Даже шуточные внушения по поводу необузданности характера, частенько выслушиваемые от Иры, доставляли своеобразное удовольствие.

И Ирине, и себе самому Женька задавал один и тот же наивный вопрос: как он раньше не замечал её, не выделял из общей массы девушек? Польщённая Ирина отшучивалась. Говорила, лукаво улыбаясь, что её, может, раньше здесь и не было.

За спиной пронзительно скрипнула парадная дверь, погружившийся в воспоминания Евгений Васильевич вздрог-

нул и обернулся. Из подъезда вышли двое ребят и девушка. Как же эта была похожа на ту, что жила здесь когда-то! Русые волосы, слегка касающиеся плеч, застенчивый, но прямой взгляд. И смех такой же звонкий, задорный, увлекающий...

Троица шла, громко переговариваясь и смеясь. К незнакомцу ребята присматривались оценивающе. Шмелёв наблюдал за ними с таким же очевидным интересом. Вот подростки понизили голоса, затем вовсе настороженно примолкли. Как и он в своё время, они знали всех местных в лицо, а большинство и по имени-отчеству. Подобно ему, делили окружающий мир на «своих» и «чужих». Рослый Евгений Васильевич, в роскошном плаще и до блеска начищенных ботинках, был чужаком. Двор теперь принадлежал не ему – этим ребятам. А он – он стал посторонним по отношению к тому, чем когда-то дорожил. Отчуждение, возникшее между ним и молодыми людьми, было очевидным. И очень явно обозначилась стена, которую Шмелёв воздвиг между своим настоящим и прошлым.

В студенческие годы беспечный Женя расстался с Ириной. Они разругались на всю оставшуюся жизнь, как он считал, из-за сущей глупости, можно сказать, ерунды. С одной стороны выиграла дурацкая гордость, с другой – проявил себя безмозглый юношеский максимализм.

В институте Евгений учился усердно. На красный диплом из-за полученных в первый год пары троек и четвёрок

не тянул, но оценивали его на курсе довольно высоко. Это позволяло претендовать на хорошее место при распределении. Коммуникабельный и остроумный, он обзавёлся множеством новых друзей и знакомых. Мало-помалу появилась своя студенческая компания. Сначала, как и водится, она имела чисто мужской состав, но постепенно молодые люди обзаводились подружками. В основном это были студентки из их же института, только с других курсов и факультетов. И только одна Ирина не училась в вузе, а работала на комбинате.

Институтская компания оказалась не настолько тесной, как дворовая. Все здесь были целеустремлёнными и амбициозными, а следовательно, и более разобщёнными. Все, в том числе и девушки, строили далеко идущие планы. Вот тут-то и стала всё отчётливее проявляться разница между начитанными, образованными студентками из интеллигентных семей – и Ирой. Её не то чтобы плохо приняли в новой компании, совсем наоборот. Ещё бы, такая красавица. На неё заглядывались все юноши без исключения, многие втайне завидовали Жене. А девушки, особенно сладкоежки, с интересом расспрашивали о работе или просто мило болтали ни о чём. Но мало-помалу становилось всё виднее, что у Иры со студенческой компанией кругозор и интересы не совпадают.

Постепенно в душе Евгения росло какое-то смутное чувство. То и дело его девушка попадала в неловкие ситуации. Танцевала-то грациозная и подвижная Ирина получше мно-

гих, смеялась и беседовала за столом наравне со всеми, но как только доходило до «умных» споров или интеллектуальных игр, начинались всякие казусы.

Однажды они играли в «изображение». Требовалось без слов, с помощью одних жестов объяснить своей команде, какое слово или словосочетание загадали соперники. Подошла Ирина очередь «изображать». Она беспечно вытянула фант с заданием, прочитала его, посерьёзнела, покрутила в руке бумажку и, смутившись, призналась, что не знает такого слова. Играли азартно, поэтому начали спорить, засчитывать ли очко. Договориться заранее о таких случаях никому в голову не пришло. И тут кто-то сказал:

– Ребята, да сжальтесь вы, Ира ведь на фабрике работает. Скорее всего, она этого слова никогда в жизни не слышала.

Поражение команде не засчитали, фант переиграли, но тягостное воспоминание у Жени и Иры осталось навсегда. Выводы каждый сделал свои. Раздосадованный Женя внезапно осознал, что при всей своей притягательности в интеллектуальном плане Ира не дотягивает до уровня его институтского окружения. А Ирина просто решила реже появляться в студенческом кругу. Ей было намного комфортнее в привычном дворовом сообществе. Там её воспринимали такой, какая она была. Росли все бок о бок с младенческих лет, никто ни от кого не требовал прыгнуть выше головы.

Лёгкая трещина, раз появившись, стала давать о себе знать всё чаще. Когда Евгений звал Иру на институтские

сборища, она предлагала ему любую возможную альтернативу, лишь бы не попасть опять в глупое положение на глазах возлюбленного и его друзей. Женя ей сочувствовал, но потихоньку начал тяготиться таким положением вещей. Иру он по-прежнему любил, однако свободное время зачастую предпочитал проводить с сокурсницами: нельзя, мол, студенту без интеллектуального общения. Ирина всё это видела, проблему осознавала и считала себя в ней виновной. Ей и искать решение.

Ира прилично зарабатывала. Она была фактически единственной кормилицей в семье: младшая сестра ещё училась в школе, а мама в поликлинике получала очень скромную зарплату, которой ни на что не хватало. Однажды Ирина, волнуясь, сообщила Евгению, что собирается пойти учиться на вечерние курсы, как только сестра закончит школу. Конечно, без отрыва от работы, ведь даже на время оставить её не получится. Потом она, возможно, окончит заочный институт, станет мастером, а в дальнейшем, быть может, и заведующей производством. Ира прекрасно понимала, что воплотить эту идею в жизнь будет очень не просто. Предстоит редко видаться, учиться вечерами после напряжённой смены. Но как иначе сохранить их угасающую любовь?

– Ты мне поможешь с занятиями, – доверительно спросила девушка, – ведь я уже очень многого не помню?

Начиная серьёзный разговор, Ирина преследовала благую цель, но момент был выбран неудачно. Женю в тот день за

формально выполненную дипломную работу сурово раскритиковал научный руководитель. А когда обиженный на замечания Евгений покидал институт, ему встретилась однокурсница. Она всегда донимала его вниманием, вот и сейчас не прошла мимо, уколола ехидной фразой:

– К «фабричке» своей спешишь? – и иронично улыбнулась.

Так что Евгений был в весьма подавленном настроении, когда Ирина поделилась с ним своими планами. Вот и ответил резко, что заочное образование – это, в сущности, не образование, лучше не тратить время впустую. Есть, сказал он, масса способов провести досуг гораздо интереснее и с пользой для дела. Всё равно диплом о заочном обучении – бесполезная бумажка, которую лучше никому не показывать.

Оторопевшая Ира пыталась как-то спасти ситуацию, даже робко настаивать начала, что на её работе и заочный диплом будет полезен. Но Евгений разошёлся не на шутку. Он в запальчивости выплеснул на девушку всё накопившееся раздражение. Заявил, что в современном обществе существуют три класса: рабочие, колхозники и интеллигенция, – и каждый должен реализовывать себя там, где ему предопределено судьбой. И нечего без толку дёргаться! Крестьяне, горячился парень, не должны писать книги, а инженеры копать картошку на полях.

– Ты считаешь, что я принадлежу к другому классу? – только и смогла выдать огорошенная такой отповедью

Ирина. И, не оглядываясь, убежала. Навсегда.

Женя твердил себе, что Ира сама во всём виновата – не так поняла, ложно истолковала ход его мыслей. Хотя почему ложно? Если говорить начистоту, он уже давно считал, что её социальное положение снижает его рейтинг среди однокурсников. В дальнейшем это может и на карьере негативно отразиться, ведь на носу защита дипломной работы, госэкзамен, распределение.

Расставание с Ириной было только первым шагом во взрослую – одинокую – жизнь. Отдаление, а потом и окончательный разрыв с друзьями детства, с местом, где родился и вырос, не заставили себя ждать. Поспособствовала этому казавшаяся невероятной гибель великой империи. Минул только год после окончания Евгением института, как раскололась, развалилась на куски огромная страна. Забурлили смутные времена, открылись огромные, невиданные доселе перспективы, представились уникальные условия для поднятия личного благосостояния на фантастический уровень. Грех было бы этим не воспользоваться. И Евгений со всей самоотдачей погрузился в бурные волны зарождающегося национального бизнеса.

Он без устали трудился, рыскал, суетился, молниеносно реагировал и перестраивался, мгновенно принимал сложные, порой опасные решения. Рисковал, рисковал и ещё раз рисковал ежедневно, ежечасно. Игра стоила того – на кону была новая, блистательная жизнь. Уж очень хотелось покон-

чить с убогим существованием, вырваться из малогабаритной квартирki, из милого, дорогого, но всё же очень тесного мирка, затерянного в огромном и многообещающем городе.

Заложив руки за спину, Шмелёв медленно обходил двор. Дошёл до своего бывшего подъезда, остановился. В старую перекрашенную дверь был вмонтирован новый кодовый замок. Евгений Васильевич решил было набрать номер квартиры, в которой когда-то жил, и даже сделал шаг к двери, но в последний момент раздумал. Что он скажет теперешним жильцам, если ему ответят в домофон? «Здравствуйте, я – Шмелёв. Здесь я родился и вырос, ползал по дощатому полу на четвереньках, сооружал под столом домик из подушек от дивана, гонял пластмассовые машинки и выстраивал ряды оловянных солдатиков; здесь пускал из окна бумажных голубей; по этим ступенькам на одном дыхании взбегал на третий этаж, размахивая портфелем; в тёплую погоду учил у раскрытого окна уроки; таскал по узкой лестнице грязные картонные коробки и скрипучие тележки с опостылевшим объёмным товаром...» Сколько всего связано с этим подъездом.

Рассматривая увесистую дверь, которую ему доводилось тысячи раз открывать и закрывать, Евгений Васильевич снова явственно ощутил стыд. Это чувство не покидало его в первые годы, когда он расстался с научным поприщем и ступил на витиеватую дорогу мелкорозничной торговли. Какой только гадостью ни пришлось фарцевать ему тогда. Он про-

давал китайские пуховики и сирийские майки, вьетнамские куртки и индийские бусы, тайваньскую косметику и прочий мировой хлам. Огромная, богатейшая страна вдруг превратилась в мировую помойку, в общепланетарный сток-центр, куда со всех континентов в тюках колоссального размера свозилась самая некачественная и дешёвая продукция.

В пуховиках через пару-тройку недель скатывался и проваливался вниз пух, отчего они приобретали форму колокола. Безобразно сработанные куртки часто даже не имели прострочки в нужных местах. С самодельных бус очень быстро облезала краска, а косметикой такой кондиции, какой торговал тогда Евгений, пользоваться было опасно для здоровья. И тем не менее весь этот мусор прекрасно сбывался.Groшовое изобилие выглядело диковинно и красочно, сияло блёстками, пестрело загадочными иностранными словами, иероглифами и этикетками. Позор... Вспомнив зарю своего торгового бизнеса, Евгений Васильевич даже на секунду зажмурился и передёрнул плечами. Страшно подумать, что россияне после стольких грандиозных побед, выхода в космос и других впечатляющих достижений, которыми гордились все от мала до велика, докатились до очередей за бесплатной гуманитарной помощью и одеждой из секонд-хенда.

Да, в те послеперестроечные годы он никак не мог отделаться от жгучего чувства стыда. Стыд его преследовал повсюду: когда он продавал никчёмные изделия с лотка на бло-

пином рынке в Измайлово, когда отчаянно торговался за каждый рубль с мелкими оптовиками в подпольных квартирах-складах. Он страшно стеснялся, когда ловил такси, чтобы доставить до дома объёмистую поклажу, когда извинялся перед соседями за шум и грязь на лестничной площадке. Ему казалось, что даже родной подъезд укоризненно смотрит на него окнами-глазами в облупленных, потрескавшихся рамах. На всём его тогдашнем «бизнесе» стояла печать стыда и позора.

Но вот выручка, выгребаемая вечерами из всех карманов, грела и обнадеживала. Дневной заработок от торговли был близок или даже превышал месячный оклад, который полагался Евгению по штатному расписанию в НИИ. Эти купюры, складываемые в аккуратные стопочки, в совокупности со стаканом водки – обязательным атрибутом окончания тяжёлого рабочего дня, – ретушировали тошнотворную действительность. Скрашивали, но не красили. От накопившихся внутренних противоречий и угрызений совести не спасали.

Евгений Васильевич вспомнил, как однажды убежал на рынок от своего бывшего заведующего кафедрой. Да уж, едва не столкнулся с ним нос к носу. Хотя Евгений не был лучшим на курсе, умудрённый профессор разглядел в студенте амбициозного, энергичного человека, способного вырасти в ценного специалиста. Он предложил Шмелёву остаться на кафедре, предрекал ему большое будущее. Польщённый

Евгений долго колебался, искренне благодарил профессора, но всё-таки от чистой науки и преподавания отказался. Ему хотелось применить свои знания на практике, сменить учебные аудитории на динамичную производственную обстановку. Заведующий кафедрой тогда предостерёг Женю:

– Хорошенько подумайте, молодой человек. Пожалеете потом...

При виде профессора, который, пытаясь не запачкаться в чавкающей под ногами грязи, рассеянно осматривал товар и двигался в его сторону, оцепеневший Евгений готов был провалиться сквозь землю прямо у своего лотка. Рядом озябшие продавцы с высшим образованием переминались с ноги на ногу, пританцовывали на промозглом ветру. Прячась за их спинами и коробками со скарбом, испуганный Шмелёв следил за профессором и с ужасом представлял, как преподаватель его заметит, узнает. Но, не дойдя до обомлевшего Евгения каких-нибудь пять-семь метров, заведующий кафедрой остановился перед обширной лужей и обернулся, чтобы посоветоваться о чём-то с женой. Это позволило Шмелёву незаметно ретироваться...

Он вернулся через десяток минут – всё ещё вспотевший, с влажными руками и ватными ногами. Посмотрел на своё «рабочее место»: три дощатых ящика накрыты выцветшей клеёнкой, сверху разложен «товар». На глазах удивлённых соседей он очень быстро, не упаковывая, собрал весь свой хлам и направился домой, хотя торговый день был в самом

разгаре и по всем приметам обещал приличную прибыль. Дома Евгений сбросил в угол осточертевший скарб и напил-ся так, что даже на следующий день не вышел на рынок.

«Да, – вздохнул Евгений Васильевич, глядя куда-то сквозь расположенную перед ним кирпичную стену и машинально кивая головой, – чего только не случилось в жизни: и прятался, и стеснялся, и вообще вёл себя, как прокажённый. А что оставалось делать? Надо же было как-то покончить с нищетой, выбиться в люди».

Жизнь, увы, далека от совершенства. В ней за всё приходится платить. Чем значительнее цель, чем выше хочешь подняться – тем, как правило, весомее и плата. Такое своеобразное жертвоприношение. Некий всемирный закон связывает грубую повседневность и хрупкую мораль. За успех расплачиваешься дорогим твоему сердцу, трогательным и нежным. Но разве кто-то задумывается в молодости обо всяких высоких материях? Женя вот, мечтательный и деловитый одновременно, и в мыслях ничего такого не держал. Однако принёс в жертву первую любовь и искреннюю дружбу.

Итак, у Шмелёва ярко проявилась коммерческая жилка. Он смог быстро сориентироваться в изменившейся обстановке, бросил работу в НИИ, куда попал по распределению, не жалея расстался с научной карьерой и самозабвенно занялся торговлей. Результаты не заставили себя долго ждать. У него первого изо всей компании появилась сначала импортная аудиосистема, а затем и шикарная видеоаппарату-

ра. Первым же Евгений обзавёлся собственной машиной: старенькой, выдавшей виды, раздолбанной «четвёркой». Эта модель как никакая другая соответствовала тогдашним Жениным потребностям – подходила для перевозки большого количества товара. Довольно скоро преуспевающий Евгений сменил её на «восьмёрку», а затем на более престижную «девятку» цвета мокрого асфальта.

Вопреки всем трудностям, отсутствию опыта и теоретической подготовки, он уверенно сколачивал первоначальный капитал. Распоряжался им ловко и успешно. Его вложения были довольно рискованными, но высокорентабельными и в итоге почти всегда приносили хорошую прибыль.

Вскоре «рыночные» деньги Шмелёв вложил в собственное дело. И сразу же столкнулся с целым комом проблем. Он засиживался допоздна, вчитывался в договоры, созванивался, контролировал, составлял и правил документы, переписывал контракты, рассчитывал себестоимость... Домой уходил последним, когда в здании оставалась только охрана. Но чтобы завершить самые безотлагательные дела, и этого было мало. Не привыкший отступать Евгений начал работать по выходным, а вскоре и вовсе почти не покидал кабинета. Такое усердие принесло ожидаемые плоды. Бизнес расширялся, чередой потекли деловые обеды, встречи, презентации, переговоры, отчётные собрания и комитеты.

Стремление к успеху безапелляционно воздвигло высокую, непробиваемую стену, отлучившую его от старого

круга общения. Всё реже виделся Женя с друзьями-товарищами. Сначала он пробовал переносить условленные встречи на ближайшие недели. Потом перезванивал, просил прощения, снова переносил дату, но опять не приходил, каялся, клялся, что уж в следующий раз ничто не помешает долгожданному сабантую, но всегда находились более важные дела.

Вскоре Евгений полностью замкнулся в производственных проблемах, совсем перестал звонить старым друзьям. Он объяснял себе эти жизненные перемены усталостью от командировок, важностью подготовки к переговорам с зарубежными партнёрами. Ведь они имели исключительную значимость для развития его молодой фирмы и могли привести к подписанию супервыгодного, такого привлекательного по условиям и срокам контракта.

Друзья сами звонили ему – сначала часто, потом регулярно, затем периодически и, наконец, изредка, а когда даже такое общение стало вестись через личную, подчёркнуто вежливую секретаршу, оставили попытки. Так сказать, в борьбе за влияние на бывшего друга полностью и безоговорочно победила «группировка», состоящая из широкоформатного телевизора, мягкого дивана и зеркального столика с набором глянцевого журналов и толстых бледно-жёлтых газет.

К сожалению, ровесники, с которыми он дружил с детства, не могли похвастаться особыми успехами. По разным причинам у них не получилось удачно устроиться в жизни.

У одного никак не ладилась отношения в семье: сходился, расходился, уходил из дома, снова возвращался. Естественно, семейные передряги мешали работе и карьере. Второй из-за потери бывшего значимого статуса стал прикладываться к бутылке. Другие не могли найти не только достойную работу по специальности, а и вообще сколько-нибудь приличное место. Но главное, у всех Женькиных друзей была одна серьёзная проблема: у них не имелось чутья на то, где и каким способом можно заработать. Да и такой жёсткой хватки, как у Евгения, им явно не доставало. Словом, они не умели делать деньги! А именно этого требовало царившее в стране смутное время. Экономическую ситуацию того периода можно было охарактеризовать одним броским лозунгом: «Обогащайтесь, как можете!»

Когда Евгений Васильевич достиг приличных высот и стал довольно известным бизнесменом, некоторые теперь уже бывшие друзья, наступив на гордость, пытались напомнить ему о себе. Конечно, не в попытке возродить былые тёплые отношения, Евгений это прекрасно понимал. Нет, это был крайний шаг, вызванный отчаянием, продиктованный неудовлетворённостью работой, нищенским жалованием, полной бесперспективностью и общей давящей безысходностью. Оказавшиеся не у дел товарищи рассматривали Шмелёва как последний шанс, надеялись на него как на стратегический резерв, который можно тронуть только в самой безнадежной, исключительной ситуации. Вдруг добившийся

многого Евгений Васильевич по старой памяти подкинет какую-нибудь хорошую работу, всё-таки столько лет прожили в одном дворе.

Но у большого бизнеса свои законы, нарушать их он как не просто даже законному владельцу. Раз уж ты сам ввёл жёсткие правила игры, то будь любезен, следуй им, соответствуй. Иначе и подчинённые, глядя на плохой пример, нет-нет да и станут тоже позволять себе какие-нибудь вольности.

Стремясь всё держать под контролем, Евгений Васильевич много времени проводил в командировках. Он инспектировал предприятия, изучал оперативную обстановку, разбирался с трудностями производства. В перерывах между разъездами по стране и заграничным отдыхом работал в Москве. Большая часть «столичного» времени была отдана совещаниям, встречам и переговорам. Так что застать его в свободную минутку, чтобы просто поговорить по телефону, удавалось очень редко. Кое-кто из бывших друзей всё же умудрялся до него дозвониться, но заваленный собственными проблемами Евгений Васильевич отвечал коротко, без видимых эмоций. По-деловому узнавал, что конкретно от него требуется, и затем, не выказывая особого расположения, поручал судьбу просителя отделу по работе с персоналом.

Претендентам на должность, кроме предоставления стандартного резюме, приходилось заполнять анкеты, проходить собеседования и проверки на общих основаниях. Так на

фирме было заведено изначально, и исключения ни для кого не делались. Потом происходила встреча с начальником отдела. Он беседовал с каждым, составлял своё мнение и, поскольку ходатайство о приёме исходило от самого Шмелёва, докладывал лично ему. Результаты оказывались неутешительными. Старым знакомым Евгения Васильевича не хватало профессиональных знаний и навыков, да и карьерные данные оставляли желать лучшего.

– Лежалые кабачки, – скроив сочувственную мину, докладывал начальник отдела, коренастый лысоватый дядька, заядлый дачник и огородник. – Нам нужны инициативные, хорошо подготовленные молодые люди, которые могли бы поднять предприятия в регионах, наладить процесс и поддерживать интенсивный рабочий ритм. А у этого, – продолжал он, небрежно покачивая папку с тоненьким личным делом, – ворох семейных проблем и букет хронических заболеваний. Всё совсем наоборот, Евгений Васильевич.

Такой вот обычно бывал итог. Может, из-за отсутствия добротных профессиональных характеристик, а возможно, из-за стремления высшего руководящего звена ограждать шефа от бывших близких знакомых, но никто из Жениных друзей на работу в его процветающий холдинг так и не попал. Никому не был предоставлен шанс проявить дремлющие (а вдруг?), скрытые от посторонних глаз таланты. Войти в положение слабых – увольте, не имелось у привыкшего побеждать Евгения Васильевича такой привычки. Друзья

не пригодились.

Так со временем истончилась, а потом окончательно порвалась своеобразная пуповина, связывавшая его с детством. Пропала потребность в общении с когда-то родственными душами. Отношения свелись к формальному – раз в году – поздравлению с днём рождения. Дежурный вопрос «как дела?» по сути ведь не требует развёрнутого рассказа, ответ предполагается штампованный: «нормально». Ну или же «хорошо». Потому что былая близость давно канула в Лету, исчезла доверительность, которая единственная предполагает обсуждение сокровенных проблем.

Общался Шмелёв теперь не со своими давними товарищами, а с фотографиями в старых альбомах. Показывая их кому-нибудь при случае, объяснял: «Это вот мой друг детства, школьный приятель, с ним мы сидели за одной партой, жили в одном дворе».

Постукивая сверкающим мыском ботинка по щербатому бордюрному камню, Евгений Васильевич безрадостно вздохнул, уставился в какую-то точку в стене дома. Да, когда-то в этом дворе жили общей жизнью, и у него самого были со всеми единые интересы.

Шмелёв дошёл до угла дома и, смахнув песок с изъеденного временем сиденья, присел на старую скамейку. Ещё раз взглянул на Ирины окна. Интересно, помнит ли она его? Скорее всего, отправила воспоминания на свалку времени. Даже самые любимые игрушки стареют, надоедают, ломают-

ся и, соответственно, выбрасываются, а тут что уж говорить. Наверное, надо было самому тогда быстрее соображать, бороться за хрупкое счастье. Мог бы броситься за Ирой вслед, остановить, объяснить, что бездарно пошутил, разыграл глупый спектакль, осушить губами первые слёзы. Глупо было становиться в позу обиженного, изображать трагика на провинциальной сцене. Следовало в учёбе не на экономическую географию налегать, а на психологию человеческого общения. Не заучивать, где что из земли выкопать можно и какой завод, беспрерывно копя небо, сколько чего выпускает, а научиться лучше людей понимать. Да и в себе самом хорошо бы вовремя разобраться, чтобы не губить важнейшие в жизни вещи своей невежественностью и дикостью.

Шмелёв вытянул ноги, сцепил в «замок» пальцы и задумался о том, какие отношения у него складывались с женщинами после Ирины. И с грустью осознал – коммерческие, чисто коммерческие и формальные, и на работе, и вне её. «Синтетика и суррогат», – охарактеризовал их Шмелёв. Он нагнулся, подобрал с земли камешек, покрутил его, ощущая выпуклости и шероховатости, осмотрел со всех сторон и отбросил в сторону.

Ничего не осталось в его жизни от этого старого двора. Бескорыстие воспринимается архаизмом, искренность – такой вот окаменелостью. «Мир жёлтого дьявола», куда попасть так страстно стремился Евгений, до смешного быстро трансформировал ценности, на которых он рос. Не только

окружение изменилось – сам он стал иным. Видимо, поэтому смог приспособиться к новой системе ценностей, к новому типу отношений. Нашёл себе место, отвоевал его у конкурентов, удержался если не среди самой верхушки общества, то, во всяком случае, довольно близко к его вершине. «Точно так же, – ухмыльнулся Евгений Васильевич неожиданно пришедшему в голову сравнению, – появившиеся за последние десятилетия генномодифицированные продукты, которые обладают повышенной жизнестойкостью и способностью адаптироваться к изменениям внешней среды, заменяют на прилавках традиционные продукты питания. Похоже, в нематериальной сфере действуют те же диалектические законы развития. Вот и уходят из человеческой жизни естественность, доверительность и душевность. Равнодушие и безразличие их вытесняют. Любовь, желание, нежность? Да бросьте! От показательных прогибов тел девушек лёгкого поведения и отработанных деланных охов и ахов несёт, как от изделий из дешёвой пластмассы. А уж если заглянуть им в глаза... Там, как в такси, с бешеной скоростью щёлкает счётчик, меняются цифры, отсчитывая минуты оплаченной суррогатной близости и скомканного бессмысленного, бесполезного контакта».

За всё надо платить. Эта древняя мудрость присутствует в жизни Шмелёва и в прямом, и в переносном смысле. Он оплачивает эскорт-услуги, чтобы на публичных мероприятиях его сопровождали эффектные, элегантно одетые особы

ростом под метр девяносто. Переговорщики и контрагенты просто не в состоянии отвести глаз, особенно когда девушки безупречным отточенным движением переключаются одну ногу на другую. Он дорого платит за дешёвую имитацию любви, а после быстрого безэмоционального прощания ощущает пустоту. И кричи не кричи – нет ни эха, ни ответных чувств, ни маломальских волнений.

Казалось бы, если не складывается личная жизнь, можно реализоваться в работе, в делах собственной фирмы. Он создавал её с нуля, растил, как растят и ставят на ноги малого ребёнка, ухаживал, когда она болела и переживала трудные дни, и вырастил в итоге, воспитал, вывел наконец в большую экономику.

Но нет, даже здесь всё свелось к такому противному для него когда-то приспособленчеству. Энтузиасты, с которыми молодой Евгений начинал на заре нового времени, по разным причинам покинули его предприятия, а их места постепенно заняли обыкновенные карьеристы, беспардонные и беспринципные.

Шмелёв вспомнил мудрое высказывание: революцию планируют гении, вершат фанатики, а пользуется её плодами всякое отребье. И хотя он никакой революции не планировал и не совершал, вполне мог похвалить себя за то, что на производстве ввёл много современного и прогрессивного. Но окружение его сейчас действительно составляют такие люди, с которыми в юности он не стал бы дружить. Вот здесь, в

этом дворе, ни за что не принял бы в свою компанию.

Но как по-другому? Всё это талантливые руководители, хорошо знающие своё дело, владеющие тонкостями производства. Методы и моральные принципы? В бизнесе главное – результат. Огромный холдинг работает на прибыль и развитие, а не руководствуется знаменитым олимпийским лозунгом: «Главное – не победа, а участие». Простое участие в чём бы то ни было Евгения Васильевича никогда не интересовало.

И всё-таки Шмелёва с некоторых пор всё больше стали раздражать его собственные ближайшие подчинённые. Скажем, начальник департамента, придя на совещание с определённым мнением по какому-то вопросу, вполне может по ходу дела изменить его на полностью противоположное, нужно лишь вовремя уловить по интонации настроение шефа. С другой стороны, ну и что тут такого? Это не самое страшное. Главное, что отлаженный годами механизм работает без сбоев. Пусть все вокруг в один голос твердят, как заведённые: «Да, Евгений Васильевич, бесспорно, Евгений Васильевич, как вы скажете, Евгений Васильевич». Это ведь именно он разрабатывал стратегию, создавал и поднимал дело, ему и разбираться в производстве лучше других. Странно, конечно, что не осталось других мнений. При возникновении острых вопросов все молчат, уткнувшись в бумаги, или поддакивают, монотонно кивая головами.

Странно? Перед собой-то можно не притворяться. Зна-

ет он, почему голосов, которые выражали бы другие позиции, просто не стало в стройном хоре соглашателей. Те, с кем он начинал, пытались противоречить. Однако бороться с выстроенной системой чрезвычайно тяжело, если вообще возможно. Она считает неугодных, как хорошо разогнавшийся под гору асфальтоукладчик. Возможно, так и должно быть. Побеждает сильнейший, а не добрейший. Хороший человек не профессия – это опытный, много повидавший на своём веку Шмелёв прекрасно понимал. И вот теперь вокруг него одни подхалимы и соглашатели. А где же хорошие люди? Да жили когда-то в этом дворе! До хрипоты спорили с Евгением, отстаивали свои взгляды на жизнь, потому что были принципиальными и упрямыми. Но при том готовы были постоять за Шмелёва горой в любой сложной ситуации, не задумываясь протянуть руку помощи.

Что если он сейчас вдруг оступится, сделает ошибочный шаг и потерпит фиаско? Останутся ли с ним сегодняшние «друзья»? Шмелёв в задумчивости взял со скамейки упавшую с дерева веточку и стал чертить на земле круги, змейки, замысловатые узоры. Немного времени понадобилось для правдивого ответа. Нет, не останутся. Пусть к своей теперешней команде на собраниях и празднованиях он по привычке обращается «друзья». Но, по сути, единственное, что связывает его с ними, это ежемесячная зарплата и ежегодный итоговый бонус. Никто не поддержит в случае краха. Быстро прибьются к другому шефу, более удачливому и, следова-

тельно, более платёжеспособному. Куклы, бездушные и безразличные. «А ведь я сам подбирал таких, – хмыкнул Шмелёв и криво улыбнулся. – Даже хуже: я сам постепенно и сделал их марионетками».

Столь же удручающее положение и за дверями офиса. Деловые обеды, презентации и встречи полны тщательно скрываемыми злобными взглядами конкурентов, откровенной завистью слабаков, елейным слюнтяйством подхалимов. Светские рауты похожи один на другой блеском драгоценных камней, заученными улыбками и ничего не значащими разговорами: «Вы были в этом году в Париже? Стало намного хуже. Мы теперь останавливаемся только в замках, настоятельно рекомендуем». Что? «Добрый вечер»? «Очень приятно»? Очередной вечер давно уже не добрый и приятный, а откровенно муторный, и после тяжёлого рабочего дня ощущаешь одно только желание: быстрее добраться до дома, лечь на диван, включить телевизор. Хоть там увидишь молодые гламурные, а не стареющие, застывшие под тяжёлым макияжем равнодушные лица.

Как же так вышло, что совершенно некому излить душу? Столько ведь всего накопилось, хочется высказаться. Где вы теперь, искренние друзья детства, кому можно было поведать любую тайну, найти понимание и сочувствие? Шмелёв медленным взглядом обвёл двор, знакомые, но уже чужие стены, двери, окна. «Нет вас со мной», – коротко и тоскливо подытожил он. Опустил уголки губ, отчего лицо приобрело

грустно-страдальческое выражение театральной маски.

Прутик, которым Шмелёв чертил по земле, от резкого нажима хрустнул, в руке остался короткий сухой обломок. Евгений Васильевич покрутил его между пальцами и щелчком отбросил в сторону забора: «Что ж, очень символично».

Евгений Васильевич задумался теперь о том, была ли в жизни та отправная точка, которая изменила его мировоззрение. После какого момента он принял бесповоротное решение идти в бизнес и доказать всем, что он лучший? Похоже, правы, как всегда, утончённые французы, это ведь они советуют во всех случаях искать женщину.

Случилось в студенческие годы, что Евгений увлёкся дамой значительно старше себя по возрасту. Так сказать, воспылал пламенной страстью к опытной и соблазнительной женщине. Закончив четвёртый курс, группа отправилась на практику. В областном центре предстояло знакомиться с производством на одном из заводов. Там Женя повстречал обворожительно женственную Любу. Она работала в заводоуправлении и жила в квартале по соседству. Удивительно, что при её привлекательности она не только не была замужем, но и оставалась совершенно одинокой. Женька, тогда ещё совсем юнец, провёл с Любой весь месяц практики.

Она принимала ухаживания молодого человека снисходительно и благодушно. Во-первых, ей льстило внимание пусть и юного, но столичного кавалера. А главное, она просто мле-ла, таяла от обожания в Жениных глазах. В постели Люба

оказалась великолепной настолько, что совсем ещё «зелёный» Евгений полностью потерял голову. Для него это была фантастика, мир сказочных наслаждений.

Пребывая в эротическом дурмане, Женя однажды набрался смелости и спросил, какого Люба мнения о семьях, где жена гораздо старше мужа. Опытная женщина сразу поняла наивный намёк и, к её чести, не захотела плодить иллюзии. Лучше уж сразу объяснить, что и как в этой сермяжной жизни. Нежно поглаживая витающего в облаках Женю по голове, улыбающаяся Люба поинтересовалась, чем, собственно, он собирается дальше заниматься. Оживившийся Евгений заглотнул брошенную ему наживку и во всех красках начал расписывать своё лучезарное научное будущее.

Он рассказал, что для карьерного роста определил себе пару основных вариантов. Можно после окончания вуза остаться на кафедре и продолжать разработку новых технологий. Это сейчас перспективно, к тому же очень интересно. Параллельно, естественно, читать лекции и вести семинары у студентов. Ну а можно распределиться в какой-нибудь серьёзный НИИ, например, в «ящик».

– Так у нас называют закрытые организации, работающие на оборонную промышленность, – начал было объяснять Женя, но Люба его перебила:

– Да знаю я, как у вас там что называется, не маленькая. А зарплата-то какая у тебя будет? – продолжала она расспросы.

– Рублей сто тридцать или сто сорок, – предположил Ев-

гений. Он стал рассказывать, что в НИИ ему предстоит «оттрубить» три положенных года молодым специалистом и за это время, как говорится, «zareкомендовать себя». Потом он собирался поступить в аспирантуру и написать кандидатскую диссертацию. Защита принесёт существенную прибавку к зарплате – аж девяносто рублей ежемесячно.

– Во столько оценивается учёная степень, – подытожил воодушевившийся Евгений, упоённый радужными перспективами.

– До этой надбавки ещё дожить надо, – нравоучительно произнесла внимательно выслушавшая его Люба и, чуть-чуть помолчав, уже без улыбки продолжила, – а сначала придётся лет восемь-десять впахивать за такие смешные деньги, на которые один худосочный холостяк едва просуществует, и то если будет себя во всём ограничивать. И заметь: это без малейшей возможности побочного заработка, – добавила она. – Где ты в своей лаборатории халтуру-то найдёшь? Интегралами не пофарцуешь. Нормальную семью при таких доходах либо не заведёшь вовсе, либо все твои будущие домочадцы должны до поры потуже затягивать свои пояса. Ну а если, не дай Бог, грандиозные планы, рассчитанные на две ударные пятилетки, и вовсе не увенчаются успехом, если высокое научное звание не найдёт своего героя, то всё, – Люба цыкнула зубом и выдержала театральную паузу, – каюк, конец семейной идиллии, инженерная нищета и околонучная паперть.

Она ещё малость помолчала, продолжая поглаживать Женину голову, и потом продолжила:

– Так что, милый мой, ни одна солидная, уважающая себя женщина на такие кабальные условия не пойдёт. У меня, например, сейчас такая зарплата вместе с премиальными, какой у тебя не будет и через десять лет труда на научной ниве, даже если ты получишь свою хваленую надбавку за степень. Так что поищи себе лучше какую-нибудь вертихвостку помоложе, чтобы была в таком же грошовом положении, как и ты сам. С ней и живи.

После этой отповеди Евгений долго не мог прийти в себя. Раньше он даже не задумывался, насколько для женщин важна финансовая подоплёка. Парень до сих пор жил вместе с родителями, упивался студенческой свободой, а на всё про всё хватало одной, правда, повышенной, стипендии. О семейной жизни до этого момента он и не помышлял. Собирался сначала окончить институт, удачно распределиться, осмотреться на новом месте, а уж потом обзаводиться семьёй.

Крепкая житейским умом Люба перевернула взгляды Евгения на многие вещи. Именно после её откровений Шмелёв дал себе зарок, что обязательно выбьется в люди. Нет, не за десять лет и не за восемь. Он придумает что-то экстраординарное, добьётся большого успеха, и сделает это всего за пять лет. Даже за три года. Стиснет зубы, будет пахать день и ночь, но покажет отвергшей его провинциалке, на что он

и способен!

Евгений Васильевич моргнул, прогоняя картины прошлого, и подумал: «Интересно, что стало с очаровательной Любой? Знает ли она о моём головокружительном взлёте? Вполне возможно, всё-таки в одной отрасли работали».

Шмелёв выпрямил ноющую спину (ох уж этот сидячий образ жизни!), поворачивал слегка головой – и опять задержался взглядом на Ириных окнах. Да, память сохранила первые невинные отношения с Ириной как абсолютный идеал. С нею они никогда не говорили о деньгах. Ира не имела привычки жаловаться и сетовать, хотя её-то материальное положение было по-настоящему тяжёлым.

Евгений Васильевич аккуратно снял очки и помассировал глаза. Затем тщательно протёр линзы и, водрузив на нос тонкую изящную оправу, демонстративно отмахнулся рукой от навязчивых миражей прошлого. Но, увы, призраки не пропали. Старый двор рождал их в изобилии, выпуская один за другим из пыльных хранилищ памяти.

Внезапно на Шмелёва нахлынуло щемящее чувство одиночества. Всё усиливалось тревожное, не полностью ещё сформировавшееся ощущение допущенного в прошлом глобального просчёта, не до конца осознанной кардинальной потери. Грудь больно сдавило. Евгений Васильевич поморщился, попытался перебрать в уме последние сделки и контракты, запутался в датах, цифрах, достал из внутреннего кармана мобильный телефон, торопливо набрал номер заме-

стителя.

Когда в трубке прозвучало привычное сухое «слушаю», он впервые в жизни не нашёл, что сказать. Отложил на скамейку аппарат, безвольно опустил на колени отяжелевшие руки и бессмысленно уставился на играющих во дворе ребятишек. Из трубки доносилось настороженное «алло», а Евгений Васильевич, застыв, словно сфинкс, не моргая и не отводя взгляда, следил за будничной дворовой жизнью.

Снова припустил мелкий дождик. Дети разбежались, спрятались под козырьками подъездов. Двор мгновенно опустел. Отрешённый Шмелёв одиноко и нелепо застыл в углу, под косым секущим дождём. Несколько капель попало ему на очки, размазав изображение разноцветными акварельными лужицами. Евгений перестал что-либо отчётливо различать вокруг себя.

Тучи в небе продолжали сгущаться, заметно похолодало. На замкнутый мрачными домами с узкими старомодными окнами двор быстро опускалась темнота. Внезапно столб света вырвался из резко распахнутой двери подъезда, и на пороге появилась оплывшая фигура женщины в домашнем халате и шлёпанцах. Волосы её были растрёпаны и почти закрывали лицо. Она в панике выскочила под дождь и побежала в сторону скамьи, на которой сидел укрытый разлапистым деревом Шмелёв. Когда женщина подняла отёкшее лицо, на Евгения Васильевича глянули незабываемые глаза Ирины. Дверь подъезда снова издала противный скрежещущий звук,

и в светлом проёме Шмелёв увидел приземистую фигуру в изношенной десантной форме. С пьяным рёвом: «Убью, сука!» – мужчина замахнулся и бросился за Ириной.

Женя судорожно вздохнул. Его коснулся знакомый запах Ирининых волос, почувствовать который ещё хотя бы раз он мечтал долгие годы. Не задумываясь, Евгений Васильевич сделал шаг и закрыл собой испуганную женщину. Выкрикивая грязные ругательства, обезумевший от безделья и пьянства муж Ирины заученным движением всадил кухонный нож в сердце неожиданного, словно выросшего из-под земли рослого противника. Женщина странно заскулила. Евгений, поддерживаемый Ириной, мгновенно обмяк и тяжело опустился на старую скамейку.

Сквозь сгушающуюся пелену он увидел, как одно за другим загораются в доме окна, услышал тревожный гул чужих голосов, вой сирены скорой помощи. Его последней мыслью было, что если он каким-либо чудом спасётся, то хорошо бы всю оставшуюся жизнь просидеть на этой самой скамейке. Ни о чём не помышлять, ничего не страшиться, лишь рассматривать, как в далёком беззаботном детстве, бегущие в вышине облака и блёклые звёзды ночного московского неба...

Шмелёв резко встряхнул головой, с натугой зажмурился, открыл глаза и провел ладонью по лицу, отгоняя от себя отвратительное видение. Надо же было такому пригрезиться. Он передёрнул плечами, постарался взбодриться и сразу да-

же не заметил, как к нему подошли двое мужчин с невыразительными лицами, одетые в скромные чёрные куртки.

– Шмелёв Евгений Васильевич, – скорее утвердительно, чем вопросительно произнёс один из незнакомцев. – Вот ордер на ваш арест. Пройдёмте с нами, – уверенным ровным голосом завершил человек в чёрном короткую, но ёмкую речь.

Шмелёв рассеянно взглянул на раскрытые перед ним удостоверения работников генпрокуратуры, другие представленные для ознакомления официальные документы. Заметил поблизости группу переминающихся с ноги на ногу полицейских. Отвернувшись от обращённых к нему напряжённых лиц, Евгений Васильевич в последний раз медленно обвёл взором любимый двор и молча поднялся с достопамятной скамейки...

Финансовые претензии по недоимкам в государственный бюджет за последние два года, предъявленные федеральной налоговой службой холдингу, который возглавлял Шмелёв, во много раз превысили годовой оборот компании. Продажа активов, произведённая в спешном порядке, привела империю Евгения Васильевича на грань банкротства. Распроданное имущество, как и положено, перешло под управление государства, а сам он, счастливо избежавший суда и заключения, говорят, перебрался за рубеж. По неподтверждённым слухам, осел в Греции, поселился на берегу моря в крошечном курортном городке со странным названием Неа Рода.

Евгений Васильевич теперь живёт в маленьком белом до-
мике, крытом тёмно-красной черепицей. В уютном дворе
растёт старый платан. Под ним устроена скамья, откуда мож-
но любоваться красивым видом на залив и возвышающуюся
на горизонте святую гору Афон. Сквозь раскачивающиеся
ветви и листву сияют крупные звёзды чистого южного неба.
Почти каждый день на закате любопытные греки замечают
мужской силуэт, застывший на скамейке под деревом. Ещё
довольно молодой, но убелённый сединой господин сидит,
слегка наклонив голову, сложив руки на коленях. Он часами
смотрит вдаль, пока пейзаж полностью не растворится в сгу-
щающихся сиреневых сумерках.

Письмо

Завтра суббота... Последний день рабочей недели окончен, и впереди отдых. Выбравшись из метро на воздух, Кира облегчённо вздохнула. Ещё пару часов назад она кружила по залу вылетов Шереметьево-2, рассеянно посматривая на прилавки с сувенирами и лоя в толпе лица знаменитостей, обыденные без грима и сверкания софитов. Ей льстило внимание окружающих, она знала, что правильно одета и великолепно смотрится рядом с мужем, таким же молодым, спортивным и тоже правильным. Кира всегда одевалась для себя. Она вообще ничего не делала, чтобы нравиться мужчинам. Она им просто нравилась. В офисе все – от шефа до курьера – окружали её вниманием и заботой, носили кофе и фрукты. Муж относился к её слабостям снисходительно, почти так же, как папа.

Андрей был приглашён на очередную научную конференцию в Лондон, и после работы она помчалась в аэропорт поцеловать его перед недельной разлукой. Они были женаты уже два года, но до сих пор любили устраивать друг другу маленькие сюрпризы, как в студенческие времена. Запланированный поцелуй состоялся у стойки таможенного контроля, потом Кира помахала Андрею из-за немой стеклянной стены и, окончательно потеряв его из виду, вышла из здания. Автобус, потом метро – наконец переполненный пятничный

транспорт остался позади.

Солнце слепило на закате. Искрящийся, только что выпавший снег переливался радужными бликами, лёгкий морозец приятно пощипывал лицо. Огромная искусственная ёлка, всё ещё стоящая на площади, поддерживала праздничное благодушное настроение.

Кира сделала глубокий вдох, расслабилась и спросила себя, что же будет делать сегодня вечером. Можно поставить нашумевший фильм на DVD, поехать в клуб, почитать хорошую книгу, посмотреть по телевизору какое-нибудь старое кино, заняться йогой. Можно также, поддавшись внезапному порыву, пригласить кого-нибудь из подруг на ужин.

Прогулочным шагом, потратив намного больше времени, чем обыкновенно занимал путь от метро, разруганная Кира добралась до дома. Она на мгновение задержалась у подъезда, поковыряла носком сапожка пока ещё не затоптанный белый снег и, довольная собой, умиротворённая, направилась к квартире.

Пройдя один лестничный пролёт, Кира остановилась, перевернула содержимое объёмистой сумки и извлекла как всегда спрятавшуюся в дальний угол связку ключей. Самый маленький из них открывал тёмно-синюю дверцу почтового ящика. Запоздалых поздравлений с Новым годом и Рождеством Кира не ждала: предновогодний ритуал отправки конвертов и открыток давно сменился телефонными поздравлениями непосредственно в новогоднюю ночь.

Но, к её удивлению, в ящике лежало одинокое письмо. Кира предположила, что, возможно, это рекламная рассылка с приглашением на очередную сезонную распродажу. «Зимние цены до конца января снижены на пятьдесят процентов», или что-то ещё в том же духе: «только у нас и только для вас два предмета по цене одного».

Кира разочарованно закрыла жалобно всхлипнувшую дверцу и бегло оглядела конверт. Однако это явно было не рекламное послание, те обычно красивые и зазывные. Не похоже и на официальное уведомление из налоговой инспекции: в таком случае на лицевой стороне стоял бы узнаваемый красный штамп. С виду это был простой почтовый конверт, с одной-единственной скромной маркой. Надписанный вручную, а не на принтере. На этом внешние странности письма не заканчивались. Адресовано оно было непосредственно ей, но в строке «кому» вместо фамилии и инициалов неизвестный автор аккуратно вывел одно только слово: «Кире».

Медленно поднимаясь по лестнице, слегка озадаченная Кира перевернула странный конверт и осмотрела его обратную сторону в поисках какой-нибудь подсказки. Но с оборотной стороны он выглядел так, как и должно выглядеть стандартное почтовое отправление. Войдя в квартиру, Кира небрежно кинула на табурет сумку, сбросила шубку, оставила ключи и конверт под зеркалом и занялась привычными домашними делами, на время позабыв о неожиданном послании.

Приготовила себе лёгкий ужин, запила его бокалом сухого вина, мысленно пожелав Андрею благополучного полёта и приземления. Уже позднее вспомнила про загадочное письмо. Вышла в прихожую, поправила перед зеркалом непослушную прядку на лбу и лишь потом взяла конверт. Теперь он показался ей довольно увесистым. С ним она вернулась на кухню, глянула на закипающий кофе, села к столу, оторвала сбоку узкую полоску – и извлекла пачку квитанций Липецкэнерго для оплаты электричества. Кира раздосадованно усмехнулась. Она-то уже навоображала себе любопытную загадку или, может быть, приключение, а всё оказалось чьей-то неостроумной шуткой. Всё же развернула сложенные пополам листки и изумлённо задержала дыхание: с обратной стороны они оказались исписаны мелким, не очень разборчивым почерком. Это на самом деле было письмо к ней.

Кира сразу подумала о недавно умершем отце, советском писателе средней руки, достаточно успешном, чтобы создать благополучие для близких и быть похороненным среди больших людей на Новодевичьем кладбище. Она хорошо помнила, как при получении длинных писем отца охватывали дурные предчувствия. Он утверждал, что пространные письма частенько перерастают в книги. По его выражению, «такие письма служат предлогом, позволяющим автору вступить в воинствующий мир литературы». Если верить отцу, немало нежелательных личностей протиснулось в писательскую среду, просто написав длинное, полное откровений письмо ему

или кому-то из его коллег. А не верить... До сих пор уроки отца всегда оказывались полезными для неё.

Кира с некоторой опаской присмотрелась к необычному посланию. Все оборотные стороны квитанций были педантично пронумерованы и испещрены строками без полей сверху донизу. Похоже, что у неизвестного автора просто не было под рукой писчей бумаги, видимо, он находился в отчаянном положении. Незнакомый Кире угловато-нервозный почерк словно подтверждал этот вывод. Скачущие строки напоминали болезненную кардиограмму и, казалось, требовали безотлагательного сочувственного ответа. Заинтригованная, Кира решительно погрузилась в чтение.

«Здравствуй!»

Не знаю, хватит ли мне смелости отправить тебе завтра это письмо. Скорее всего, перечитав написанное с утра, я разорву его в бессильной злобе и досаде на самой себя. Порву эти исписанные моим корявым почерком листы на множество мелких кусочков и затем, распахнув окно, пущу их лететь по ветру, словно стаю маленьких белых голубей. Но сейчас я всё равно продолжаю упорно водить ручкой по бумаге, потому что иначе не могу.

Прошло очень много времени – а точнее, тринадцать месяцев и двадцать четыре дня – с тех пор, как я последний раз видела тебя. Что у нас с тобой было? Что я чувствовала, что ощущала, что привнесла в наши отношения? Что было с

моей стороны сделано плохого и хорошего? Враньё, враньё и ещё раз враньё. Очень много невообразимого, наслаиваемого одно на другое вранья. А ещё... нет, про это лучше напоминать и писать не буду, думаю, что ты сама всё прекрасно понимаешь. Во всяком случае, надеюсь на это».

Кира прервала чтение и посмотрела за окно, в начинающую сгущаться сиренево-фиолетовую тьму. Оказывается, письмо не имеет отношения к литературе. Теперь Кира догадалась: его прислала Валерия – девушка, с которой они случайно познакомились как раз перед позапрошлым Новым годом. В той встрече было что-то незавершённое, несуразное и нелепое, однако память не сохранила никакого нечистого воспоминания... Почему вдруг Лера решила написать ей? С момента их последней встречи она никак не напоминала Кире о своём существовании... Знакомы они были поверхностно. Если бы не скрупулёзно подсчитанные Валерией дни, точно обозначенная дата расставания, Кира вообще не поняла бы, кто автор этого послания.

Что вдруг потребовалось этой невзрачной, бесцветной особе? Она запомнилась тихоней, серой мышкой, преданно заглядывающей в глаза, готовой исполнить любую просьбу, лишь бы угодить. Что это вообще за письмо? Почему Валерия пишет о каких-то «отношениях» и «враньё»? Кто кого и в чём обманывал? Что Кира должна «прекрасно понимать»?

Кофе, шипя, перелился на плиту. Кира вскочила, выключо-

чила газ, нетерпеливо протёрла пенящуюся коричневую лужицу. Благо, на чашечку ещё осталось. Этот глоток кофе позволил ей справиться с нарастающим раздражением и спокойно вернуться к чтению письма. Надо же, оно оказалось ещё загадочнее, чем она могла предположить.

«В том подавленном, угнетённом состоянии, в котором я сейчас нахожусь, очень хочется говорить, говорить, много говорить, чтобы наконец-то выговориться, излить всю себя. Но рассуждать о глубоко личном, объяснять свои странные, порой противоречивые поступки, рассказывать о том, что и как произошло со мной за последнее время, можно только самым родным душам. Поэтому я пишу тебе. Прости за высокопарный стиль, но это действительно так: ты единственное дорогое и родное создание, которое есть у меня на этом свете, самое близкое и тёплое, что останется со мной до конца. Это не просто возвышенные слова, не пафос. Я говорю совершенно искренне, поверь мне».

Пальцы Киры разжались, и листы бумаги мягко легли на стол. Казалось, издали до неё донёлся хрипловатый голос, в котором нельзя было не услышать боли и отчаяния. Это странное письмо начиналось как объяснение в любви... И кто же пишет о вечной преданности? Ей адресовала своё признание молодая женщина, девушка. Кирой овладело смутное волнение, в её душе зашевелилось ощущение предательства. Оно не рассеялось и потом, пока картина жизни

Валерии разворачивалась перед ней.

Впервые Кира и Валерия встретились в большой пёстрой, шумной компании. Кира не знала, кто привёл эту щупленькую, неприметную девушку. Лера выглядела неуверенно в кругу раскованных, слегка подвыпивших гостей. Одежда она была простенько, даже бедно: в какую-то кофточку и заношенные джинсы; смотрелась – без макияжа, с заколками-невидимками в соломенных волосах – по-сиротски блёкло на фоне элегантных, гламурных девиц. Кира, вообще-то, исповедовала принцип, что незачем красоту прятать, потом не пригодится! Но в какой-то момент при виде Леры ей стало не по себе. То ли это был лёгкий стыд за собственное безоблачное благополучие, то ли раздражение от подчёркнутой прибеднённости, а может, прилив жалости. Этим первая встреча и запомнилась.

Кира оторвалась от нахлынувших воспоминаний и вернулась к письму.

«Знаешь, после долгого перерыва, когда я не брала в руки не только простого карандаша и ручки, но даже самой обыкновенной книги, примитивного детектива в мягкой обложке, я опять начала понемножку писать. Прости, кажется, у меня и не письмо получается вовсе, а прощание какое-то. Или, если хочешь, можешь назвать это исповедью, быть может, отповедью. Меня неумолимо несёт поток скомканного сознания, где есть вот такие стихи».

С удивлением Кира оглядела бегущие ниже, теснящиеся и наползающие друг на друга стихотворные строки. Раздражённо она подумала: отец был, как всегда, прав, всё-таки здесь речь о литературе. Сразу пришёл на память ходивший в списках цикл стихов Марины Цветаевой «Подруга». Она грустно усмехнулась:

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? – Чья победа? —
Кто побеждён?

Кира боготворила творчество Марины Ивановны, а всякую попытку сравняться с ним считала кощунственной, тем не менее она внимательно прочитала стихотворение из письма. Оно было без названия, без посвящения, и уж подражательным его точно нельзя было назвать.

*«По твёрдому, я знаю, что твёрдому,
Я к нежной, поскольку ты – нежная,
Вне времени, для нас нет времени,
С тычинками, пестиками, ветками.
На белое, смуглые на белое,
По гладкому, тонкому, гладкому.
На жаркое к жёлтому жаркому.
Колотится, сейчас же и выскочит.
К нестепенному с волнами пенному
По капелькам, ещё по капелькам,
Дамба – в камеишки и нету дамбы.*

*Растёт и гомонит, наполняется.
По тихому, по пространству тихому,
На мягкое, жёсткой на мягкое
Планирует лёгкое плавное
По твёрдому со страстью к бурлящему...»*

Необычный ритм стихов заворожил Киру, но они неожиданно обрывались. Кира отложила очередной лист-квитанцию, задумчиво поднесла к губам опустевшую кофейную чашку. Строки, написанные Валерией, были туманны, но они удивительным образом тронули, взволновали. Кира отставила чашку и перечитала стихотворение, теперь гораздо медленнее и внимательнее. Если не вникать в художественные достоинства и недостатки текста, следовало признать, что от него шли волны сексуальности. Как бы Кира ни была равнодушна к женщинам, эти стихи встревожили её. Она замечталась, неосознанно поглаживая грубую поверхность бумаги. Где-то в подъезде громко хлопнула дверь. Кира вышла из задумчивости и продолжила чтение.

«Три дня назад был самый добрый и светлый на земле праздник. Я, конечно, провела его с тобой, всю ночь любовалась замечательной кошачьей ухмылкой твоих хитрющих, слегка раскосых глаз. Интересно, кто первый придумал, что у беды глаза зелёные? Мне кажется, этот человек совсем не знал жизни и очень сильно ошибался.

У беды глаза серые, с живым металлическим блеском, который удивительным образом способен

менять оттенки, переливаться радужными бликами в зависимости от освещения или мимолётного настроения, как хорошо отполированная легированная сталь. Твои серые глаза всегда завораживали меня своей льдистостью, казались неприступными, как у снежной королевы. Они подавляли мою волю величием пантеры и высокомерием императрицы. Твой взгляд, цепкий и хваткий, сковывал меня, словно кандалы. Он возбуждал, вливался в меня колкими иглами, от которых по телу пробежала сладкая дрожь, и пронзал насквозь, словно короткая, выпущенная с огромной скоростью арбалетная стрела, так что порою перехватывало дыхание. Он всё видел, понимал, брал меня в плен и уже не отпускал на свободу.

Власть твоих холодных серых глаз надо мной была безгранична. Я их боялась, как удара тупого ножа в грудь. Но они притягивали меня, словно играющее матовым блеском лезвие стилета. Я и панически их страшилась, и страстно обожала, пыталась от них скрыться – и всякий раз летела навстречу к ним стремглав, что было сил, бросив любые дела и забыв обо всём на свете. В сиянии твоих глаз заключалось для меня великое счастье, но я знала, что они же грозили мне неминуемой гибелью».

Кира отложила в сторону ещё один листок цвета топлёного молока и стала вращать кольцо, надетое на большой палец левой руки, что бывало с ней только в моменты крайнего волнения. Когда Валерия успела так тонко всё подметить и

оценить? Ведь времени для общения у них было совсем мало. С мужчинами порой – Кира часто это замечала – близко общаешься месяцами, если не годами, а они не только не замечают, какую цветовую гамму в одежде ты предпочитаешь, какие украшения носишь, но и не могут вспомнить цвет твоих глаз.

Кира, большая любительница время от времени потанцевать и повеселиться в компании, с трудом припомнила детали той предновогодней ночи. Было шумно, очень весело, и только Лера не танцевала, не болтала с гостями, а сидела в углу в одиночестве, ела с аппетитом, мало пила и сосредоточенно наблюдала за присутствующими. Парни обходили её вниманием, но, казалось, ей это безразлично.

Кира задумчиво перевернула исписанный листок, увидела с обратной стороны пустые графы показателей счётчика и, остановившись взглядом на кончиках пальцев, между делом отметила, что пора бы подправить маникюр и поменять стразы. Эти успели порядком ей надоесть. Не забыть бы записаться в салон. Она взяла следующий листок и продолжила чтение.

«На этой единственной сохранившейся у меня фотографии я всё ещё обнимаю тебя за плечи в том счастливом, только-только наступившем 2005 году. Помнишь ли ты это замечательное фото? Именно оно давало мне душевные силы, помогало жить все те чудовищно мучительные месяцы.»

Последний Новый год я опять встречала вместе с тобой. Мы были вдвоём – только ты и я. Пожалуйста, извини меня, что в самый ответственный момент, когда гулко били куранты, на тебя брызнуло сладкое шампанское из неосторожно открытой мною бутылки. От резкого хлопка я непроизвольно вздрогнула и облила тебя пеной.

Несмотря на эту досадную оплошность, мы мирно посидели под ёлочкой, как и в том прекрасном 2005 году. Только это символическое деревце, а вернее сказать, еловая веточка, была мною украдена из привокзального парка. Вместо стеклянных шаров, гирлянд и новогодних украшений на ней висели старые пёстрые пуговицы, а Дедом Морозом служил плюшевый красный кот, моя любимая детская игрушка.

Нам было очень хорошо наедине пить шипучее вино и беседовать обо всём на свете. Я последний раз пила спиртное давным-давно. Ты должна простить меня за то, что я с отвычки и без закуски очень быстро захмелела. Как и водится со мной в подобных случаях, пребывая в приподнятом настроении, я наговорила тебе много всяких глупостей, комплиментов и даже спела романс...»

Дальше опять были стихи. Кира остановилась и попыталась вспомнить фотографию, о которой шла речь. Память была нема. Захватив с собой непрочитанные страницы, Кира отправилась в комнату, сняла с полки два последних фотоальбома и стала их медленно пролистывать. Дойдя до фо-

тографий 2004 года, она внимательно просмотрела несколько разворотов, грустно вздохнула и, захлопнув альбомы, подрусила их обратно на полку. Того, что она искала и о чём шла речь в письме, в её семейном архиве не оказалось. Кира даже засомневалась: было ли вообще такое фото. Возможно, это лишь выдумка, плод Лериного самовнушения.

Подумав, Кира призналась себе, что недостаточно ясно помнит облик Леры. Если бы сейчас кто-нибудь попросил описать эту девушку, она бы, наверное, не смогла сделать этого в деталях. Лишь самые общие черты сохранились в её памяти: узкое лицо, коротко стриженные, словно выцветшие волосы, маленький вздёрнутый носик, бледные тонкие губы. Вот только глаза, их жалостное выражение она не забыла.

Продолжая задумчиво стоять перед книжными полками, Кира включила тюнер. На «Радио «Ретро» звучал голос недавно трагически ушедшего певца:

Скажи, откуда ты взялась
И опоздать не испугалась,
Моя неведомая страсть,
Моя нечаянная радость,
Нарушив мой земной покой,
Ты от какой отбилась стаи,
И что мне делать с тобой такой,
Я не знаю...

Кира, усмехнувшись, мысленно добавила: и куда делась?

Она выключила радио, вернулась к дивану, удобно устроилась, разложив своё чтение на журнальном столике. Её ждали новые Валерины стихи:

*«Унесённая ветром,
запоздавшая к сроку,
Обещавшая помнить,
переставшая верить,
Я к тебе на гондоле
из цветов баобаба
Возвращусь, исполняя
партитуры цикады.
На серебряном блюде
мастеров-чудоделов
Я узоры из ягод
возложу на колени,
На дрожащие плечи – сари,
шитую шёлком,
Шкуру тигра, побеждённого мною,
под ноги,
Сто языческих сказок
тихих в нежные уши,
Запах пряный саванны
тонкой струйкой с одежды,
Загорелой дублёной
к белой матовой крепко,
По знакомым забытым
к кисло-терпкому метко,
Благодарностью счастья —
брошь из перьев колибри,
На тончайшие пальцы —*

*россыпь – дар ювелиров,
Из кальянов химера
дымом винным и пеплом.
Ты дождись только верно
унесённую ветром...»*

Стихи снова, к огорчению Кире, обрывались, а письмо продолжалось.

«Я не допела до конца. Мне надо было капельку передохнуть. Я стала очень быстро уставать. Совсем ни на что не остаётся сил. Знаешь, я думала, что уже совсем разучилась плакать за это время, что последние признаки жизни стали постепенно покидать мою душу и тело, но...»

Всё, что ты видишь и слышишь, выглядит весьма правдоподобно, сказал однажды Кире отец. В то же время всё это может оказаться весьма и весьма сомнительным. Возвращаться на кухню, чтобы приготовить ещё кофе, ей не хотелось. Кира подошла к бару, откинула дверцу и оглядела стоящие рядами разнокалиберные бутылки. Остановив свой выбор на кьянти, она налила в широкий бокал рубинового вина, сделала большой глоток, немного постояла, смакуя его вкус, и вернулась к прерванному чтению.

«Сколько же я тебе всего врала, раздувалась, словно огромный мыльный пузырь, пыталась враньём приукрасить в твоих глазах свой неяркий статус. Понимаешь, когда достаточно долго находишься «на

коне», а потом вдруг, по прихоти судьбы, приходится спешиваться, возникает острая проблема завышенной самооценки и лопнувших амбиций. К сожалению, со мной в жизни случилось именно такое. Но я жаждала быть достойной тебя, стремилась привлечь к себе твоё внимание. Чтобы тебе не было скучно, я сочиняла всяческие казусы, которые якобы случались со мной. Я переделывала под себя услышанные от посторонних людей истории. Ежедневно старалась зажечь в твоих глазах так нравящиеся мне озорные искорки. Я поддерживала твой интерес к себе, как костёр в зимнюю пору: аккуратно раз за разом подкладывала в огонь дрова, чтобы сохранить пламя, но и не дать ему разгореться слишком сильно. Я не хотела спалить раньше времени весь запас нашей любви и страсти. А в итоге мною всё потеряно – самый любимый и родной на земле человек, доброе имя, друзья, работа».

Киру растрогала, но и удивила явственно выраженная в письме глубокая привязанность Валерии. Оставалось неясным, как и когда она могла сложиться. Ведь их общение было довольно поверхностным. Новогодняя вечеринка, на которой состоялось их знакомство, закончилась под утро. На рассвете, когда все стали разъезжаться, выяснилось, что Валерия снимает комнату на противоположном конце Москвы. Денег на такси у девушки явно не водилось. Поддавшись внезапному порыву, Кира пригласила её переночевать у них – благо ехать было совсем близко. В машине девушки распо-

ложились вдвоём на заднем сиденье. Они смеялись, о чём-то весело, беззаботно болтали. Кажется, уже тогда Лера пыталась воспользоваться царящим в салоне авто полумраком и без особого повода вдруг легко касалась Кириных коленей, пыталась приобнять Киру за плечи, когда на поворотах их бросало друг к другу, брала её руку в свои. Кира ещё была в прекрасном праздничном настроении, хохотала и совсем не придавала этому дурачеству значения.

Валерия прогостила у них целый день. Казалось бы, обычная ситуация. Им самим порой приходится ночевать у друзей, особенно в загородных домах. Кира и предположить не могла, что этот ординарный случай получит такое странное продолжение.

«Если бы ты знала, насколько тяжело освоиться амбициозной и самоуверенной провинциалке в столице. Тебе повезло родиться и жить в Москве, поэтому не дано ни понять, ни прочувствовать этого. А мне приходилось ежедневно, ежеминутно бороться за место под солнцем, которого, кстати говоря, здесь почти не видно. Я была вынуждена воевать с беспардонными, сильно пьющими соседями в коммуналке на каких-то дальних подступах к городу, где по дешёвке сняла комнатушку. Я часами толкалась в переполненном вонючем транспорте, чтобы вовремя добраться до скучной, однообразной, бессмысленной и низкооплачиваемой работы. Я усердно соперничала с более энергичными и подготовленными сотрудниками.

Я стремилась получить разовую премию, мизерную прибавку, да просто удержаться на своей маленькой должности, потому что другие перспективы у меня отсутствовали. Я постоянно грызлась в очередях со старушками, которых что-то не устраивало в моём внешнем виде и поведении. Но основной, главной целью было жить, смеяться, радоваться – и казаться успешной в твоих глазах. Только для тебя у меня всегда была заготовлена лучезарная, счастливая улыбка.

Всё свободное время – да и на работе тайком – я штудировала толстые глянцевики журналы в поисках необходимой информации. Если бы мои учителя видели, какой я, оказывается, бываю усидчивой, смирной и вдумчивой, как умею схватывать на лету, запоминать прочитанное с первого раза и пересказывать потом, если потребуется, близко к тексту. Им невдомёк, с каким упорством я могу сидеть за письменным столом и вникать в интересующий меня материал. А причина в том, что это я проделывала не ради знаний, не для саморазвития. Это всё было только для тебя.

Каждый раз, когда я собиралась увидеться с тобой, меня охватывало жгучее волнение. За час-полтора до встречи я начинала нервничать, как перед первым свиданием, и уже ничего не могла с собой поделать. Представляя, что ты сидишь тут, на диване в углу, требовательно и пристально меня разглядываешь, я перемеривала весь свой скромный гардероб, старалась принимать наиболее выигрышные позы, чтобы обольстить тебя. Мне кажется, я стала

одним из лучших экспертов по нижнему белью, так много всего приобрела, стремилась быть сексуальной и желанной, чтобы на меня всегда было приятно смотреть. Я по три-четыре раза наносила и смывала макияж, потому что мне казалась, что он тебе не понравится и ты будешь мною разочарована.

Больше всего мне хотелось хоть в чём-то быть похожей на тебя. Я вдумчиво изучала твою манеру одеваться. Ты всегда это делаешь столь элегантно и естественно, будто родилась с чувством стиля, цвета и композиции. У тебя всё получается легко и непринуждённо, какая-нибудь незначительная деталь туалета оживляет и представляет облик в новом свете, да так, что залюбуешься. Мне же это давалось с большим трудом, а главное, откуда было мне взять средства, чтобы дотянуться до твоего уровня.

С какой грацией ты одевалась и раздевалась – загляденье... Мягкими кошачьими движениями поднимала руки, прогибала спину, наклонялась и выпрямлялась, всем этим ты доводила меня до умопомрачения. Мне кажется, я была готова часами наблюдать, как ты примеряешь блузки и кофточки, поворачиваешься перед зеркалом, стараясь лучше рассмотреть себя с боков и со спины. Я заводилась от того, как ты изящно и ловко изгибаешься, чтобы достать какой-нибудь предмет туалета из нижнего ящика комода, как тщательно расправляешь на бёдрах резинки чулок».

Кира смутилась, обнаружив, что её внимательно, дотош-

но разглядывали. Какое нижнее бельё, какие одеяния, переодевания? Лера осталась у них на ночь один-единственный раз. Андрей как настоящий джентльмен уступил ей своё место на кровати, сам устроился на раскладушке. Валерия лежала рядом, но в этом не было ничего особенного, во всяком случае, для Киры. Однако похоже, что в жизни Леры та ночёвка стала значительным событием.

Вдруг Валерия еле-еле, воздушно, словно пером, коснулась, провела по её руке. Уставшей от танцев Кире это показалось случайным, и она, почти засыпая, спокойно повернулась на другой бок. Но через некоторое время Лера ещё раз тихонько, вскользь, очень нежно тронула её плечо. Кира промолчала и на этот раз. Вскоре Лера подо двинулась к ней ближе и уже откровенно попыталась обнять. Вот тут-то Кире пришлось вежливо, но твёрдо объяснить, что она такого не любит, и вообще не терпит, когда её касаются во сне, даже с мужем они спят под разными одеялами. На всякий случай Кира отодвинулась от Леры на самый край – не будить же было, в самом деле, Андрея – и спокойно проспала до утра.

И это всё. Больше ничего не было ни той ночью, ни после. Кира припомнила, что утром Валерия с плохо маскируемым интересом наблюдала, как она поднимается, безо всякого стеснения снимает пижаму, одевается к завтраку. Валерия пробыла у них весь день, а вечером они вместе поехали к другим общим знакомым. Кира перед этим снова наряжалась и прихорашивалась при Лере и вместе с ней. Пришлось

одолжить свою косметику, ведь у Леры ничего с собой не было. А та всё смотрела на Киру широко раскрытыми глазами.

Тут Кира раздосадованно поняла, что неизвестно почему начинает внутренне оправдываться перед самой собой. Она ещё отпила из бокала и обратилась к письму.

«Я не могла и мечтать о твоём гламурном изобилии, и мне приходилось всякими правдами и неправдами выкручиваться: покупать дешёвые подделки, перешивать фирменные этикетки, на время обмениваться со знакомыми и даже... воровать. Да, да, не удивляйся, пожалуйста, таскать разные безделицы из супермаркетов и с вещевых рынков. Это, конечно, были не кражи – так, мелочовка, скорее kleптомания, но ведь и на эти пустяковые вещицы у меня не было тогда денег.

В тот период я успела наделать умопомрачительную кучу долгов, назанимала у всех, у кого только было возможно, стараясь представлять перед тобой каждый раз в новом образе. Я потратила уйму денег на наряды и бельё, пытаюсь быть одновременно и вызывающей, и сногшибательно неотразимой. Все эти долги повисли на мне без видимых перспектив на отдачу. Очень скоро всё пришло к закономерному концу, как и должно было случиться.

Сейчас у меня не осталось ни на что сил. Ещё час, день, неделя, месяц или год – бессмысленное продление затянувшейся агонии. Мне теперь всё стало безразлично, даже моя судьба. Я обессиленна, устала

от полнейшей пустоты вокруг меня, от отсутствия видов на будущее, от одиночества, от нищеты и голода, от невозможности сохранять хотя бы чистоту тела, если не помыслов... Господи, что может быть проще, чем помыться, когда этого хочется, а не в соответствии с графиком подачи горячей воды! Которые, я устала от этой жизни.

Извини за розовые сопли, нудные жалобы, но мне очень нужно выговориться. Так тяжело постоянно держать все переживания внутри себя, беседовать только со своим внутренним голосом, постепенно слабеющим. Страдания, сомнения, бессмысленные надежды накопились в душе – и настойчиво рвутся наружу. Я знаю, что нечестно с моей стороны так непрошено вторгаться в твою жизнь, требовать сочувствия, но пусть это будет моей последней просьбой: пожалуйста, выслушай меня, я настаиваю. Ведь в последнем желании не отказывают даже закоренелым преступникам».

От этих горьких слов у Киры дрожь пробежала по телу. Её поразила прямолинейность Валерии, отсутствие страха быть искренней во всём – в том числе в неприятном и неприличном смысле. Она опустила письмо на стол, залпом допила вино, обняла себя за локти, пытаясь согреться и справиться с нервами, но оторваться от чтения не смогла.

*«На каких меридианах
с ветром целовалась?»*

По каким прохладным быстрым
с вечностью ласкалась?
На каких кручёных гордых
бледные сжимала?
И с попутными какими
помнить забывала?
От крылатых, острых, цепких
где нашла спасенье?
Что шептала, обвивая
проходных колени?
С кем в забвенье провозжала
марево за сосны?
Танцевала ли под скрипки
белый несерьёзный?
Доносили ли цыганской
о давно пропавшей?
Поливаешь ли в фарфоре
ночью расцветавший?
Ты грустишь о бесшабашной,
неуютной, зыбкой,
Той, которую делили мы
на съёмных крышах?
Той, которую хранили
от погод московских,
Прятали в глубоких сердца
от воров залётных?
Ждёшь ли стука ты в безмолвье
по железной скобке
Со словами: «Вот и вечер. Слякоть.
Всюду «пробки»?»

Кира остановилась, жадно дочитав стихи.

Темнота, поглотившая пространство за окнами, казалось, проникла в комнату и стала скапливаться по углам. На ясный мир с детства благополучной Киры упала тень чужого отчаяния и одиночества. Она была глубоко взволнована – впервые за долгое время. Она ведь привыкла к комфорту сытой, спокойной столичной жизни. Случись что с ней, Кира была уверена – муж, семья, окружение не позволят упасть духом, мучиться и страдать. И теперь чувства, выраженные в письме и, особенно, в стихах, разбередили её душу.

Она вернулась к бару, но в этот раз, чтобы успокоиться и согреться, щедро плеснула в пузатую рюмку коньяк. Обжигающий глоток переменял направление её мыслей. Появилась ясность: то, от чего она не может оторваться, читает взахлёб, – не дешёвый бульварный роман-однодневка. Для того, кто писал письмо, это совсем другое. Мелодрама, драма, трагедия? Или, быть может, фантастика?

Коньяк постепенно согревал, но Киру продолжало знобить. Она достала из шкафа пушистый плед, накинула на плечи и удобно устроилась в уголке дивана. Словно замороженный, её взгляд вновь обратился к разложенным на столе листам.

«Один год, один месяц и двадцать четыре дня без тебя. Уже седьмой месяц, как я совсем одна. Замуrowала себя в убогой комнатухе, где единственное украшение – твоя фотография, приколотая булавкой к стене напротив узкого,

мутного окна. Даже мама не знает, где я сейчас нахожусь. Сначала я жила у друзей, потом перебралась к старым знакомым нашей семьи. Старалась как-то справиться со сложившейся ситуацией, но у меня не вышло. Только наделала катастрофическое количество долгов, наобещала всем золотые горы, насочиняла, наплела разных небылиц. Всё пыталась приукрасить провальную жизнь и оправдать бесславное возвращение к родным пенатам.

Ты знаешь притчу о двух лягушках, попавших в крынки с молоком: одна сразу смирилась с постигшей её судьбой и утонула. Другая решила бороться, долго была лапками, стремясь выбраться, спастись. В итоге сбила из молока кусок масла, взобралась на него и вылезла наружу. Очевидно, в моей крынке была только вода, и всё моё упорство в поисках искромётного счастья оказалось делом напрасным. Напряжённая борьба с обстоятельствами жизни принесла мне лишь душевные муки.

С начала июля я практически не общаюсь с другими людьми, кроме вынужденных выходов пару раз в неделю за сигаретами (пачка «Примы» за четыре рубля) и четвертушкой чёрного хлеба. Смешно – те, кто наслаждается продуктами с заграничными названиями, этими чипсами, гамбургерами и хот-догами, даже не догадываются, что простой ржаной хлеб с солью может быть потрясающе вкусным. Вот и вся моя социальная жизнь, но я изнемогаю! Мне страшно, нет никакого смысла, никакой надежды,

никакого просвета.

В трудовой книжке позорная запись – тридцать третья статья КЗоТ (уволена по инициативе администрации за систематическое нарушение трудовой дисциплины). Это – волчий билет, с которым невозможно устроиться на более-менее достойную работу. Я понимаю, что сама во всём виновата. Скоро и надеть будет нечего, сейчас мои самые приличные шмотки – выцветшая тёмно-синяя куртка, которую ты отдала мне по доброте душевной, пара стоптанных ботинок и старый джинсовый костюм «Мустанг».

Кира опять отложила письмо. Коньячная рюмка опустела, принеся долгожданное тепло и подстегнув память. Она припомнила, что и в самом деле встречалась с Лерой ещё несколько раз. Однажды они даже заезжали сюда, домой, и она действительно что-то отдала Валерии из своего гардероба. Она регулярно раздавала вышедшие из моды или надоевшие ей вещи, ну а к Лере к тому же испытывала стойкое чувство жалости, похожее на сочувствие к потерявшимся в большом городе неприкаянным домашним животным. Но ведь нельзя всех взять к себе домой! О других подробностях, упомянутых в письме, постоянно занятая, обладающая огромным кругом знакомых Кира давно позабыла. От рассуждений и воспоминаний она вернулась к написанному.

«Спустя пять лет, проведённых в Москве, город, в котором я когда-то родилась и выросла, показался

мне совершенно чужим. Я в нём теряюсь, плохо ориентируюсь. Вначале пыталась гулять, бесцельно бродить по нему, но два раза, к своему стыду и страху, заблудилась. Оба раза еле-еле выбралась из каких-то незнакомых промзон – и с тех пор с прогулками было покончено. Прости, даже писать об этом скучно... Давай лучше почитаю тебе стихи. Хотя они тоже не слишком-то жизнеутверждающие:

*Отстучало, отгорело и остыло
Заполошное горячее большое.
По мгновениям отсчитывало жизни,
Трафаретило все судьбы очень чётко.
Наш с тобой, увы, предсмертным оказался.
Бисер строчек – как дорожки поцелуев.
Подожди чуть-чуть. Хочу тебе признаться:
Я в агонии, но я тебя ревную.
Откровенные слетают, ты их ловишь.
Расскажи серьёзно, кто, меня сменяя,
Приготовит тебе утренний наш кофе?
Кто теперь дыханьем тёплым шелковистым
К этой нежной оболочке прикоснётся?
Будешь долго ли мгновенья счастья помнить
Глупой верности короткой иноходца?
Проходя суглинком крайнего причала,
Не побрезгуешь покой печальный гладить,
Тихо белыми ладошками вздыхая
О непрожитом, оборванном в начале?
Кем же ты на тризне скорбной назовёшься?
Может, птицею свободной? Иль вдовую?
Пожалеешь – или просто в оправданье*

*Скупю молвишь: «Каждому своя дорога»?
Загрустишь ли ты, случайно обнаружив
Недописанные строчки в мониторе?
По Москве-реке однажды проплывёшь ли
С кем-то новым по знакомому маршруту?
Среди запахов чужих и непривычных
Сигаретный мой почувствуешь с самбукой?
До какого отболит, скажи мне, лета?
Отволнуется, забудется, остынет?
Много ль искренних молитв прочесть захочешь?
Сколько свечек в старом храме ты поставишь?
С кем поделишь в молчаливом пониманье
Запотевиую хмельную в поминанье?
Пожелаешь ли поведать о прощанье
Да о ревности, о трусости предсмертной?
О несдержанных, нелепых, малодушных
Перед поездом к архангелу-швейцару
И о том, как прежде было очень нужно
Заполошное горячее большое?*

Кошеле ты моя ненаглядная! Кошеле – ты только моя, потому что так звала тебя только я. Ни чьей, как только моей, ты больше не будешь, в этом я уверена. Только я знаю, как пахнет от прозрачного кошачьего ушка. Самое страшное, что всё это уже в прошлом, причём безвозвратно. Чёрт с ним, пусть это жутко банально и совсем не возвышенно, но для меня – это самое главное в жизни, вечное, то, что останется навсегда.

Все эти тринадцать месяцев и двадцать четыре дня у меня никого не было. Даже ни разу не возникло

желания взглянуть на кого-то. Я не пуританка вовсе, тебе это прекрасно известно, но когда познаешь лучшее, на суррогат уже не тянет. Это не ложь и не лесть, это беспощадная правда жестокой, одинокой жизни».

«Кошеле...», – Кира шёпотом нараспев произнесла забытое прозвище, которое дала ей Валерия. Наутро после проведённой в одной постели, но так ничем серьёзным и не ознаменованной ночи, Лера вдруг спросила Киру, не обидится ли она, если получит ласковое прозвище, о котором никто никогда не узнает. А затем тихо и загадочно произнесла, отведя в сторону взор: «Кошеле». Слегка удивлённая и даже смущённая Кира поинтересовалась, откуда взялось это странное имя. Лера замялась и робко рассказала, что Кира, с её изяществом и повадками, лучше всего ассоциируется с кошкой. Не холёной домашней, хрустящей сухим кормом из миски, а дикой и сильной, как пантера.

Оказывается, Валерия почти до самого рассвета внимательно наблюдала за Кирой, изучала, как она выразилась, «её повадки». Кира нахмурилась. Лера почувствовала её недовольство и стала, будто оправдываясь, торопливо описывать, как Кира ведёт себя во сне: часто ворочается, слегка сгибает в коленях ноги, когда лежит на боку; по-детски подкладывает под щеку ладошки и периодически улыбается. «Глядя на тебя, я сразу поняла, что ты настоящая благородная кошка, – возбуждённо продолжала Валерия, – до сих пор не

прирученная, дикая и своенравная. Мне на ум пришло назвать тебя на французский манер. Получилось это имя, оно оригинальное и... мягкое. Мне кажется, в нём твоя кошачья сущность сочетается с красотой и гламурностью».

Эти рассуждения выглядели такими наивными, что успокоили Киру. Тем более что она не собиралась поддерживать с новой знакомой близких отношений. Поэтому согласилась. Хотя Кира гордилась своим редким именем, следовало признать, что придуманное Лерой прозвище было красивым, хоть и странным, а звучало, как запоздалое эхо в пустынных горах. Кира снова произнесла: «Кошеле», – почему-то опять шёпотом – и вернулась к письму.

«У тебя такие хитрые глазницы на фото. Они кажутся мне живыми, тёплыми и маслянистыми. В какой бы точке комнаты я ни находилась, они всё время следят за мной. Убийственная дисгармония с обшарпанными стенами квартиры номер двенадцать. Сейчас я живу около вокзала, на улице Восточной, двадцать три. Знаешь, тогда, десятого ноября 2005 года, уезжая из Москвы (но только, знай, я бежала вовсе не от тебя!), я ехала в вагоне номер двенадцать, а место мне досталось двадцать третье. Вот такая магия чисел или мистика, хочешь верь, хочешь нет.

Ладно, моя милая Кошеле, наверное, мне пора заканчивать, хотя хочется ещё и ещё говорить с тобой. Мне так о многом надо тебе поведать.

Изо всех сил оттягиваю пугающий момент,

когда придётся поставить точку и окончательно проститься с тобой.

Если ты всё ещё читаешь моё письмо, то, очевидно, порядком устала от этого тяготящего бреда. Не думаю, что меня хватит надолго, но до самого конца ты, единственная, будешь со мной. Прости. Прими на прощание стихи повеселее, чем я писала до этого».

Внезапно вспоровшие тишину трели мобильного телефона заставили Киру вздрогнуть. Но она быстро пришла в себя – конечно, это был Андрей, уже из Лондона. Он сразу почувствовал что-то необычное в её голосе. Кира поспешила его успокоить, убедить, что с ней всё в порядке. Их супружество зиждилось на любви и полном доверии, но всё-таки сейчас Кире пришлось солгать. Рассказывать мужу о таком письме по телефону было невозможно. Да и потом... Ей было трудно представить себе, как, когда Андрей вернётся домой, она сможет дать ему это прочитать. В глазах мужа письмо, без сомнения, будет выглядеть как послание от брошенной любовницы. И в тексте, и в стихах – столько страсти, столько бьющих через край чувств! Разве они могли родиться на пустом месте? Подобное не придумаешь, да и чего ради фантазировать, что за театр одного актёра для одного зрителя. Кира могла бы тысячу раз повторить, что ничего не было, – всё равно останется скользкое сомнение. Рано или поздно прозвучит вопрос: и всё же, скажи честно, ты с ней спала? Муж ведь видел, что Кира действительно ночевала с Лерой

в одной постели.

Внезапно на Киру навалилась усталость, день выдался слишком длинным. Раз у Андрея всё в порядке, можно ложиться спать. Однако заснуть она никак не могла. В полудрёме ей мерещилось, что Лера издалека рассматривает, в какой позе она спит, какую пижаму надела в этот раз... Посреди ночи Кира вдруг проснулась. Сердце бешено колотилось в груди, будто она только что пробежала длинную дистанцию. Ей приснилось, что Лера лежит с ней в кровати, обнимает и целует её, а Андрей молча наблюдает за откровенной сценой из коридора. В этом странном сне Кире было стыдно перед Андреем, но в то же время она испытывала глубокое наслаждение и никак не могла оторваться от Лериных сладких губ и нежных ласк.

Кира откинула в сторону одеяло, встала и вышла в ванную. Она долго умывалась холодной водой, пытаясь смыть с себя наваждение. Потом осмотрела в зеркале своё покрасневшее лицо и пошла на кухню. Спать уже не хотелось. Налила в стакан кипячёной воды из графина и вернулась к журнальному столику, где вечером бросила недочитанное письмо. Лерино послание притягивало и жгло её одновременно. Читать оставалось совсем немного.

*«Ты дуешь на ресницы —
И остужаешь жгучее,
А мятой на звериный —
Вмиг раздуваешь угли.»*

*Бьёшь розгами по розовой,
Став верным на безверье,
Фантомы на реальное,
А кельи на бордели.
Свободу на любимую —
Вопрос приоритетов,
Орлянка бесконечности
Сектантов-фаталистов.
Желание на логику,
Но помним, что не вечно
Греховное соитие
Двух мучеников смертных.
Мятежность напряжения —
Пульсирует горячая,
Вальсирует витальная,
Сжимаемая расстояние.
Плоть обретая тёплую,
Толкает на безумие
С расчётом на бессилие
Приговорённых к похоти.
Нахрапом в три погибели
Без шанса на спасение
По искрам от звериного
До пустоты прощенья.*

*Знаешь, всё никак не могу окончить эту писанину,
не хватает силы воли. Боюсь поставить последнюю
точку, что будет после неё? Что у меня останется?
Скорее всего – ничего. Пустота. Вакуум. Безвременье.*

*Перед глазами всё ещё стоит твоя одинокая
стройная фигура. Лужи на мокром асфальте
отражают призрачный свет перронных фонарей. Той*

памятной ночью с десятого на одиннадцатое ноября ты была единственной, кто провозжал меня. Если бы я знала, что вижу тебя в последний раз! Хотя... что я могла бы сделать? Броситься к твоим ногам, рыдать, умолять? Не уезжать никуда? К сожалению, это бы мне не помогло.

Отчего в моей жизни всё так блёкло и противно? Можно ещё стихов? Я недолго задержу твоё внимание, понимаю, что уже изрядно наскучила тебе своей исповедью. Но обещаю – это стихотворение точно будет последним. Не сердись, моя дорогая Кошеле, я скоро перестану тебе надоедать, тем более что эти заключительные стихи вовсе не грустные:

Бабочкой цветастой
в невесомость утра
Упаду танцую
под тамтамы времени,
Стряхивая искры
на пахучесть луга,
Треск неуловимый
нарисую в бездну.
Мимолётность счастья,
перекрёст полётов.
Терпкая химера —
как прыжок с обрыва
К неизвестной цели.
Мушки арбалетов.
Вереница трюков.
Царство падших низко.
Отпущенье грешниц-

*висельниц – верёвка.
Снайперская меткость,
девять граммов в мышцу —
Оправданье свыше
тяжкого порока.*

P.S. Да, передавай привет Людке-проститутке. У неё я денег не занимала, надеюсь, что хоть она помянет меня добрым словом.

Прощай. Прости меня. Я хотела сделать тебя счастливой, однако не смогла. Ещё раз прости. Письмо получилось слишком пафосным, но мне сейчас не до цинизма. Извини за все доставленные проблемы».

Дочитав письмо до конца, Кира на мгновение замерла с последним листком в дрожащей руке. Теперь она ясно вспомнила серьёзные глаза Валерии, в которых желание пыталось изъясниться на ином языке. Глаза, изначально не способные вступить в сделку с банальностью жизни, надменные и грустные. Тогда её внезапно охватил порыв отчаянной и жалкой нежности – и она поцеловала Леру в лоб.

Сквозь светлеющий сумрак московской ночи проехала машина, взвизгнула тормозами, на мгновение осветила окно ярким светом фар. Вздогнув от резкого звука и выйдя из задумчивости, Кира быстро собрала разложенные перед ней веером желтоватые листы, аккуратно вложила их в конверт, затем взяла трубку телефона и набрала номер справочной. Спокойным и уверенным тоном она спросила: «Когда ближайший поезд до Липецка?»

Выписался

Бледный Баранов с трудом отворил массивную парадную дверь, придержал её и замер на пороге, врасплох застигнутый яростным водопадом солнечного света. Слегка сощурившись, он осмотрел пространство внутреннего двора, как будто увидел его впервые. Снял и снова надел очки с толстыми стёклами, слегка помассировал натёртую ими переносицу, поморгал, одёрнул старый, теперь слишком просторный тёмно-серый пуловер и смахнул с брючины длинный светлый волос. Затем шумно вздохнул и решительно перешагнул линию, которая вот уже три месяца отделяла его от внешнего мира.

Его подталкивали в спину торопливые, такие же, как он, подлеченные, подштопанные бывшие пациенты хирургического отделения. Послышались радостные возгласы встречающих. Пёстрая толпа, терпеливо ожидавшая перед дверями корпуса, сразу разделилась на мелкие группки. Близкие обступали сияющих счастливчиков, которым наконец-то было позволено вернуться к обычной жизни. У тех, кто только что выписался, отбирали сумки, авоськи, полиэтиленовые пакеты и прочие пожитки, сопровождавшие их в больничном быту. Баранов сделал шаг в сторону и опёрся сутулой спиной о стену дома, давая отдохнуть ватным, отвыкшим от нагрузки ногам.

Его никто не встречал. Растерянный Баранов малость постоял на низком, выложенном коричневой плиткой-кабанчиком крыльце. Каждой клеточкой свободного от больничных запахов и духоты тела он впитывал утреннюю свежесть, постепенно привыкая к солнечному изобилию, шелесту листвы лип и осин. Забытые ароматы пробирали до лёгкого головокружения. Утолив кислородный голод, чуть-чуть порозовев, Баранов оглядел весёлые лица, подхватил свой старый портфель и медленно, угловатой походкой двинулся к больничным воротам.

Вокруг центральной аллеи в строгом геометрическом порядке располагались старые двух-трёхэтажные корпуса. Их стены, испещрённые трещинами, несли следы времени, непогоды и отсутствия должного ремонта. Судя по архитектурному стилю, больничный ансамбль был возведён лет сто назад, а то и больше: многочисленные колонны, портики, купольное завершение основного здания намекали на принадлежность к эпохе классицизма.

Только что прошёл сильный, по-летнему тёплый дождь. Вокруг было свежо, сыро и безлюдно. Бисерные капли поблёскивали в ярко-зелёной траве, переливались всеми цветами радуги. Пара голубей вразвалочку разгуливали между мелкими лужами, лениво поклёвывая что-то с мокрого асфальта. Из-за высокой чугунной ограды, опоясывающей больницу, доносился обычный для большого города монотонный автомобильный гул.

Баранов давно не выходил на улицу, отвык от столичной пестроты и движения, и на какие-то мгновения связь с реальностью покинула его. Замерев, он наблюдал за вальяжно прогуливающимися птицами, разглядывал деревья и кучевые облака. В этот момент его едва не сбила с ног тучная обладательница пышной причёски, одетая в лёгкое цветастое платье.

– Витюша! – трубно и протяжно заголосила она, словно давала предупредительный сигнал встречному прохожему. Замечтавшийся Баранов от неожиданности вздрогнул и резко отшатнулся.

* * *

Галина Васильевна всегда и везде опаздывала. Вне зависимости от имеющегося в её распоряжении времени, ей никогда не удавалось прийти к назначенному сроку. Как бы рано ни звонил утром будильник, из дома она всё равно вылетала стремительно, потому что уже изрядно задерживалась на службу, и ни за что не смогла бы объяснить, куда делся запас отведённых на утренние сборы минут.

Если в юности такое поведение ещё допускалось, то во взрослой жизни, конечно, никуда не годилось. Галина Васильевна очень страдала от несоответствия внутренних часов устройству внешнего мира, виновато выслушивала упрёки на работе и дома, но избавиться от порочной привычки не

могла.

А началось всё с рождения любимого сына.

Галина Васильевна, тогда ещё просто Галя, всю свою девическую жизнь прожила вдвоём с мамой. Как и положено послушным детям, примерно относилась к учёбе. Остроносенькая и шустрая, в одежде она из всех цветов радуги предпочитала оранжевый цвет и аккуратно стягивала чёрной резинкой в хвостик непоседливые волосы.

Однокомнатная квартира на Шмитовском валу, в которой Галя провела юные годы, располагалась в самом углу дома и была маловата даже для двоих. Но вынужденная теснота не сблизила Галю с мамой. Доверительные отношения между ними так и не сложились. Её ответственная и бескомпромиссная мать была большую часть времени занята работой на комбинате, да ещё как бессменный профорг цеха то и дело выполняла общественные поручения. Уходила она из дома очень рано, а возвращалась обычно поздно вечером, вымотанная и голодная.

Конечно, она заботилась о льготных путёвках в пионерские лагеря и на турбазы, о билетах на детские праздники и концерты. А вот на Галину жизнь времени уже не оставалось. В школьные годы воспитание единственного ребёнка ограничивалось проверкой дневника да обсуждением сказанного на родительском собрании. Позже мать изредка интересовалась, насколько успешно прошла очередная сессия и какую общественную работу ведёт Галя на курсе.

Ну а личную жизнь они между собой никогда не обсуждали. Мать рано развелась с отцом, довольно долго и болезненно переживала разрыв, замуж больше так и не вышла, с головой уйдя в проблемы коллег по работе. Видимо, сопричастность к чужой боли и несчастьям давала ей возможность легче переживать собственную неустроенность. Она не желала, а возможно, и не умела говорить с подростковой дочерью о любви, дружбе, взаимоотношениях. И в семье, и в обществе в те годы тема отношений полов была практически запретной.

Этой темы они коснулись всего один раз, и то вынужденно. Вскоре после окончания института Галина вдруг пополнела, округлилась лицом, начала носить свободного покроя клетчатое светло-коричневое платье. Она была беременна, и её состояние не могло укрыться даже от посторонних глаз. Молодые люди в доме ни разу не появлялись, никаких разговоров о свадьбе не велось, поэтому мать всё-таки решилась выяснить у дочери, что та собирается делать.

Для неё это оказалось довольно сложно. Однажды после возвращения с работы она долго в одиночестве сидела на кухне, слушала монотонное тиканье настенных ходиков и всё подливала и подливала себе давно остывший чай. Вынырнувшая из распахнутой дверцы часов кукушка прокуковала одиннадцать раз. Тогда, собрав силы, мать отодвинула наполненную чашку, поднялась и подошла к читающей журнал дочери.

– Галина, а может... – чётко, словно выступая на собрании, начала она.

– Поздно, – дочь оборвала её на полуслове, отложила в сторону недочитанную «Иностранку». Бледненькая, взволнованная, она занимала совсем мало места на диване, свернувшись калачиком под стареньким леопардовым пледом. Мать помолчала, пригладила растрёпанные волосы, помялась и всё-таки задала ещё один вопрос:

– Галь, ну а он?

– С ним тоже поздно, – наполненным слезами и обидой голосом отрезала расстроенная Галя и уткнулась в подушку. Больше к этой болезненной для обеих теме они не возвращались.

Не рассчитывая на помощь вечно занятой матери, Галина в одиночку воспитала своего единственного сына. Она души в нём не чаяла, назвала его тем именем, которое нравилось отцу ребёнка. Отец... Казалось, он был влюблён в неё без памяти... Расставание вышло глупым, с Галиной точки зрения, необъяснимым, причинило ей много боли. А он даже и не догадывался, что сбылась его мечта о сыне.

Юра рос очень беспокойным и капризным ребёнком, ночью спал плохо. Каждое кормление предварялось громким надрывным рёвом, а между кормлениями Гале приходилось в полудрёме, не открывая глаз, гладить малышу надутый, словно барабан, животик, поить укропной водой, качать его и баюкать. Лишь наутро мальчика настигал короткий креп-

кий сон, и она стремглав летела на молочную кухню, даже не успев привести себя в порядок.

Именно тогда в организме Галины Васильевны поселились хроническое недосыпание и заторможенность, которые ей раньше не были свойственны. И ещё после родов Галина начала толстеть. Казалось бы, волчком крутится по двадцатиметровой квартирке, ни минуты свободного времени, а вот поди ж ты... То ли семейная предрасположенность к полноте проявилась, то ли виновата привычка доедать остающиеся после Юрочки творожки и каши.

Наконец Юра подрос и пошёл в сад. Галя получила возможность немного отвлечься от изнурительных материнских забот и вышла на службу. Но от прежней искромётной, общительной девушки не осталось и следа. Отведя с утра сына в сад, она сначала дремала, прислонясь к стеклу в автобусе, потом досыпала на жёстком сиденье в вагоне метро и даже в конторе, сидя за рабочим столом, умудрялась прикорнуть на минутку-другую. Все выходные она банально отсыпалась, благо Юра рос самостоятельным мальчиком и ему не требовалось много внимания – он сам ухитрялся придумывать себе занятия: то копался с парком пластмассовых машинок, то руководил армией оловянных солдатиков, то с помощью конструктора усердно что-то собирал, ломал и чинил.

Первое время после возвращения Гали начальник довольно снисходительно относился к её частым опозданиям. Сам имеющий двух детей, он входил в положение матери-одинач-

ки и никаких мер воздействия не предпринимал. Но вскоре он стал замечать за Галиной не характерную для неё в прошлом апатию. Раньше она выполняла все задания чётко, быстрее, чем другие сотрудницы лаборатории, и даже тщательнее, чем того требовала служебная необходимость. Теперь же Галина Васильевна частенько забывала про свои обязанности и подолгу просиживала, тупо уставившись в одну точку, словно мысленно находилась где-то далеко, в своём собственном потаённом мире. Когда коллеги её окликали, она вздрагивала, смотрела вокруг вопрошающим взглядом, как будто не понимала, куда попала. Через короткое время к ней возвращалось чувство реальности, и она продолжала работать – до следующей такой же неожиданной паузы.

Сослуживцы, особенно старшие женщины, жалели Галю, по возможности опекали и помогали ей, кто как мог. Но постепенно коллеги стали судачить о ней. Что-то с Лисичкой (так прозвали Галю в лаборатории за стойкую приверженность к апельсиновому цвету) творится неладное, говорили они. Пора бы ей сменить батарейки, а то её старые совсем перестали «фурычить». Не к добру это.

К добру или не к добру, но ничего особенно страшного в Галиной жизни не происходило. Разве что сердобольный начальник, потеряв терпение, вынес ей порицание за халатное отношение к работе. Как-то в разгар трудового дня, выйдя от руководства после совещания, он застал Галю в коридоре на другом этаже. Его подчинённая одиноко стояла у окна и то

ли задумчиво, то ли отрешённо смотрела на бегущие в вышине пушистые облака. И это тогда, когда надо было срочно сдавать годовую отчётность и вся лаборатория «стояла на ушах».

Галина прекрасно осознавала свою вину. Она пыталась воевать с собственной расхлябанностью, призывала на помощь и силу воли, и будильники, старалась строго следовать недельному расписанию, даже ежедневно по часам заполняла дневник. Но тщетно! Хотя, пожалуй, одно жизненное изменение её слабость всё же принесла, и это было изменение к лучшему: на мечтательную молодую женщину обратил внимание новый сотрудник. Желая сделать её счастливой, он позвал Галину замуж и заменил Юре отца, которого тому так не хватало.

Вот и сегодня, собираясь за выписывающимся из больницы мужем, Галина Васильевна дала зарок, что обязательно приедет точно в срок. Но время, по обыкновению, куда-то испарилось, пришло, как всегда, суетиться. В итоге она забыла в вазе купленные гвоздики и едва не испортила специально сделанную накануне причёску. Как назло, автобус до метро очень долго не приезжал, а когда наконец-то приплёлся, то оказался не по-летнему переполнен пассажирами и дышать в салоне было чрезвычайно тяжело.

Пока она парилась в подземке, прошёл дождь. И это ещё больше осложнило ей задачу успеть к назначенному часу: мешал лабиринт многочисленных луж. Весь путь от метро до

больницы Галина Васильевна почти пробежала. Она торопилась изо всех сил, двигалась так быстро, как только может двигаться крупная женщина в возрасте после полутора часов в душном общественном транспорте. Галине Васильевне очень хотелось, чтобы муж увидел её преданно ожидающей у дверей корпуса и понял, как она скучала по нему всё это долгое время.

Но нет же, опять опоздала! Вон он, уже вышел. Галина издали завидела Виктора, встрепенулась, окликнула его и припустила что было сил, наклонив голову и размахивая руками. И... едва не налетела на прохожего, который медленно брёл ей навстречу в тени деревьев.

Вообще-то Галина Васильевна не отличалась хорошей памятью на лица. Но тут одного мимолётного взгляда оказалось достаточно, чтобы она поняла: видела когда-то или даже знала этого человека. Такое знакомое, но забытое лицо... то ли прежний сосед с Пресни, то ли сотрудник со старой работы?

Как любая женщина, Галина Васильевна не могла остаться безразличной к внезапной загадке. Но и сбавить темп, чтобы спокойно подумать, повспоминать, сейчас было абсолютно невозможно. Поэтому она на бегу оглянулась, чтобы получше рассмотреть встречного хотя бы со спины: вдруг найдёт ключ к разгадке в его осанке или походке.

К своему удивлению, Галина Васильевна увидела, что высокий сутуловатый мужчина тоже обернулся и смотрит в её

сторону. По всему выходило, что и он узнал её. Но кем бы он ни был, теперь это дела давно минувших дней. А её, переминаясь с ноги на ногу, терпеливо дожидались муж и сын. Увы, они давно уже примирились с её неизбежными опозданиями.

* * *

«Надо же было так зазеваться!» – смущённо улыбаясь, покачал головой Баранов. Странно, но он чувствовал за собой какую-то неосознанную вину. Задевшая его полная женщина внезапно замедлила бег и посмотрела в его сторону. Возможно, близорукому Баранову показалось, но вроде бы её быстрый взгляд выражал что?.. заинтересованность? Она как будто хотела что-то сообщить или, напротив, выяснить у него. Но через секунду толстушка так же порывисто отвернулась. Вскоре Баранов, который продолжал следить за ней, увидел трогательную сцену встречи, объятия и поцелуи. Он никогда не страдал завистливостью, но теперь вдруг защемило в груди.

«Да, ни Катерина, ни Тамара не стали бы так носиться ради меня. Вроде хорошие, красивые, умные бабы были, а ведь ничего не вышло, ни с той, ни с другой», – печально заключил растроганный Баранов, издали наблюдая семейную идиллию.

С Катериной они поженились слишком рано, оба не готовые к созданию семьи. По неопытности решили, что взаимной симпатии и сексуального влечения вполне достаточно, чтобы начать совместную жизнь. Юный Баранов, со своим щедедушно-подростковым сложением, внешне тогда совсем не выглядел главой фамилии. Короткая стрижка, худая шея, редкая щетина на месте, где у нормального мужчины должны быть усы и борода, простенькая и неброская одежда из местного универмага – всё это не придавало ему солидности. Да и внутренне он не соответствовал новому статусу, не мог взять на себя ни положенные обязанности, ни ответственность. Что и говорить, «зелёным» ещё оставался.

А Катерина уродилась энергичной, с характером, и уже в юности чувствовалась в ней харизма – нечто такое, что влекло и притягивало людей. Она не была красива в классическом понимании. Каждая её черта в отдельности могла принадлежать смешной карикатурной рожице: вздёрнутый носик, излишне оттопыренные уши, широкие скулы, небрежная причёска. Но оторвать от неё взор было невозможно, особенно большие глаза магически манили, чудесно озаряли и преображали лицо. Раз окунувшись взглядом в зелёную бездну, ты уже не хотел выплывать, избавляться от этой власти, которая поглощала и завораживала.

Дерзкая Катерина любила носить свободного покроя вязаные свитера и обтягивающие спортивные футболки. И в том, и в другом наряде она выглядела весьма сексуально. Мужчины на улице провожали её долгими заинтересованными взглядами. Молодому Баранову нравилось, что на его возлюбленную обращают восхищённое внимание. Иногда он с тайным наслаждением наблюдал со стороны, какое впечатление производит на сильный пол Катерина. Вот его драгоценная идёт навстречу своей характерной пружинистой, подпрыгивающей походкой, в короткой игривой юбке и расстёгнутой на две верхние пуговицы облегающей блузке, а головы прохожих поворачиваются ей вслед.

Выйдя замуж, Катерина не просто похорошела, а по-настоящему расцвела. Она вся сияла и искрилась, ловила на себе восхищённые взоры и купалась в лучах возрастающего могущества. Её чары крепили день ото дня. Ей стало льстить внимание, которым она была обделена в ранней юности.

В тени рано развившихся подруг она долго оставалась неприметной. Ещё в средней школе большинство её одноклассниц начали встречаться с ровесниками и старшими ребятами из соседних дворов. Они бурно и подробно обсуждали между собой отношения с мальчиками, хихикали, делились накопленным опытом. Самокритичной и требовательной к себе Катерине казалось, что на неё никто никогда не обратит внимания. В поисках изъянов она подолгу оценивающе рассматривала себя в зеркале. Отражение показывало

угловатую, не сформировавшуюся девчонку с острыми чертами лица, спортивными, а не покатыми плечами, длинными руками, всю нескладную и неловкую. Каждый такой придирчивый осмотр завершался слезами и бессонной ночью.

Проницательный Баранов первый с помощью природного мужского чутья распознал в мнительной Катерине то, что скрывалось от поверхностного взора. Именно он разглядел в закомплексованной школьнице будущую звезду, он своей юношеской пылкой любовью и безграничным обожанием преобразил её, дал веру в собственные силы.

Теперь из зеркала на Катерину смотрела уверенная в себе прелестная юная дама с аккуратной причёской, подобающим макияжем и роскошным бюстом. Исчезли, ушли в прошлое все подростковые сомнения. Из куколки вылупилась редкостная бабочка, недавняя Золушка превратилась в принцессу.

Катерина уже не заливалась краской, когда с ней заговаривали на улице, не ускоряла шаг, чтобы из-за неуверенности избежать знакомства. Она благосклонно позволяла уступать себе место в транспорте, одаривая счастлиwickа улыбкой и лёгким, еле заметным кивком. Она считала естественным, когда перед ней расступались, пропуская вперёд, и придерживали для её удобства открытые двери.

Но у такой популярности была и обратная сторона. Этот неожиданный успех стал слишком большим испытанием для только что начатой семейной жизни. У Катерины появилась

масса новых знакомых и, конечно, поклонников различного возраста и положения. Многие восхищались её неожиданно раскрывшимся очарованием, молодостью и фонтанирующим задором. За ней стали галантно ухаживать. Мог ли худосочный Баранов, будучи ещё желторотым юнцом, конкурировать с уверенными, знающими толк в общении с женщинами солидными мужчинами? Неоткуда было взяться у него таким навыкам. Катерина стала его первой и единственной девушкой. Да, он превратил совсем ещё зелёный бутон в дурманящий, манящий прелестный цветок, но сам как был мальчишкой, так им и оставался. Семейная жизнь не внесла в характер Баранова, его привычки и стиль общения заметных изменений. Отсюда и все возникшие проблемы.

Замужняя Катерина требовала от простодушного Баранова совершенно другого, уже не юношеского поведения, ей не хватало одних ласковых слов, вечерних прогулок при луне и заверений в вечной любви. Ей было нужно, чтобы рядом находился ответственный, серьёзный человек. Муж должен был стать для неё крепким щитом и надёжной опорой, той каменной стеной, за которой она в любой момент могла бы укрыться. Вот так – положить ему голову на плечо, ни о чём не заботиться и ничего не бояться.

Незрелый Баранов смутно чувствовал, что в Катерине накапливаются раздражение и неудовлетворённость, но тогда не мог даже до конца осознать, не только что выполнить взятую на себя миссию. Для главы семьи он был слишком ин-

фантилен: слушался маминых советов, суетился по мелочам, молодой жене уделял недостаточно внимания, хотя ежедневно находил поводы то созваниваться, то встречаться с товарищами.

Неудивительно, что примерно через год пленительная Катерина нашла себе другого мужчину – взрослого, знающего толк в жизни, хотя, к её сожалению, уже женатого. С характерной для неё прямоотой она тут же поведала обо всём ничего не подозревавшему безумному супругу, который продолжал наивно парить в облаках первой любви. Она не врала и не скрытничала, объяснила ситуацию как есть, всё разложила по полочкам.

Сразу после этого объяснения они разошлись. И хотя разрыв происходил с рыданиями, метаниями, выматывающими беседами и полуночными бдениями, но, как ни странно, без взаимных упрёков, оскорблений и скандалов. Можно даже сказать, что расстались они по-дружески.

Гораздо позднее, повзрослев, Баранов осознал, что как муж он был тогда несостоятелен. Он многого не знал, не умел и не понимал, хотя при этом был весьма амбициозен. Он представлял себя главным архитектором будущей прекрасной жизни, ведущим конструктором семейного счастья. В его голове роились масштабные, но наивные и несбыточные планы. А кто в юности не строил воздушных замков и не мечтал о грандиозных свершениях?

С этого фиаско начались все остальные неурядицы Ба-

ранова. Жизнь покати́лась кувы́рком да под гору. Юности присущ максимализм, её наполняют иллюзии. Где ему было справиться с собой, достойно перенести крах первой любви? Казалось, его мужское самолюбие полностью растоптано. Конечно, он понимал: несмотря ни на что, надо подниматься, искать точку опоры и начинать строить жизнь заново. Но не мог этого сделать, не хватало моральных сил!

А где-то через год-полтора они случайно встретились. Всё ещё обожаемая им Катерина с горечью призналась Баранову, что так и не вышла замуж. Она по-прежнему цвела. К огромному удивлению Баранова, начала курить, но и это не портило её, а только добавляло шарма обольстительному образу. Беседуя со смущённым Барановым, Катерина царственно держала в ухоженных пальцах тёмно-коричневую сигарету, откидывала в сторону тонкую кисть и, слегка прищуриваясь, непринуждённо выдыхала в сторону тонкую струйку дыма.

Они сидели в кафе за чашкой чёрного кофе. Как всегда, Катерина была откровенна. Она поведала Баранову, что сильно ошиблась. Его счастливый соперник оказался вовсе не героем её романа. Слишком скоро пришло прозрение, что порыв чувств, страсть и сексуальная удовлетворённость – это ещё далеко не любовь и даже не влюблённость. Деталей своей личной трагедии Катерина избегала, однако складывалось впечатление, что повёл себя её новый избранник не очень благородно, пусть с женой и развёлся. Ничего более конкретного озадаченный Баранов так доподлинно и не узнал, понял

только, что завершились новые Катеринины отношения довольно быстро.

* * *

Всё глубже погружаясь в воспоминания, Баранов мрачно вздохнул. Как ярко, подумал он, тогда вспыхнули и погасли страсти, какие оставили ожоги и рубцы, скрытые от постороннего взгляда. Распались две пары, потянулись дальше по жизни четыре надломанные судьбы.

На ум пришли слова бывшего начальника, первого руководителя, с которым Баранов проработал много лет бок о бок. Опытный и мудрый наставник, он по-отечески учил незрелого, только что пришедшего с институтской скамьи Баранова: «Стержень должен быть внутри каждого человека, это обязательно». Видимо, не имелось у мягкого, покладистого Баранова этого самого внутреннего стержня. Вот и не стремились к нему его избранницы с таким жаром, с каким бежала эта полная, краснощёкая – но явно счастливая – женщина к своему ненаглядному Витюше.

Растревоженный Баранов горько усмехнулся. Только что он сам себе поставил точный диагноз, который не установило бы ему ни одно из светил медицины: патологически бездарен. Ну и кто должен встречать такого типа у дверей корпуса? Кому нужно было навещать его в больнице?

Подумалось, что с подобным нетерпением ждать его могла только Галина, только она одна, больше никто. В жизни не было у Баранова более преданной подруги.

В канун Олимпиады восьмидесятого года Москва выглядела непривычно просторно, чисто и красиво. Они познакомились на дежурстве добровольной народной дружины, когда вместе патрулировали район Чистых прудов. Сначала Баранов и Галя не очень обращали внимание друг на друга. Но делать на дежурствах было особенно нечего, однообразное хождение по периметру микрорайона никакой ощутимой пользы не приносило, город и без их вмешательства был идеально отутюжен милицией и госбезопасностью. Постепенно между ними завязались беседы, возникла взаимная симпатия, а затем установились и более близкие, дружеские отношения.

Баранов тогда только-только начинал подниматься по карьерной лестнице. Он снимал уютную комнатку недалеко, на Покровке. Отшагав положенное количество километров по центру города, не встретив ни одного диверсанта и злого нарушителя общественного порядка, они с Галей стали забегать к нему попить чаю. Эти посиделки после вечернего обхода всё затягивались и вскоре достигли того времени суток, когда метро уже закрыто. Галине приходилось

вынужденно оставаться на ночь.

Она была наивна, открыта и невинна. Намного ниже Баранова ростом, Галя смотрела на него снизу вверх широко раскрытыми небесно-голубыми глазами и ловила каждый его взгляд, каждое слово. Воодушевлённый Баранов упивался вновь возникшим ощущением собственной значимости, чувствовал себя окрылённым и одухотворённым. Он возобновил работу над заброшенной было диссертацией, при этом настолько увлекался, что порой не мог оторваться от своих умозаключений целыми сутками.

Найдя в Галине благодарного слушателя, Баранов зачитывал ей готовые разделы. Он возбуждённо жестикулировал, комментируя созданное. Влюблённая Галя преданно, словно послушный ученик, сидела перед Барановым-учителем, поджав под себя ноги, и часами терпеливо внимала его речам. Она честно пыталась вникнуть в суть излагаемой теории, но плохо ориентировалась в профессиональных терминах. А разгорячённый Баранов, не замечая этого, возбуждаясь от собственных словесных пируэтов, вышагивал по комнате с горящими глазами и всё сильнее накручивал спираль замысловатых рассуждений.

Постепенно их отношения стали меняться. Девчоночий Галкин хвостик, который первое время возмущал придиричвого Баранова своей «детсадовостью», уже не казался таким примитивным. Вдруг появилось желание погладить, ощутить плотность и шелковистость туго стянутых волос, вдох-

нуть их волнующий запах. Он разглядел стройную фигурку с миниатюрной грудью и полноватыми икрами, на которую прежде почти не обращал внимания. Его перестала раздражать доминирующая жёлто-оранжевая гамма в её одежде, теперь эти цвета казались ему праздничными, нарядными.

Телефона у Гали дома не было, поэтому они каждый раз заранее назначали время встречи в условном месте. Баранов приезжал на Краснопресненскую и ждал Галину рядом с памятником, установленным в честь революционных событий 1905 года. Потом они гуляли по Шмитовскому валу и окрестным переулкам. Иногда, если позволяла капризная московская погода, заходили в маленький живописный парк на набережной, бродили там по ажурным горбатым мостикам, кормили лебедей, любовались раскидистыми плакучими ивами.

Всё складывалось слишком хорошо, так хорошо, что однажды Баранова охватил суеверный страх. Его напугала сила зарождающегося в нём чувства. Был момент в один из дождливых осенних вечеров, когда он отвлекся на минуту от напряжённой работы, выключил слепящую настольную лампу, давая передохнуть утомлённым глазам, и его внезапно охватила нервная дрожь при мысли: а вдруг всё повторится? Вдруг за эйфорией опять последует сокрушительное падение?

Эта мысль привела Баранова к цепи рассуждений: «Ведь я всё ещё чувствую боль, она сидит во мне ноющей занозой.

До сих пор живёт внутри меня моя Катерина. Я не избавился от неё и, по правде говоря, не хочу этого. Она преследует меня повсюду. Её лёгкая тень со знакомой прыгающей походкой то и дело мнится мне среди мелькающих женских силуэтов. Я помню запах духов, которыми она пользовалась, и болезненно ищу его источник среди старых вещей, оставленных ею. Я слышу цокающий стук её каблучков по асфальту на бульварах, где мы гуляли вечерами. Эти призрачные столкновения с прошлым до сих пор доставляют мне ощутимые страдания. Зачем же опять осложнять себе жизнь? Быть может, лучше закончить всё сейчас, на высокой ноте, пока не произошло очередной катастрофы? Пускай память сохранит о наших отношениях с Галей только хорошее и светлое – на этой скамейке мы целовались, тут я её каждый вечер ждал, здесь мы бродили, освещаемые бледно-лунным светом большеголовых фонарей».

Он подумал, что если прервать связь с Галиной сейчас, пока их жизни ещё не так глубоко переплелись, то потом не будет жгучей невыносимой боли, не будет ночных метаний, беспокойного ворочания с боку на бок до самого рассвета. Тогда не полезут в голову фантастические варианты кровавой мести, один страшнее и изощрённее другого, не возникнет нелепое желание совершить прилюдный суицид с оставленной на видном месте запиской: «В моей смерти прошу винить...» – и так далее. Если отступить сейчас, то всё закончится светлым, волшебным аккордом.

«А дальше? Что будет дальше? Впрочем, кто из нас может заглянуть в будущее? Поживём – увидим», – так размышлял растерянный Баранов. В этот момент ему хотелось и уйти от преследующих его навязчивых миражей прошлого, и уберечь себя от возможных дальнейших ударов судьбы.

В один прекрасный день Баранов смалодушничал и просто не пришёл на назначенную встречу. Он не знал, как ему объясниться с Галиной. Она казалась ему такой хрупкой и ранимой, и он не представлял, что должен будет говорить ей. Ему пришлось бы поведать о Катерине, об их юной любви и её горьком итоге. Рассказ о разбитых мечтах и растоптанном самолюбии, о собственной мужской несостоятельности и ненужной преданности той женщине, которая его унизила, был выше его сил. А вдруг впечатлительная Галя ещё и начнёт плакать, умолять его остаться? Что делать в этом случае? Взвинченный Баранов пытался про себя проиграть все возможные варианты разговора, но у него ровным счётом ничего не получалось, он только начинал нервничать и сильно потеть. В результате единственное, что он смог придумать, так это не видеться больше с милой Галей.

На привычное место встречи рядом с борцами за свободу трудового народа ничего не понимающая Галина приходила каждый день в течение недели. Баранов трусливо не появился. Галя решила, что он встретил другую женщину.

После совершённого предательства – а он, конечно, осознавал, что это предательство! – тишина и безразличие обос-

новались в барановской душе. Опустошённость и покорность заняли место ярких красок, чистых звуков, знакомого запаха. Было ощущение, что внутри лопнула какая-то важная струна. Вспоминалось, как некогда при виде задорной Катерины сердце отзывалось малиновым звоном, лихорадочно учащался пульс. Теперь пропал былой резонанс, никому не отвечала душа. Поэтому многие дальнейшие события жизни прошли незамеченными, не оставив в его памяти значимого отпечатка.

Второй раз Баранов женился по инерции. Не от скуки, одиночества или по обязанности, а как-то... невзначай. Их отношения с Тamarой получили официальное оформление будто бы вне зависимости от их воли, сами собой. Они случайно познакомились, скромно жили, тихо разошлись. Всё у них было очень обыденно, приземлённо, без головокружительных феерий и долгожданных праздников. По сравнению с кипевшим страстями первым браком второй оказался блёклым и никчёмным: не семейная жизнь, а какая-то её жалкая тень, нелепая пародия.

Совместные радости им заменила борьба за выживание: ежедневная нудная работа, вечерняя подработка – репетиторство с бестолковыми недоучками, попытки ночного натужного бдения на кухне над очередной главой кандидатской диссертации, проблемы с продуктами и жильём. И ко всему этому вороху постоянные упрёки жены из-за незаконченного ремонта и отсутствия денег.

К тому времени почти все барановские друзья юности обзавелись семьями. И, что удивительно, у всех родились мальчики. Баранов тоже мечтал о сыне. Он очень явственно представлял, как будет с ним гулять в парке, учить играть в футбол и хоккей, вечерами помогать делать домашние задания. Он даже заранее решил, что назовёт сына Юрием, в честь Гагарина.

Тамара ходила тяжело, дважды лежала в больнице на сохранении. Её с первых месяцев беспрестанно мучил жестокий токсикоз. УЗИ ей сделали лишь раз, и то на начальной стадии беременности, потому что боялись навредить плоду. Толстый рыжий доктор тогда очень сильно порадовал взволнованного Баранова, авторитетно заверив хриплым прокуренным басом: «Парень будет».

Когда взвинченному, не находящему себе места Баранову по телефону сообщили, что Тамара родила, чувствует себя хорошо и с ней всё в порядке, он, не дослушав радостного известия, в невероятном возбуждении оборвал:

– Мальчик?

– Нет, – коротко ответил на другом конце провода женский голос.

– А кто? – вопросом из старого анекдота отреагировал оторопевший Баранов. Он не мог поверить, что и тут потерпел фиаско. Он так долго ждал этого часа, готовился, строил планы, надеялся, что наконец будет переломный момент в его жизни и теперь судьба резко пойдёт в гору, – а получи-

лось всё опять совсем не так. Наверное, именно из-за несоответствия событий его радужным ожиданиям Баранов как-то сразу охладел к новорожденной и даже не задумался об её имени. Выйдя из роддома, Тамара сама назвала дочь Светланой.

Дальнейшая семейная кутерьма слилась для безучастного Баранова в один серый безликий ком. Бессонные ночи из-за ребёнка, очереди за дефицитным детским питанием, походы по врачам, поиски детского сада поглотили несколько лет жизни. А ведь это могли быть его лучшие годы, самый расцвет, когда он был призван творить, созидать, дерзать и воплощать. Но вместо взлёта – очередной провал. Бесцветность, убогость и приземлённость верховодили барановской судьбой. Были ли на самом деле эти годы? Что он тогда делал, чем жил? Непонятно. Не жил – существовал, как хилое растение, случайно проросшее в полутёмном подвале.

К тому времени, когда Светлане исполнилось пять лет, даже Тамаре стало ясно: продолжать совместную жизнь нет смысла. Развод принёс вожаделенное одиночество, но вместе с семьёй Баранов утратил и интерес к творчеству. Он по привычке сидел ночами на кухне над стопкой давно исписанных листов, крутил в руках ручку, смотрел куда-то в угол. Изредка вдруг спохватывался, заставлял себя перечитать ранее написанное, начинал менять местами главы, сортировать пункты, редактировать текст, но ничего нового так и не добавлял, и вскоре опять забрасывал рукопись. Иллюзия, что семейная

жизнь мешала его творческим амбициям, развеялась.

Спустя ещё несколько лет институт, с которым были связаны карьерные надежды Баранова, закрылся. Его не пощадило сложное перестроечное время: государственное финансирование прекратилось, полуразваленной промышленности не требовался научный потенциал. В отрасли снежным комом нарастали проблемы, стало не до перспективных разработок, на повестке дня стояла одна задача – выжить. Наступило время тех, кто умел делать деньги. Баранов же не обладал коммерческими способностями, а другие таланты, если они и были, давно похоронил.

Вспоминая о дочери, Баранов очень сожалел, что не смог наладить с ней нормальных отношений. Он совсем не был в курсе её дел: не ведал не только с кем дружит и чем интересуется, но и даже где и как учится. Через дальних знакомых прослышал только, что теперь она студентка одного из недавно открытых новомодных университетов, семьёй пока что не обзавелась.

Он знал также, что, когда Тамара второй раз вышла замуж, Светлана вместе с матерью без сожалений рассталась с его, как она называла, «скотской» фамилией. «Хватит, – говорила девочка, – достаточно в школе наобзывали». Обе они сменили её на более благозвучную «морскую» фамилию отчима, стали то ли Кораблёвыми, то ли Кораблиными.

Хотя ответственно относившийся к своим отцовским обязанностям Баранов и делал для Светы то, что было необхо-

димо, получалось это у него очень уж механически. Создавалось впечатление, будто он действовал по заложенной программе, словно автомат. Души он своей не вкладывал в дочку. Светлана, как любой ребёнок, тем более девочка, всё хорошо понимала и чувствовала. Не смогла дочь простить родному отцу безразличия, в котором росла в детстве.

* * *

Тенистая аллея закончилась, и Баранов оказался на широкой заасфальтированной площади перед воротами больницы. Прошёл между припаркованными машинами скорой помощи, двинулся к выходу.

За проходной он в нерешительности остановился. Оглядевшись, повёл глазами по фонарным столбам и окрестным зданиям, как будто искал одному ему известный таинственный знак. Но никаких символических подсказок не обнаружилось. Город жил будничной жизнью, привычно пестрел рекламными щитами, предупреждал сине-красными знаками дорожного движения, информировал бело-синими коробами с названиями улиц и номерами строений.

День обещал быть погожим, и ехать домой прямо сейчас не хотелось. После недолгих колебаний Баранов решил свернуть к Москве-реке. Он чувствовал желание остаться на время одному, походить, подумать, окунуться в запах озона, растёкшийся над городом после грозы. Как он соскучился

по свежему воздуху за мучительные месяцы в перенаселённой, душной палате! В этом районе столицы на набережной всегда было немногочисленно и тихо, особенно теперь, в разгар дачно-помидорного сезона.

Нескучный сад встретил задумчивого Баранова щебетанием птиц. «Остались же ещё в нашем сумасшедшем мире такие благодатные уголки, – с умилением отметил он. – Чудом сохранившийся островок почти нетронутой природы прямо посреди суетной Москвы. Такое впечатление, что здесь время идёт гораздо медленнее. Есть в этом месте что-то гордое и величественное. Ходишь по дорожкам заросшего сада, смотришь с высоты на плавно текущую, мутную Москву-реку – и исподволь наполняешься здешними тишиной и покоем. Душа соприкасается с чем-то светлым и непостижимым, растворённым в воздухе, ощущает дыхание вечности».

«Просветление, – подобрал Баранов правильное слово, – здесь я чувствую сопричастность с основами всего глубинного, обыкновенно спрятанного от посторонних глаз. Кажется, что сама собой появляется особая улыбка, сродни выражению лиц тибетских монахов, которые озарены внутренней силой и знанием законов мироздания».

Баранов всегда ощущал гармонию с этим парком, относился к нему с особой симпатией, иной, чем к подмосковным лесам или любым другим местам в городе. Ему нравилось, что многие дорожки сада остались гаревыми или земляными, их не закатали в неживой серый асфальт, как почти

всё остальное городское пространство. Приятно было, что, несмотря на любые политические и экономические изменения, всегда и всё так же собирались на одном и том же месте за шахматами. Не только соревновались – живо обсуждали законченные партии. Многие приходили просто понаблюдать за чужой игрой, пообщаться со знакомыми. Баранов сам в шахматах был не мастак, но каждый раз, проходя мимо, останавливался на несколько минут и умилённо созерцал картину борьбы умов на 64-клеточном двуцветном пространстве.

Внезапно почувствовав слабость, Баранов присел на старую деревянную скамейку между двумя невысокими елями. Слева от самого края холма, спускающегося к Москве-реке, одиноко и величественно, словно старинный белый корабль посреди зелёного моря Воробьёвых гор, выплывал Андреевский монастырь. «Красота, – вздохнул Баранов, – намолненное место, благостное». Немного посидев, он осторожно, чтобы не полететь кувырком вниз, начал спускаться по довольно крутой и извилистой тропке к набережной.

Баранов неторопливо брёл по узкой дорожке вдоль массивного тёмно-серого парапета, слегка касаясь рукой его грубой поверхности, ощущая шероховатость и тепло гранита. Такая привычка осталась у него с детства. Тогда он жил на другом берегу в подобном старом районе Москвы и часто ходил гулять к реке. Вспомнилось, как он любил бросать в неспешную зелень воды камешки или снежки, в зависимости

от сезона, и наблюдать за разбегающимися кругами.

«Интересно, – подумалось Баранову, – а многие ли из сегодняшних москвичей знают что-нибудь о моих родных Малых Кочках? Вряд ли. Скорее всего, почти никто и не слышал этого названия».

Несмотря на несколько переездов, он и поныне ассоциировал себя именно с Малыми Лужниками, где прошло его детство. Казалось несправедливостью, что многим улицам вернули прежние имена, а его малую родину обделили.

«Конечно, хорошо, – рассуждал Баранов, – что на карте города снова появились Ильинка, Варварка, Покровка. Старики-то всегда их так называли, невзирая ни на какие переименования. А теперь и молодёжь воспринимает эти названия как должное. Молодые, наоборот, не застали улицы Метростроевскую и Воровского, проспект Маркса».

Бесспорно, Остоженка и Пречистенка, Волхонка и Солянка – имена знатные, входят в когорту старинных московских названий с окончаниями на «ка». Этого не скажешь об улице Малые Кочки. Не могла она похвастаться известностью и исторической значимостью. Баранов как-то интересовался, копался в справочниках и в Интернете. Узнал, что название Малые Кочки встречается в адресных списках репрессированных и реабилитированных граждан, да ещё связано с именем всенародно любимого артиста А. Д. Папанова, который жил на этой улице. Больше сколько-нибудь существенной информации обнаружить не удалось. Видно, как были

Малые Лужники окраиной города в семнадцатом и восемнадцатом веках, так и остались в сознании людей глухой периферией.

Название Малые Кочки исчезло с городских карт в 1960 году, в пятилетнем барановском возрасте. Кочками они теперь были лишь в памяти немногочисленных старожилов и в московской хронике, повествующей о развитии Малых Лужников. Для всех остальных родная барановская улица называлась улицей Доватора – в память о легендарном советском военачальнике, герое обороны Москвы. «Хотя, – с горечью предположил Баранов, – немногие бы сегодня ответили, в честь кого (или, того хуже, чего) названа эта неприметная улица в центре Лужнецкой поймы».

Баранову, как и большинству местных, новое название не пришлось по душе. Нет, ничего против увековечивания воинской славы он не имел. Просто не вязалось это имя, по его мнению, с местным пейзажем. Да и обидно было, что именно Малые Кочки постигла участь переименования – и забвения. Вполне можно было бы назвать в честь военачальника переулок или проезд в одном из новых районов.

Конечно, в свои пять с половиной лет Баранов об этом не задумывался. Но слышал, как и его домашние, и все соседи упорно продолжали называть улицу именно Малыми Кочками. То ли в знак пассивного протеста, то ли из-за врождённого московского консерватизма. Так или иначе, но почти все они, несмотря ни на какие пертурбации в политической жиз-

ни страны и соответствующие переименования, по-прежнему считали, что живут на Малых и Больших Кочках.

* * *

Так, перебирая картины прошлого, Баранов не торопясь дошёл до того места, где раньше находился мост Окружной железной дороги, а теперь проходило третье транспортное кольцо. Там он опять остановился. Вдруг остро вспомнилось, как любили они с Катериной бегать на эту сторону Москвы-реки из своих Лужников, гулять по тенистым аллеям, целоваться в укромных, одним им известных местах. Из железнодорожного моста нынче соорудили пешеходный переход, теперь он связывает Фрунзенскую набережную с Нескучным садом. А тогда перехода и в далёкой перспективе не было, поэтому мост с грохочущими поездами служил частью их романтического путешествия.

Переходить на другой берег в тот момент, когда реку пересекал длинный состав, было настоящим приключением. Пешеходные дорожки, расположенные с обеих сторон от путей, состояли из досок с довольно широкими щелями. Туда с лёгкостью проваливались тонкие каблук Катериных остроносых туфель.

Товарный поезд громыхал, мост вибрировал, настил под ногами резонировал и ходил ходуном. Храбрая обычно Катерина в этой ситуации трусила, визжала что есть мочи, за-

зжмурился, глаза и уткнув лицо в плечо спутника. Баранов же, напротив, приосанивался, подтягивался, покровительственно обнимал дрожащую Катерину за плечи и со снисходительной улыбкой ждал, пока она вдоволь накричится. В такие минуты он чувствовал себя настоящим мужчиной, героем-спасателем, и был счастлив.

Теперь место одряхлевшего моста заняло третье автомобильное кольцо столицы. Баранов с ностальгией подметил, что новое инженерное сооружение гудит и шумит совсем по-другому и, при всей своей впечатляющей мощи, не сотрясается, а главное, не имеет характерного запаха, который окутывал старый железнодорожный мост его юности.

Навстречу ему по пустынной набережной, пасуя друг другу яркий новенький мяч, бежали два подростка, почему-то не вывезенных, как большинство их сверстников, за город.

Вид играющих ребят зацепил внимание Баранова. То, как азартно они отводили в стороны руки, наклоняли гибкие, юркие тела, выворачивали обутые в нарядные кроссовки ноги, чтобы послать мяч партнёру «щёчкой», – всё это снова окунуло его в детство. Картинка безграничной, необузданной радости вернула его на школьное футбольное поле. А ведь тогда он был полностью, абсолютно счастлив – и, конечно, ни о каком счастье и не думал.

Тогда благодаря учителю физкультуры, фанатику спорта и энтузиасту, школьные спортивные сооружения поддерживались в идеальном состоянии круглый год. На баскетболь-

ной площадке всегда были покрашены щиты и крепко привинчены кольца корзин. Большое футбольное поле ежедневно убиралось силами дежурного класса, и на воротах неизменно красовалась сетка.

Именно Анатолий Андреевич приучил их, подростков-сорванцов, к занятиям спортом. Причём сделал он это деликатно и интеллигентно, без нажима и какого-либо принуждения. Как-то у него так получилось, что вся ребячья жизнь сосредоточилась вокруг турников, брусьев и полосы препятствий, расположенных на пришкольной территории. Начиная со средних классов, все мальчишки не мыслили свою жизнь без спортивных состязаний.

Весной и осенью дружно гоняли в футбол на большом поле. Играли в одни ворота в «американку» или трое на трое на баскетбольной площадке, где воротами служили стойки от щитов. Зимой всё свободное время протекало на катке, который заливали на месте футбольного поля. Ледяного пространства хватало всем – и малышам, и фигуристам, и, конечно, местной хоккейной команде.

Даже после окончания школы, пока ещё не разъехались по разным районам, они из года в год собирались здесь. Но после смерти Анатолия Андреевича всё пришло в упадок. С ворот пропала сетка, развалились баскетбольные щиты, асфальтовое покрытие ощерилось многочисленными ямами и трещинами, которые уже никто не спешил заделывать.

Трещины появились не только в асфальте. Они возникли

и в отношениях, разбили нерушимую, когда-то казалось им, мальчишескую дружбу. Это произошло обыденно, без драм и разборок. Просто после окончания институтов и техникумов все начали втягиваться в работу, заниматься карьерой. Навалились безотлагательные дела, появились новые знакомые, потом и семьи образовались, соответственно, времени для общения со школьными друзьями не осталось. Сначала они реже встречались, затем только перезванивались, а через несколько лет контакты свелись к ежегодному вежливому поздравлению с днём рождения. Где вы теперь, горячие юношеские клятвы? Далеко позади, развалились вместе с той футбольной командой.

Конечно, никто из друзей детства не навестил Баранова в больнице. Скорее всего, никто из них и не знал о его болезни. Всем было уже не до «Барана»... Вспомнив своё давнее прозвище, он вдруг осознал, что с годами совершенно осиротел. Пропали старые товарищи, исчезли из поля зрения, выпали из его жизни – постепенно, по одному. Разъехались, обзавелись семьями и иным кругом знакомств. Жаль, их связывали такие светлые, чистые отношения, бесхитростные и открытые, а вот не выдержали проверки временем, не устояли. Похоже на то, как облетает с деревьев осенью пожухлая листва – сначала один лист сохнет, закружится и полетит в неизвестном направлении, гонимый проказником-ветром, за ним другой, третий... Не успеешь оглянуться, а уж дерево стоит совсем голое, пустое.

Тут Баранова потянуло на философские размышления. «Новые лица, – рассуждал он, – не могут заменить старых друзей, потому что между людьми не успевают возникнуть духовное родство. Оно ведь прорастает десятилетиями! Души должны соприкоснуться и проникать друг в друга постепенно, очень деликатно, чтобы не нарушить хрупкой внутренней организации. Для этого нужно время. Очень много времени, понимания и терпения. Где их взять в зрелом-то возрасте? А ведь так страшно остаться в конце пути одному. Отчётливо понимать, что нет у тебя ни одного близкого человека. Некому тебе позвонить посреди ночи, разве только в неотложку».

«Смогут ли вот эти ребята пронести через годы свою дружбу? Дай им Бог, чтоб получилось», – искренне пожелал Баранов, с улыбкой глядя на играющих подростков.

* * *

У него тоже когда-то был закадычный друг. Валерка пришёл в барановский класс уже в старшей школе, в предвыпускной год, и как-то сразу, чуть не с первого дня вписался в мальчишеский коллектив, как будто учился со всеми вместе уже много лет. Был он остроумен, дружелюбен и спортивен, хорошо разбирался в эстрадной музыке, немного играл на гитаре. Вскоре они уже сидели с Барановым за одной партой, и обоим казалось, что так было всегда. Они стали вместе де-

лать уроки, вдвоём возвращались из школы, благо Валеркины родители получили квартиру в соседнем доме.

Теперь любые события, которые происходили у одного из них, обязательно находили своё отражение и в жизни другого. Сообща выполнялись домашние дела. Одновременно появились знаки внимания по отношению к девушкам – раньше-то одноклассниц они просто игнорировали, и вот стали делать первые робкие попытки ухаживания. Отпустили длинные – конечно, насколько это было возможно в советской школе – волосы. Когда одному из них достался дефицитный вельветовый материал, оба заказали себе в местном ателье одинаковые джинсы.

После уроков и в выходные они так же, как эти мальчишки, гоняли мяч, только не такой красивый, даже не кожаный. На такой классный ни у одного, ни у другого денег не было и быть не могло. Жили тогда скромно, без излишеств. Зато играли не только летом! Они с Валеркой придумали забавное состязание: футбол на льду. Старались забить маленький резиновый мячик в хоккейные ворота на школьном катке. Футбол получался, конечно, не настоящий, зато очень увлекательный и весёлый. То и дело звучал задорный, громогласный смех, когда кто-нибудь из игроков особо комично падал или проскальзывал мимо заветного мяча. На льду было играть необычно, но забавно и азартно, а им тогда именно это и нравилось. Друзья гордились, что придумали такой своеобразный вид спорта. Конечно, втянули в него других ребят.

Вдвоём с Валеркой разрабатывали специальную технику игры в ледовых условиях. Здесь ведь не было хорошего сцепления с землёй, как в настоящем футболе, а чётко управлять своими движениями, как на коньках в хоккее, невозможно. Для игры на льду в обыкновенных кедах требовалась не только шноровка, но и слаженность в команде. Чуть сдвинулся с мячом в сторону, сделал одно обманное движение – и вот уже твой противник катится по инерции на полной скорости мимо, не в силах ничего поделать... Конечно, они частенько разбивали колени, всю зиму ходили с синяками, но что это было по сравнению с наслаждением, полученным от заводной игры?

Между прочим, припомнил Баранов, они, невзирая на дружбу, никогда ни в чём не уступали один другому. Если иногда попадали в разные команды, то бились на совесть, без снисхождения и поблажек. А весь последний, выпускной, год вели откровенную борьбу за главенство в классе и симпатии поглядывающих на них девчонок.

Учились оба хорошо, готовились поступать в ВУЗы, и внешне были довольно симпатичны и стройны – по всем показателям явные лидеры. До поры до времени они как-то сдерживали амбиции, властью и влиянием делились по-товарищески, но постепенно соперничество обострилось, охватывая и спорт, и настольные игры, и знание современной музыки, и всё остальное вплоть до оценок в школьном журнале.

Почему же закончилась их дружба с Валерием? Может,

виновата ранняя женитьба Баранова? Увлёкшись Катериной ещё на первом курсе, Баранов довольно быстро женился. Женатик, он уже не мог так много времени уделять товарищам, да и они стали реже звать его на мальчишники.

По-прежнему иногда вместе играли в футбол, порой ходили в кино. Но чувствовалось, что всё уже совсем не так, как раньше. Валерий теперь явно верховодил у ребят. У него, как и у других парней, постоянных подружек в то время не было. Холостые и свободные, они ходили на танцы, знакомились с девушками, устраивали вечеринки, куда женатого Баранова, конечно, не приглашали.

Компанейский по природе, Баранов мучился, даже периодически тяготился своими ранними семейными узами. Он хотел быть одновременно и с Катериной, которую любил всем сердцем, и со своим верным другом, и со всей честной юношеской компанией. Но нельзя же усидеть сразу на двух стульях... Баранов всё никак не мог определиться, что важнее: молодая семья или холостяцкая компания. Вышла эта нерешительность ему боком: и любимую Катерину он потерял, и отношения с друзьями детства тоже не удержал.

После развода с Катериной, немного успокоившись, Баранов стал гораздо чаще звонить и заглядывать к Валерию. Но у друга к той поре, похоже, изменились жизненные приоритеты. Его манили перспективы карьерного роста, он с головой погрузился в учёбу. Стремление к жизненному успеху не оставило места потребности в общении. Все вечера Вале-

рий отдавал политэкономии, забросил вчера ещё обожаемый спорт. Он как-то очень быстро повзрослел: не сказать чтобы сильно возмужал, а посерьёзnel и остепенился.

А Баранов даже после развода, как это ни странно, будто застрял в детстве. Он по-прежнему терялся, не зная, чем заняться вечером. Звонил, заходил к Валерию, получал очередной отказ, обижался, не понимал произошедшей с другом перемены. Ему всё казалось, что они как были, так и остались теми же самыми «ребятами со школьного двора».

Окончательно их разделило распределение. После окончания института Баранов остался в Москве, в одном из НИИ. А целеустремлённый Валерий стал реализовывать свои далекоидущие планы. Он отправился делать карьеру в провинцию, на один из крупных заводов, где ему предложили солидную для вчерашнего выпускника должность с хорошим окладом и прекрасными перспективами.

Баранов ещё время от времени созванивался с Валерием, даже несколько раз виделся с ним, когда друг приезжал в столицу, но встречи проходили всё более и более натянуто, пропали общие темы для разговоров. Единственное, что их ещё хоть как-то связывало, – память о школьных годах. Но невозможно же вспоминать о них бесконечно! В конце концов Баранов окончательно утратил связь с другом юности. Спустя несколько лет он узнал, что Валерий вернулся в Москву директором большого производства, состоялся как крепкий руководитель. Добился-таки всего, чего хотел.

Сейчас Баранову, разочарованному своей жизнью, было обидно вспоминать о давнем соперничестве. Бывшему другу он, похоже, безоговорочно уступил по всем статьям. Не хватило ему выносливости, целеустремлённости, работоспособности. Разбазарил бездарно всё, что имел, хотя стартовые возможности у него были, вне всяких сомнений, не хуже.

За несколько шагов до прогуливающегося Баранова юные футболисты разбежались один вправо, другой влево и, перепасовав друг другу мяч, в одно мгновение оказались за его спиной. Наивный Баранов в машинальной попытке перехватить последний пас выставил вперёд правую ногу – но куда там, реакция уже совсем не та... Услышав сзади смех и победные выкрики, ещё больше расстроился. «И эти обыграли», – саркастически подытожил он.

* * *

Эти мальчишки, Дима и Вадим, дружили с самого детства, жили в одном дворе и были одноклассниками. Правда, из-за разницы в возрасте в несколько месяцев учились в разных классах: Дима в восьмом, а Вадим только в седьмом. Это досадное, с точки зрения Вадика, несоответствие не мешало им общаться. Разве что Дима при случае не упускал возможности напомнить другу, какой по сравнению с ним тот ещё «салага». Вадим, смуглый и темноволосый, более крепкий и развитый физически, обычно отвечал: надо, мол, ещё по-

смотреть, кто на самом деле молокосос, – и тут же предлагал помериться силами на руках. Дима от предложенного соревнования по армрестлингу, как правило, вежливо уклонялся, объясняя свой отказ принципами: дескать, он младших не обижает. И хотя ребята частенько подкалывали друг друга подобным образом, дружили они, что называется, не разлей вода и в школе, и дома.

Дима Милов был отличником все годы, хотя особенным усердием не отличался, просто учёба давалась ему легко, без напряжения и зубрёжки. Почти весь материал он схватывал на лету, во время объяснения учителя, поэтому устные задания дома никогда не делал, всецело полагаясь на свою память.

Всё свободное время он отдавал компьютеру, подаренному на прошлый день рождения. Любознательный Дима быстро разобрался с премудростями Интернета и даже стал в семье признанным экспертом по телекоммуникации. Именно он консультировал родителей, если у них возникали трудности с текстовым редактором и электронными таблицами, помогал отыскать в глубинах Всемирной сети необходимую информацию.

Он легко научился скачивать музыку и записывать на компактные диски, потом с помощью коллажей изготавливал для своих детищ броские конверты. Конечно, показывал в школе, давал послушать одноклассникам. Многие из ребят, особенно те, кто был лишён подобных возможностей, откр-

венно завидовали.

Вадим Кораблин тоже не имел дома ни компьютера, ни Интернета. Зато имел закадычного друга, у которого всё это было. Целыми вечерами они на пару азартно воевали со злобными монстрами и прочей компьютерной нечистью, наперегонки создавали виртуальные города и империи, без всякой жалости разрушали их и строили новые.

Конечно, Дима как владелец чудодейственной игровой машины проводил за джойстиком и клавиатурой гораздо больше времени, чем его друг, и поэтому гораздо быстрее наловчился играть во всевозможные стрелялки и бродилки. Неугомонный Вадик изо всех сил старался не отставать от товарища, но отсутствие должного опыта сказывалось на результатах. Обычно он набирал меньше очков, выполнял недостаточно миссий, а в очных сражениях проигрывал. В отличие от спокойного Димы, который уверенно вошёл в роль солидного, всезнающего мэтра, импульсивный Вадик не мог совладать с собой и в пылу борьбы с компьютерными недругами сильно нервничал. Глаза его лихорадочно сияли, уши алели, как будто их только что растёрли снегом, и даже говорить он начинал отрывисто, невнятно и сбивчиво.

Компьютерные игры наложили характерный отпечаток на лексикон обоих товарищей. И хотя они не были профессиональными программистами, говорящими на особом машиноориентированном наречии, специфические выражения плотно вошли в их обиход. Теперь они не ели бутерброды,

а «загружали по паре файлов», не учились, а «джобали». И даже исконно русские ругательства – дурак или урод – уступили место иностранным «геймер недоделанный» и «юзер конченный».

Тщеславному Диме нравилось ощущать собственное превосходство в интеллектуальной сфере. Чтобы укрепить его окончательно, однажды, когда они заигрались допоздна, он показал несведущему Вадиду, как можно в Сети найти фотографии обворожительных полуобнажённых и абсолютно голых красоток. Неискушённый друг пришёл в полное замешательство.

Как правило, Вадик уходил от Миловых довольно поздно. У Димы была своя отдельная, пусть и не очень большая, комната. Вели друзья себя тихо, никогда не ссорились, и поэтому Димины родители снисходительно относились к их затяжным посиделкам.

Кораблины были гораздо беднее состоятельных Миловых. Неприсязательный Вадик делил комнату со старшей сестрой. Взрослой Светлане, студентке-третьекурснице, присутствие брата, конечно, доставляло определённые неудобства, ну а Вадик пока ещё не чувствовал себя ущемлённым. Сосуществовали они вполне мирно.

Вадик любил сестру, хотя и знал: хрупкая белокурая Светлана приходится ему сводной. Мама Тома у них была одна, а вот папы – разные. Ещё до его рождения у мамы со Светланой была другая семья, о чём они, правда, не очень-то лю-

били вспоминать. Брата хитросплетения кровных связей несколько не смущали. Главное, отношения между детьми и родителями сложились добрые, и ему многое позволялось, даже несмотря на регулярные проблемы с учёбой и поведением.

Больше всего увлечённого играми Вадима расстраивало то обстоятельство, что о появлении в доме компьютера в ближайшее время не могло быть и речи. Родители и так с большим трудом оплачивали Светланину учёбу в институте.

Именно поэтому азартный Вадик просиживал все вечера у Димы и возвращался домой возбуждённый, переполненный игровыми впечатлениями. Яркие картины не давали уснуть, и он подолгу ворочался в постели, переживая досадные неудачи, строя планы будущих сражений.

Друзья так и жили всё последнее время: днём в школе, в соседних классах, после уроков во дворе, вечером у гостеприимного Димы за монитором. Расставались они только на ночь да ещё на три месяца летних каникул.

Миловы летом обыкновенно уезжали куда-нибудь в тёплые страны, к морю, а потом по-южному загоревший Дима жил с бабушкой на даче. Вадик же свои каникулы проводил либо в подмосковном лагере, либо в деревне у дальних родственников. И только нынешним летом друзья впервые оказались в городе вместе. Произошло это потому, что Дима стал серьёзно готовиться к своему первому самостоятельному выезду за границу.

На семейном совете Миловых было решено, что пора ему поехать поучиться в Англии языку, приобрести необходимую практику. Две недели каникул были отданы подготовке к поездке в Брайтон.

Обычно флегматичный, Дима с огромным нетерпением ждал предстоящего отъезда. Ему хотелось ощутить себя взрослым мужчиной, в одиночку путешествующим по миру. С родителями-то за границей бывал он не раз, но эта поездка обещала стать особенной, принести совершенно иные ощущения. Предвкушение свободы пьянило его, как никакое компьютерное сражение. Поэтому всё последнее время Дима находился в приподнятом настроении. Родители днём работали, а он упорно занимался английским. В перерывах же гонял мяч с преданным Вадиком по полупустой летней Москве.

Вадик был рад предстоящей поездке друга едва ли не больше, чем сам Димка. Две недели безраздельного общения с товарищем, по его собственному определению, стали «призовым бонусом за хорошее окончание учебного года». Иначе ему пришлось бы провести их в одиночестве, ведь путёвка в лагерь куплена только на июль, а с деревней что-то не клеилось. Это было настоящее везенье: и друг рядом, и уроков нет, да к тому же когда Дима занимался английским языком с преподавательницей, он разрешал Вадиду одному играть на компьютере. Вот это каникулы! Фантастика! О таком можно было только мечтать.

Дима готовился к поездке в Брайтон основательно. Несмотря на твёрдую пятёрку, он три раза в неделю занимался дополнительно и каждый день выполнял письменные работы. Сегодня педагог обещала прийти после двух. Все задания были подготовлены, и друзья с самого утра упражнялись в укрощении мяча. Между прочим, в Англии предстоит не ударить в грязь лицом перед сверстниками: продемонстрировать им, что русские школьники ничуть не хуже умеют играть в футбол.

Сначала они гоняли мяч во дворе, потом двигались по узким переулкам по направлению к пустынной набережной. Играли широко, размашисто, во всю проезжую часть и оба тротуара. Били осторожно, не поднимая мяч слишком высоко, чтобы не упустить его в реку. Поочерёдно выбегали вперёд, демонстрировали всевозможные финты, пасовали друг другу. Иногда, делая ложный замах, оставляли мяч набегающему сзади партнёру. Словом, всё по-настоящему, как в профессиональном футболе.

Проворные мальчишки двигались по набережной, ни на секунду не прекращая перепасовки, то подкручивали, то подрезали только что купленный мяч. Когда Дима увидел впереди мужчину с большим коричневым портфелем, то тут же решил и его включить в их игру – в качестве члена противоположной команды.

– Защитник, – указал он Вадику на сутулого пешехода, отягощённого, видимо, приличной ношей. – Играем в стен-

ку.

Друзья с полуслова поняли друг друга, ринулись в стороны, и растерянный мужчина, к радости виртуальных болельщиков, был обыгран в три касания.

– Гол и победа! Гейм овер! – жизнерадостный Дима вскинул руки и со всей силы послал мяч далеко вперёд. Он воображал себя на чемпионате мира, где под рёв переполненных трибун только что забил решающий гол в финальном матче и упивался победой вместе с многотысячной праздничной толпой.

– Эй, друзья, под машину не попадите! – крикнул подросткам вслед словно выросший из-под земли молодой прохожий. Наблюдавший за юными футболистами Баранов не заметил, откуда тот взялся, но почему-то подумал, что коротко стриженный долговязый парень в очках должен обязательно оказаться студентом Московского Государственного Университета, находящегося неподалёку.

* * *

Утром Юрий забрал из больницы отчима, дождался опоздавшую, как обычно, мать, отвёз их домой и вернулся на Ленинский проспект, в только что отремонтированный офис его фирмы. Дорога не заняла у него много времени – летним утром московские трассы относительно свободны.

Аккуратно припарковав свой новенький тёмно-синий

«Пежо» на обочине и внимательно оглядев его со всех сторон, Юра направился в сторону конторы. Погода стояла великолепная, настроение у него было отличное, он насвистывал услышанную по радио мелодию и улыбался солнечному дню. На работе Юрий заранее предупредил, что задержится, и поэтому свободным временем вполне располагал. Вдруг захотелось спуститься к набережной, пройтись немного вдоль Москвы-реки. В конце концов, никуда не денется новый вариант договора с генеральным подрядчиком, который надоел ему до чёртиков.

«А отчим сильно сдал за это время, – отметил он про себя. – Сложно далось ему выздоровление, даже из автомобиля выбирался с трудом. Заметно, что любое резкое движение до сих пор доставляет ему боль. Конечно, мужик он, надо отдать должное, терпеливый. Ни разу за всю дорогу не пожаловался, не охнул. Только морщился, когда машина прыгала на неровностях. Но это я, дурак, виноват – решил погонять, похвастаться новой тачкой. А он молодец, кремень. Уважаю, – тут Юра вышел на пустынную солнечную набережную. – Ладно, мать его выходит, она по этой части большая мастерица. Кому только не помогала в своей жизни: и всей родне вместе взятой, и коллегам, и подругам, и соседям. Вдвоём-то им будет гораздо лучше».

«Кстати, – вспомнил вдруг Юрий, – чего это она всю дорогу причитала: «Баранов, Баранов... это же был Баранов... не узнал, прошёл мимо... неужели я так сильно изменилась?»

Надо будет выяснить, кто это такой и что её взбудоражило. Вроде опоздала не больше обычного, в пределах допустимого, была вначале беспечная и весёлая, а потом её как будто подменили: погрустнела, разнервничалась, все полчаса пути ёрзала, места себе в машине не находила. Первый раз её такой видел, честное слово».

«А всё-таки я верно поступил, что перебрался от них, – ещё раз утвердился в правильности принятого недавно решения парень. – Пусть поживут спокойно одни, ни я им не буду мешать, ни они меня раздражать. Им сейчас покой нужен, тишина, реабилитационный период. А я год-полтора поживу на съёмной квартирке, потом собственным жильём займусь. Жизнь прекрасна!» Юрий, следуя давней привычке, поднял с земли первый попавшийся под руку камешек, кинул его в реку, полюбовался расходящимися по воде кругами и направился в сторону офиса.

По дороге он увидел мальчишек, гоняющих мяч прямо на проезжей части, и от избытка переполнявших его добрых чувств крикнул, чтобы играли поосторожнее. Ему хотелось, чтобы всем в этот день было хорошо, чтобы у всех, как и у него, было замечательное настроение. Он даже дружелюбно подмигнул одинокому пешеходу, бредущему по пустынной набережной, и тут же вспомнил, что видел сегодня этого человека с портфелем около больницы. Незнакомец выписался одновременно с отчимом. Он первый появился на пороге корпуса, смешно и неловко застыл в дверях и загородил со-

бой проход, словно не знал, куда ему двигаться дальше.

* * *

Медлительный Баранов с интересом взгляделся в молодого человека, которого принял было за студента. «Случаются же такие совпадения, – искренне удивился он. – Прямо мой портрет в молодости. Волосы того же цвета, чёлка так же завивается вверх, даже глаза похожего карего оттенка. А вот очки от близорукости он носит явно слабоватые, слегка прищуривается, когда смотрит вдаль. Я в своё время делал наоборот, заказывал стёкла с большими диоптриями, чем полагалось по рецепту, чтобы можно было разглядеть всё до мельчайших подробностей. У Валерки-то уже тогда появилась дальнозоркость, он и так видел лучше, чем полагалось. А моя миопия с годами только усилилась, вон какие «лупетки» приходится носить».

Когда они поравнялись, молодой человек приветливо улыбнулся и подмигнул печальному Баранову. «Интересно, сколько этому парню сейчас? – подумал Баранов. – Лет двадцать пять – двадцать семь. Да, он, конечно, уже не студент, это я с первого взгляда ошибся. Выглядит гораздо солиднее, чем юноша, сдающий сессию и прохлаждающийся на набережной в перерывах между экзаменами. Да к тому же брелком с ключами от машины лихо покручивает, скорее всего, есть собственный автомобиль. А что я-то делал в свои два-

дцать пять?» – снова горько призадумался он.

Баранов покопался в памяти... Пожалуй, самым значительным событием того времени был короткий роман с Галиной, когда он ходил окрылённый и опьянённый её любовью. Тогда он без усталости работал, творил день и ночь, поддерживаемый блеском её восхищённых глаз. В сознании возник смутный образ: хрупкий девичий силуэт, русый хвостик, яркая одежда – и этот зачарованный взгляд снизу вверх, от которого Баранов воспарял и начинал верить в собственные силы.

Отвернувшись от молодого человека, растревоженный воспоминаниями Баранов потихоньку поплёлся дальше. Он задумался над словами, которые парень крикнул подросткам. Почему молодой человек назвал футболистов именно друзьями, а не пацанами, ребятами, как-нибудь ещё? Ведь существует столько вариантов обезличенного вежливого обращения. Но прохожий из всего богатого лексикона выбрал слово «друзья». Он же их совсем не знает, видит наверняка в первый и последний раз. «Привыкли по поводу и без повода, везде и всюду бросаться словами «друг», «друзья», – проворчал про себя недовольный Баранов. – То «друг, помощи»; то «друг, не подскажешь»; то «друг, дай»; а то и вообще «друк, пасматры какой арбуз». Скажи мне, кто твой друг. Друзья познаются в беде, ну и так далее».

Тут раздражённый Баранов резко остановился. Ему вдруг стало ясно, что именно друзей у него вовсе нет. Он поста-

вил на землю портфель, основательно набитый вещами первой необходимости и многочисленными книгами (они одни скрашивали его больничное бытие), и тоскливо засмотрелся на мутно-серую медленную воду.

* * *

То ли оттого, что портфель был неравномерно нагружен, то ли Баранов поставил его криво, но саквояж сначала накренился, а затем повалился ничком и цокнул замками по асфальту. Баранов перевёл на него отсутствующий взгляд.

Портфель был, что называется, выдавший виды. На нём оставили свои следы все этапы барановской жизни. Если углубиться в изучение его нутра, то многое стало бы известно о его бессменном владельце. На подкладке первого отделения выделялись чернильные пятна. Они относились к периоду, когда модно было писать чернильными ручками. В то время у тщеславного Баранова имелся собственный паркер, который ему на день рождения преподнесли сотрудники. Консервативный, быстро и навсегда привыкающий к вещам Баранов таскал с собой любимую ручку везде и всюду. Он писал ею за рабочим столом в лаборатории, вечером с учениками, дома по ночам, когда корпел над диссертацией. Не изменял любимице и подписывая конверты, и заполняя квитанции.

Но однажды от практически круглосуточного использова-

ния паркер дал трещину. Это пустячное событие вызвало у Баранова настоящий шок. Он представить себе не мог, как будет обходиться без привычного пера. Ему казалось, что именно с появлением паркера его разрозненные, неоформленные мысли стали ложиться на бумагу более упорядоченными, чёткими, структурированными. Смешно, но он действительно опасался, что не сможет писать другими ручками так же хорошо, как писал этой. Вдруг у новых перьев не окажется того лёгкого скольжения по бумаге, будет не та толщина линии, и это отразится на его тонко организованном мыслительном процессе. Авторучка стала для суеверного Баранова своеобразным амулетом и талисманом одновременно.

Раньше паркер всё время находился во внутреннем кармане пиджака. Но трещина росла день ото дня, и, чтобы не запачкать одежду, Баранов переложил ручку в специальное отделение портфеля. Там однажды она выплеснула остатки содержимого на подкладку, после чего – с тоской и даже скорбью – была торжественно отправлена на помойку. Удивительно, что при своей агонии перо не залило чернилами ни одной книги, ни одного важного документа. Интеллигентное изделие, ничего не скажешь.

На портфеле выделялись два замка, причём один из них выглядел явно моложе другого. Застёгивались они на внешних карманах, где Баранов имел обыкновение хранить всякие мелочи, как нужные, так и совершенно бесполезные. Тут лежали огрызки ластиков, телефонные карточки, про-

сроченные проездные билеты, визитки, записки с напоминаниями о встречах и многое, многое другое.

С течением жизни обширные внутренности коричневого любимца постепенно наполнялись периодикой, скомканными черновиками, потрёпанными главами никак не желающей складываться диссертации. Содержимое дополняли брошюры, пособия и методические материалы, призванные помочь в репетиторском труде.

Долго распухал коричневокожий товарищ от обилия интересов своего владельца, пока однажды, распираемый энергией барановских замыслов, один из замков не выдержал напряжения и не отскочил. При этом второй замок, видимо, из солидарности с первым, тут же подло растянулся. Значительная часть содержимого портфеля рассыпалась прямо в грязном подземном переходе, ведущем к станции метро. Единственный раз в жизни саквояж позорно выставил своё переполненное нутро на постороннее обозрение. Заветные барановские мысли разлетелись белыми голубями, расселись по недочищённым ступеням, смешались с зимней снежно-коричневой кашей.

Портфель смиренно пережил обеих барановских жён. Он хорошо помнил томительные минуты ожидания Катерины, когда неугомонный Баранов, вышагивая вокруг назначенного места встречи взад-вперёд, бил им в нетерпении по фонарным столбам, стенам домов и собственным коленкам. На коричневых боках понимающего и всепрощающего собра-

та остались глубокие царапины как неопровержимые свидетельства влюблённости очарованного хозяина.

Пришлись на век барановского портфеля и хмурые дни. В угрюмую эпоху правления Тамары из-за постоянной экономии средств деньги на обеды и ужины не выдавались. Положенное довольствие надо было получать каждое утро сухим пайком. В результате к научными журналам и трудам ежедневно добавлялись бутерброды с дешёвой колбасой и прочая снедь. Тогда в чреве портфеля с философским девизом «Knowledge is power» («Знание – сила») с обложки одноимённого журнала соседствовала этикетка «Масса нетто 126 грамм» с пачки печенья фабрики «Большевик».

В тот период интеллигентный, солидный портфель мучительно стеснялся отвратительного букета запахов из своего второго отделения, носящего временное название «продуктовое». Происхождение нескольких масляных пятен в нём никак не было связано с поглощаемой Барановым колбасой – по той простой причине, что ни в Баранове, ни в колбасе, которую он тогда безропотно потреблял, не было ни грамма жира. Приметные следы оставила пара призовых бутербродов с сыром и маслом. Эти произведения Тамариного кулинарного искусства появились в коричневых недрах после получения Барановым квартальной премии, сделавшей его на короткий срок зажиточным. К сожалению, они были забыты заработавшимся счастливым обладателем на продолжительное время.

Портфель оказался самым верным и надёжным другом, он послушно сопровождал Баранова во всех перипетиях его жизни. Именно портфелю доверялись личные тайны и реликвии уходящей молодости. После драматического разрыва с Катериной ему была вручена на хранение их любовная переписка, которую Баранов носил из дома на работу и обратно, проводил с ней все выходные и праздничные дни. Когда буря чувств постепенно улеглась, пачка писем перекочевала на дно нижнего ящика в письменном столе.

Портфель время от времени удовлетворённо пухнул от переизбытка барановских мыслей – они излагались нервным, неровным, плохо читаемым почерком, какой бывает нередко у врачей, изошрённо шифрующих диагнозы от дотошных пациентов. Оба обширных отделения были плотно набиты скомканными листами, покрытыми арабесками и иероглифами неизвестного алфавита.

Встречались в жизни портфеля периоды и похуже. После очередного творческого кризиса, настигавшего владельца, из него изымались все рукописи, удалялись научные журналы и переводные статьи. Он становился худым и плоским, каким был много лет назад на полке в универмаге, правда, теперь с одутловатыми, обвисшими за годы боками. Порой верный оруженосец подолгу таскал в себе только свежие выпуски непрочитанных «Московского комсомольца» и «Аргументов и фактов».

Портфель жил со своим владельцем единой жизнью, деля

с ним все радости и горести. В хорошие времена он красовался на почётном месте у письменного стола, был вычищен и призывно блеснул жёлтыми замками, словно открытыми немигающими глазами. В худшие, – заляпанный плохо смывающейся, липкой московской грязью, стоял неприкаянный в коридоре за дверью, на полу.

Он многое мог бы рассказать о жизни Баранова, гораздо лучше и подробнее, чем все знакомые с его хозяином граждане. Но по природе своей портфель был молчалив и скрытен. И потому светлые, во многом наивные порывы барановской души не стали достоянием ни широкой общественности, ни близких людей.

Себялюбивую Катерину всегда больше интересовала она сама – её творческие планы, карьера, внешность. Она уделяла лишь поверхностное внимание тому, что вертелось вокруг неё, – словно мелким спутникам, вращающимся вокруг основной планеты. Когда спустя много лет Баранов увидел лучезарную Катерину по телевизору, то с трудом узнал её. Эта незнакомая Катерина в своём женском расцвете была великолепна, обворожительна и возбуждающе сексуальна. Тёмно-зелёный деловой костюм идеально гармонировал с цветом глаз и неброским, аккуратным макияжем. Стильная причёска в наилучшем свете представляла крупные черты лица. Такая родная – и в то же время абсолютно чужая и далёкая женщина, красавица-мечта, сошедшая с обложки глянцевого журнала.

А внимание приземлённой Тамары исчерпывалось бесконечными проблемами быта. Тут уж не до душевных мужниных переживаний. Надо было как-то выкарабкиваться, вставать на ноги, поднимать семью, заботиться о подрастающей дочери. До откровенных бесед и признаний дело у них никогда не доходило.

С многочисленными друзьями Баранов пил пиво, радовался победам наших спортсменов, как положено, поругивал устройство страны, слегка касался внешней политики и экономики. Но в любом случае аккуратно обходил болевые темы отношений с женщинами и семейные дела. С коллегами он держался всегда корректно и вежливо, можно даже сказать, вёл себя услужливо, но при этом сохранял дистанцию, обсуждая исключительно научные проблемы и профессиональные вопросы.

Только преданный портфель знал о пристрастии Баранова к литературе и поэзии. Он посещал с хозяином музеи и вернисажи, концертные залы и театры. Он знал всех сослуживцев, товарищей и партнёров по преферансу, помнил всех женщин, с которыми Баранов когда-либо встречался. Но он берёт доверенные ему секреты настолько надёжно, что даже теперь, когда серьёзно захворавший Баранов был, можно сказать, на волосок от смерти, никто ничего не узнал о его бедах. Да и зачем бы портфелю афишировать тяготы и недомогания владельца, выставляя их напоказ. Не то время. У всех хватает своих забот.

Баранов с усилием поднял с пыльного асфальта портфель, в знак благодарности тщательно и нежно протёр ладонью запачкавшееся место и аккуратно прислонил старого друга к гранитной ограде.

Итог сегодняшних размышлений оказался малоутешительным: в преддверье грядущего пятидесятилетия близких-то у Баранова больше нет. Если долгие годы ещё сохранялись какие-то наивные иллюзии, то сейчас, после трёх страшных больничных месяцев, когда пришлось балансировать на грани жизни и смерти почти без надежды на благополучный исход, всё разрушилось окончательно. Обидно, что произошло это именно теперь, можно сказать, на закате. Пока жизнь петляла и скакала по кочкам да ухабам, пестрила и цвела разными красками, не находилось однозначного ответа на такой, казалось бы, простой вопрос: а есть ли у тебя настоящие друзья?

Зато на этот вопрос легко ответило ежевечернее томительное ожидание в палате. Никто не навестил Баранова в больнице, не поинтересовался его здоровьем. В часы посещений каждый раз, когда открывалась дверь, больной с надеждой поворачивался в сторону входящего, но очередной визитёр в накинутом на плечи белом халате и с пакетом в руке проходил не к его койке. Баранов хмурился, в сердцах

жестoko ругал себя за наивное ожидание, отворачивался и, подперев кулаком голову, утыкался в книгу. А при очередном скрипе двери за спиной всё равно вздрагивал и порывисто оборачивался, прерывая чтение.

Стыдно признаваться даже самому себе, но Баранов каждый день до самой выписки готовился к приёму долгожданного посетителя. За полчаса до заветного времени он начинал суетиться: прибирал и протирал и без того чистую тумбочку, раскладывал и заново перекладывал лежащие стопкой книги, расправлял постель. Поглядывал на часы, чтобы успеть к сроку. Но, увы, никого так и не дождался.

От осознания собственного одиночества Баранов даже почувствовал некоторое облегчение. Груз сомнений рухнул, словно после изнурительного пути у него забрали часть тяжёлой ноши. Хоть плечи были натёрты ляжками, а спина привычно сутулилась от избыточной нагрузки, но всё равно двигаться стало намного проще. Придя к окончательному выводу, Баранов поднял с земли любимый потёртый портфель и всё так же неторопливо отправился дальше.

«Эх, жалко, выпить нельзя, да, собственно, и не с кем. Сейчас в самый раз бы отпраздновать своё возвращение в ряды бодрых и здравствующих», – в голову настырно лезли непривычные, странные мысли. «Закурить бы сейчас», – ещё одно искушение, призывно пульсирующее в мозгу. Странно, он ведь никогда раньше не курил, не пробовал и не тянуло. Даже в студенческие годы, когда все баловались сигаре-

тами, пытаясь показать свою взрослость, он без труда смог избежать знакомства с никотином. А тут почему-то возникла неожиданная жгучая потребность. Откуда? С чего бы это?

Баранову вдруг так захотелось вальяжно усесться на ближайшей скамейке, забросив ногу на ногу, подставить лицо ласковому солнцу и вынуть новенькую, блестящую полиэтиленом красно-белую пачку. Разделить упаковку по линии разрыва на две части, откинуть крышку, вынуть хрустящую, играющую на солнце фольгу, достать из пачки сигарету, помять её легонько пальцами, чиркнуть спичкой по шершавому боку коробка, прикурить, сладко причмокивая, глубоко затянуться, просмаковать короткую никотинную паузу и наконец задымить, выпуская изо рта пахучую сизую струйку. Сидеть долго, не двигаясь, устремив затуманенный взгляд в пространство, ни на чём особо не фокусируясь. Безвольно бросить руки, лишь изредка лениво подносить к губам уменьшающийся окурок, боясь его затушить, словно вместе с ним пропадёт особая чудесная атмосфера безвременья и созерцания.

Будто подслушав его мысли, торопясь и часто дыша, откуда-то сзади подбежал мужчина в полурасстёгнутой клетчатой сорочке с заметными кругами пота под мышками.

– Друг, закурить не найдётся? – ещё издали выкрикнул лысоватый гражданин привычную фразу.

«Долго, видно, бежал, – съехидничал Баранов, хмуро глядя на заискивающую улыбку незнакомца. – Вон как разалел-

ся, так и пышет жаром. Тоже ещё «стрелок» великовозрастный нашёлся».

– Да разве мы с тобой друзья! – неожиданно для себя самого Баранов грубо огрызнулся, смерил мужчину злобным взглядом поверх очков.

– Ты что? – оторопел от неожиданности прохожий и даже отступил на полшага назад, опасаясь необъяснимого с его точки зрения гнева.

– Не курю я, вот что! – раздражённо бросил Баранов. Он резко отвернулся и быстрой, нежданно упругой походкой зашагал дальше, стуча по бедру подпрыгивающим в такт портфелем.

– Так бы сразу и сказал! – пробурчал незадачливый проситель и, пожав в недоумении плечами, тоже заспешил прочь.

«Ну вот, обидел ни за что ни про что случайного человека, – подумал Баранов, когда оказался снова в одиночестве, и перешёл на умеренный спокойный шаг, чтобы отдышаться. – Зачем-то нагрубил ему. Самому плохо, так давай, значит, и другим направо-налево поганить настроение? Псих! Лечиться нужно было лучше, тогда, может, не раздражался бы, не хандрил, всё пришло бы в норму, встало на привычные места».

«А может, и не стоило вовсе ложиться в эту чёртову больницу. Может, вообще не нужна была мне эта госпитализация. Бог бы с ними, с болячками. Лечись, не лечись, всё равно от них никуда не деться. Старые раны на теле как были,

так и останутся старыми ранами. Раз достались, надо нести достойно и терпеливо. Так бы хоть душа сохранилась в порядке. А теперь-то как жить?»

Взволнованный Баранов поморщился, нервно махнул свободной рукой и внезапно для себя самого стремглав рванул в сторону. Послышался резкий металлический визг тормозов, противный шлепок и глухой звук падающего тела.

* * *

Баранов лежал ничком на асфальте, широко раскинув безвольные ноги, уткнув лицо в любимый портфель. Он обеими руками обнимал верного кожаного спутника, словно ребёнок, которого пытался защитить своим телом от грозящей опасности.

Человек, который первым выпрыгнул из машины с красными крестами, осторожно перевернул Баранова на спину, быстро нащупал устойчивый пульс, глубоко выдохнул и крикнул спешащей с саквояжем медсестре:

– Жив, слава Богу. В рубашке, должно быть, родился. Если бы не канцелярский баул, на который он приземлился, боюсь, мы бы его, скорее всего, изрядно помяли. А так прямо первоклассный каскадёрский трюк получился, хоть в кино снимай. Просто высший пилотаж! Мало того, что этот толстопузый чемодан принял на себя основной удар, так он же ещё успел амортизировать падение хозяина-недотёпы!

Чудеса, да и только. Прямо настоящий друг! – восхищённо воскликнул доктор, аккуратно укладывая седую барановскую голову между золотоглазыми карманами портфеля.

Пока сердитый водитель, сдвинув кепку, почёсывал в затылке и с угрюмым видом осматривал две заметные вмятины на капоте скорой помощи, над Барановым уже суетились двое в белых халатах. Осмотр показал, что, на первый взгляд, ничего, кроме лёгкого шока, незнакомец вроде бы не испытал. Руки-ноги целы, голова лежала на объёмистом портфеле, словно на мягкой подушке, дыхание и сердцебиение были слабыми, но ровными.

Сестра аккуратно поднесла тампон с нашатырём, он произвёл положенное действие. Баранов сморщился, медленно открыл глаза и отвёл в сторону нос. Медработники окончательно успокоились.

– И откуда ты такой прыткий здесь взялся? – уже более спокойным тоном спросил молодой, с чёрными щегольскими усиками врач. Баранов ничего не ответил, но указал взглядом на правый карман родного портфеля.

– Ага, понятно, – кивнул сообразительный доктор и аккуратно извлёк на свет светло-синий листок. – Лен, да ты посмотри, он же только что от нас вышел. Ну, даёт! – раззадорившийся молодой эскулап продемонстрировал медсестре новенький больничный лист. – Из огня да в полымя. Прямо с корабля на бал, – доктор к месту и не к месту сыпал поговорками, испытывая явное облегчение от миновавшей опас-

ности. Он перевёл взгляд на тихо лежащего, устремившего глаза в чистое летнее небо Баранова и, окончательно повеселев, наставительно-шутливым тоном произнёс:

– Рано вы выписались.

Потом доверительно подмигнул незадачливому пешеходу и уже совсем спокойно добавил:

– Поехали обратно.

– Точно, рано, – со слабой улыбкой согласился Баранов. – Поехали.

Точка финансового равновесия

Гаврилов проснулся и сразу понял, что уже довольно поздно. Ожидаемой приятной расслабленности, томности и умиротворения он не ощущал. Видимо, они улетучились вместе с ранними утренними часами, к тому же и безрадостный дождливый день принёс головную боль и чувство неудовлетворённости.

Всё ещё оставаясь в кровати, Гаврилов попытался сосредоточиться. Пару минут он просто лежал не двигаясь, глядя в потолок широко раскрытыми серыми глазами. Постепенно удалось окончательно пробудиться, и наконец к нему вернулось чувство реальности. Первые же пришедшие в голову мысли были неожиданно обнадеживающими. Сложилась примерно такая цепочка рассуждений: выходной день уже в разгаре, значит, время домашнего воскресного завтрака безвозвратно упущено; завтрак – не только один из любимых, но и также один из наиболее дорогих в его жизни процессов; так может, наконец, достигнута долгожданная точка финансового равновесия, к которой он стремится уже изрядное количество дней?

От этой радужной мысли Гаврилов даже забыл про мигрень. Высокорослый и нескладный, он непривычно легко вскочил с нагретой постели, сладко потянулся и подошёл к заваленному бумагами столу. Опасливо огляделся по сто-

ронам, наклонился, поднял телефонную трубку и медленно поднёс её к уху. Звуковой сигнал отсутствовал. Гаврилов недовольно наморщил высокий лоб, покрутил и подёргал вечно отходящий шнур. Добиться контакта было необходимо.

Когда в чреве аппарата что-то щёлкнуло и должным образом соединилось, обрадованный Гаврилов выдохнул и зафиксировал мизинцем нужное положение. Затем с трепетом набрал три заветные цифры круглосуточной справочной службы финансового мониторинга, общеизвестные «100». Монотонный, ничего не выражающий голос отчётливо произнёс:

– Товарищ Гаврилов, на данный момент остаток ваших наличных средств должен составлять не менее семи рублей и сорока одной копейки. Повторяю. Тов...

«Тьфу, чёрт, – в сердцах выругался обыкновенно корректный Гаврилов и, не дослушав автоответчик, со злостью хлопнул принёсшей злополучную весть трубкой по корпусу ни в чём не повинного телефонного аппарата. – И откуда только они такие расценки берут у себя в конторе, хотелось бы знать, – возмутился он, качая головой и трясая вяло сжатым кулаком. – Так ведь и с голоду помереть недолго».

Удручённый Гаврилов медленно подошёл к стоящему возле кровати стулу, снял с него неаккуратно висящие брюки, сунул руку в карман и выгреб на столешницу всё его скромное содержимое.

Быстрый и простой подсчёт – тут и калькулятор не требуется – дал итог в шесть рублей и двадцать восемь копеек. Ни одним государственным билетом или металлическим кружочком с изображением герба более.

Для достижения точки финансового равновесия, объявленной ему федеральной службой контроля за расходами трудящихся, Гаврилову, неосмотрительно допустившему необоснованную трату, теперь не хватало всего лишь одного рубля с мелочью. Это означало, что от любых, даже самых ничтожных, издержек какое-то время предстояло по-прежнему стоически воздерживаться. Иначе он мог попасть в чёрные списки «временных банкротов» и тем самым надолго, если не навсегда, отрезать себе вожделенный путь к всевозможным кредитам, беспроцентным рассрочкам и прочим финансовым благам. Неукоснительного соблюдения финансовой дисциплины требовало от своих граждан всеведущее и вездесущее государство. Отчизне, которая семимильными шагами двигалась по пути прогресса, как глоток свежего воздуха требовалась экономическая стабильность. Она была необходима в настоящем, чтобы прийти к желанному процветанию в будущем. «Через порядок к достатку!» – настаивали развешенные по всей стране кумачовые транспаранты. И все могучие силы великого народа были направлены на выполнение этого броского призыва.

«Да, – разочарованно вздохнул мрачный, поникший Гаврилов, аккуратно складывая длинными музыкальными паль-

цами пересчитанные монеты в одну цилиндрическую стопочку, – придётся ещё потуже затянуть ремень, который и так стал похож то ли на плохо сделанный ошейник, то ли на жалкую удавку для хорьков».

Выстроив низенькую жёлто-серебристую пирамидку, Гаврилов оценил её скромный размер, потрепал русый, начинающий отрастать «ёжик» и кротко вздохнул. «Что ж, – смиренно произнёс он в сторону расположенного за спиной телефонного аппарата, – буду исправлять легкомысленно допущенный перерасход денежных средств. Покорнейше приношу мои глубокие извинения. Хорошо изданные книги в последнее время стали так дороги!» Тут Гаврилов виновато улыбнулся, пожал плечами и бросил быстрый, но удовлетворённый взгляд на свои последние приобретения: они расположились на центральной полке шкафа стройно, корешок к корешку, словно бравая гвардейская шеренга. Книжное войско, построенное в боевые порядки, было готово к сдаче кандидатского минимума и защите диссертации.

«Большое спасибо за своевременную оказанную помощь, – продолжил Гаврилов вежливый монолог, снова обратив взор к молчаливому телефону, – благодарю за консультацию и моральную поддержку». Он вытянулся по стойке смирно, ударил одной голый пяткой о другую и, приложив к груди кисть правой руки, почтительно кивнул. К органам государственного контроля он всегда относился с должным уважением и даже трепетом, проще говоря, с суеверным страхом. Но се-

годня, по случаю выходного дня (ну и, конечно, при условии, что за ним никто не наблюдает), Гаврилов разрешил себе чуть-чуть попаясничать.

Закончив короткую благодарственную речь, он присел к письменному столу, вытянул худощавые ноги, безвольно опустил руки, откинулся на спинку стула, запрокинул голову, закрыл глаза и стал внушать себе блаженное чувство сытости с ещё большим старанием, чем в предыдущие дни.

Трудно предположить, чем бы обошёлся малоопытному экономисту обед в выходной день без внеочередного сеанса аутотренинга. Однако с помощью современных достижений психоанализа и парапсихологии сосредоточенный Гаврилов смог свести процесс воскресного чревоугодия к весьма скромной трапезе, состоящей из пакета молока и батона белого хлеба. Какое-то время эти последние жалкие участники повстанческо-продуктового сопротивления отчаянно пытались вести партизанскую борьбу с наступающими по всему желудочному фронту легионами голодных спазмов под командованием обморока.

Спустя десяток минут, которые ушли на быстротечное пищеварение, так и не достигший насыщения Гаврилов провёл сам с собой короткое производственное совещание. Скромные промежуточные итоги были таковы. Завтрак миновал во время затянувшегося утреннего сна без каких-либо денежных затрат. Передвижений по городу и его окрестностям не планировалось, а потому расходов на транспорт также

не предвиделось. Малокалорийный обед, оцениваемый в сорок восемь копеек, нанёс приемлемо скромный материальный урон его почти исчезнувшим запасам. Удовлетворённый Гаврилов нашёл эту сумму трат вполне допустимой и по окончании внеплановой летучки объявил себе благодарность «без занесения» за достойную выдержку и железное самообладание, местами граничащие с самопожертвованием.

Завершив краткий отчёт, сосредоточенный Гаврилов слегка поворачивал головой, похрустел пальцами, повздыхал и, наконец, решил найти себе какое-нибудь достойное занятие по дому, раз уж всё равно придётся торчать в четырёх стенах безвылазно ещё целые сутки. Но сколько бы он ни слонялся по квартире в поисках плохо прибитого гвоздя, сломанной вешалки, оборванных обоев и других неполадок, обычно изобилующих в полуобжитом аспирантском жилище, — по загадочной причине все маршруты неизбежно приводили его на кухню.

Отправляясь то в туалет, то в ванную, а то и на лестничную площадку с целью в очередной раз вынести неделю уже пустующее мусорное ведро, раздосадованный Гаврилов снова и снова оказывался у большого белого предмета, похожего на шкаф, который именуется в народе холодильником. Призванный хранить низкие температуры двухкамерный агрегат, в полном соответствии с названием, не содержал ничего лишнего, кроме этого самого холода. Тогда как другие го-

родские жители всеми доступными средствами превращали белый кухонный шкаф в «продуктильник», доверху набивая его всякой съестной всячиной.

Побродив ещё полчаса вокруг холодильника, рассерженный Гаврилов твёрдо решил прервать замкнутый круг и сел смотреть телевизор. Занятие это много электроэнергии не требовало, а при удачном стечении обстоятельств – к сожалению, довольно редком – было способно отвлечь от дразнящей дорогостоящими соблазнами действительности.

По единственному принимаемому сквозь зависшее в телеэфире марево каналу через пять минут разогрева начало пробиваться какое-то искажённое изображение. Когда плотный телетуман наконец рассеялся, сощурившийся Гаврилов получил возможность ознакомиться с выпуском новостей. Из главной политико-информационной студии страны сообщали о затянувшемся кризисе в промышленности, очередных провалах в сельском хозяйстве. Объём производства товаров народного потребления в стране неуклонно снижался, из-за катастрофического подорожания энергоносителей рентабельность стремительно падала. Задолженность по заработной плате выросла до астрономического триллионного числа и стала уже труднопроизносимой. В губерниях дела шли как обычно: в одних разыгралось сильное наводнение, в других свирепствовала жестокая засуха, третьи поразили внезапные заморозки и град – у всех накопились свои проблемы, но везде был привычный неурожай. Африка, Азия

и Латинская Америка, как всегда, пугали проблемами и напряжённостью. На Ближнем Востоке упорно продолжали делить микроскопический клочок земли. В Центральной Азии по бросовым ценам распродавали свежий урожай опиумного мака.

По ходу длительной трансляции Гаврилов, как не раз уже бывало, впал в транс и заклевал носом. Очнулся только под финальные бравурные аккорды. После «Политического обозрения» шла передача «Для вас, домоседы». Голодному Гаврилову пришлось наблюдать на чёрно-белом экране группу аккуратных, скромных юных выпускниц, только что покинувших стены кулинарного училища. Они с улыбками демонстрировали зрителям свои аппетитные достижения – свежеиспечённые, варёные, жареные и тушёные.

Манящие блюда подарили держащемуся из последних сил Гаврилову яркие галлюцинации: вкуса, запаха, а также головокружения, тошноты, рвоты и колик в животе. Последние, как оказалось позднее, были вполне реальны. Зачарованный Гаврилов сидел на самом краю расшатанного стула, монотонно покачиваясь из стороны в сторону, словно тощая, ссохшаяся, замороженная ловкими движениями укротителя кобра. За калейдоскопом демонстрируемого продуктового изобилия он следил не отрываясь, его зрачки до предела расширились, слюна предательски скапливалась в уголках губ и тонкой струйкой медленно стекала по небритому подбородку.

Сеанс зомбирования прервал сам телевизор. Без каких-либо предупредительных сигналов он медленно затух и свёл дрожащее, как студень, изображение к светлой точке в самом центре экрана. Обнаруживая затаённую подленькую сущность, телевизор в который раз продемонстрировал очнувшемуся Гаврилову своё циничное презрение ко всем проблемам владельца. Действенная обычно попытка реанимации, состоящая из двух отрывистых ударов сверху справа по корпусу, почему-то теперь результатов не принесла.

На починку уникального агрегата не было надежды: запчасти, которые требовались для его восстановления, в магазинах «Радиодетали» отсутствовали последние лет двадцать. Раритетные экземпляры подобных телеприёмников давно уже экспонировались в Политехническом музее в разделе «На заре технических изобретений». Многие годы висевшая на тонком вольфрамовом волоске заслуженная жизнь телевизора-аксакала, которая проходила под девизом «погибаю, но не сдаюсь», трагически и бесповоротно оборвалась.

Ввиду внезапного окончания жизненного цикла основного телекоммуникационного устройства Гаврилову пришлось вернуться к нудным домашним делам. Так он снова оказался на кухне напротив того самого предмета, что называется холодильником. Магическая сила гавриловского взгляда, на протяжении пяти долгих, мучительных по внутренней напряжённости минут направляемая в самое сердце агрегата, была потрачена без толку: даже инея не прибавилось в пу-

ствующей морозилке. Гневно пнув босой ногой бесполезный шкаф, Гаврилов решительно вернулся в комнату.

Там он снял с книжной полки большой русско-французский словарь и, опустив на остеохондрозно скрипящий диван своё измождённое борьбой за выживание тело, с ожесточением стал учить спряжение неправильных глаголов третьей группы. Несмотря на все трудности существования, он упорно продолжал готовиться к сдаче экзамена. Голова его постепенно склонилась к раскрытой книге.

Гаврилов вздрогнул и пробудился оттого, что заработало радио. Как и положено, оно автоматически включилось на передаче последних известий. Из репродуктора доносился басистый, раскатистый голос диктора, вещающего о текущем положении дел в стране и мире. Засухи в Центральной и Северной Африке продолжались. В Океании бушевал страшный тайфун. Бюджетный дефицит страны достиг рекордной отметки. Золотовалютные запасы были почти исчерпаны. Существенных налоговых поступлений в этом квартале уже не ожидалось. Уровень безработицы за последний месяц превысил установленный правительством рубеж, и, следовательно, часть официально зарегистрированных безработных будет принудительно направлена на предприятия оборонного комплекса. Гражданам по-прежнему, до выхода особого распоряжения Высшего Ревизионного Совета, запрещалось пользоваться личным автотранспортом. Погашение государственных займов последних двадцати пяти лет в очередной

раз откладывалось на неопределённый срок. Вводились новые виды карточек...

Отложив в сторону тяжёлый словарь, сонный Гаврилов почмокал сухими губами, поскрёб окаймлённый лёгкой щетиной подбородок и механически поднялся с хрипло охнувшего пружинным скелетом дивана. Слипшиеся глаза не открывались, и он на ощупь поплёлся по тёмному коридору, шаркая по протёртому линолеуму плохо сгибающимися после сна в неудобной позе ногами.

На кухне Гаврилов остановился, словно по команде, напротив большого белого ящика, называемого в народе холодильником. Он всё ещё пребывал во власти мутного дневного сна. Борясь с цепким мороком, вяло потянулся к хромированной ручке и наконец окончательно освободился от объятий Морфея. Отлетел от скорбно пустующего бытового прибора как ошпаренный. Дёрнул головой, запустил в бесполезно гудящий агрегат тапком и походкой раньше времени состарившегося ветерана-каторжанина с радиоактивных соляных копей поплёлся в холостяцки неудобную комнату.

Бледно-серый безжизненный день робко клонился к тёмно-синему бархатному вечеру. Соседние дома окутались густыми сумерками, зажгли многочисленные окна-глаза, скромно прикрыв их тюлевыми ресницами занавесок. Тощие, продрогшие фонарные столбы стеснительно потупили головы, озаряя тусклым свечением мелкие лужи у себя под ногами. Ветер гнал по дороге целлофановые пакеты, смятую

упаковку, обрывки газет и прочий хлам. «Мусорный ветер, – подумал Гаврилов, наблюдая, как воздушные порывы поднимают вверх и кружат, словно пожухлую листву, разноцветные бумажные клочки и мелкий сор. – Когда же эти запустение и грязь закончатся? – печально спросил он сам себя и тут же ответил. – Должно быть, не скоро».

Было безлюдно. Проржавевшие остовы старых, полуразобранных автомобилей, похожие на скелеты доисторических динозавров, чернели у выщербленных бордюров. Маленький сквер на противоположной стороне улицы был вытоптан и сплошь покрыт обломками фанерных ящиков и картонными коробками, которые остались от разогнанного неделю назад лагеря беженцев. Гаврилов покачал головой, скорчил кислую мину, но дальше тянуть не стал: задёрнул портьеры и пошёл к телефону.

Дрожащей от волнения рукой он снял аккуратно перемотанную голубой изолентой трубку и долго слушал нудный, по-комариному писклявый звук. Ничего хорошего и в этот раз не предвиделось. Однако муторное время ожидания добавило Гаврилову дополнительных сил и рождённой кефиром отваги. Он рывком набрал «единицу». Остановился, шумно и глубоко втягивая воздух, словно гигантская диковинная рыба, выброшенная штормом на морской берег. Так и не справившись с дыханием и оглушительно тикающим, как настольный будильник марки «Слава», частым пульсом, влажными пальцами добрал два ноля. Взгляд его нервно ме-

тался между запертой входной дверью и зашторенным окном.

Семь тягостных секунд, на протяжении которых в висках грохотала оглушительная барабанная дробь как спутница скорой развязки, показали вспотевшему Гаврилову огненно-багряным закатом его завершающегося брэнного существования. Он вдруг представил себя седым, с большим властным подбородком, миллионером, развалившимся в глубоком чёрном кресле. Вот он сидит в огромном пустом кабинете, одет в классически строгий в тонкую полоску костюм, на носу большие очки в золотой оправе. С высоты со- того этажа через панорамное остекление Гаврилов-олигарх угрюмо смотрит на переливающийся разноцветными огнями мегаполис. В одной руке у него телефонная трубка: нужно узнать текущий курс акций на фондовой бирже. Курс этот неуклонно снижается последние дни и стремительно ведёт его гигантскую финансовую империю к позорному краху. В другой руке Гаврилов сжимает заряженный револьвер. Поднести его к виску – дело одного мгновения...

Из забытья, из далёких потусторонних миров погружённого в видения Гаврилова вывел спокойный, монотонный, уже почти родной голос диктора.

«...Не менее четырёх рублей и восемнадцати копеек», – безразлично сообщил автомат службы финансового мониторинга чётко поставленным голосом. Гаврилов встрепенулся, воспрял душой и так обрадовался, что если бы в этот мо-

мент что-то жевал, то обязательно поперхнулся бы. Не в состоянии поверить услышанному, он ещё два раза поспешно набрал заветные «сто». Автоответчик государственной инспекции всё так же холодно, не удивляясь своим запрограммированным электронным мозгом этой судорожной назойливости, вновь объявил возбуждённому Гаврилову наличную сумму, которая обязана была присутствовать в заштопанных карманах его тёмно-зелёных брюк. Долгожданная точка финансового равновесия успешно достигнута! Гаврилов бережно вернул трубку на место и, молитвенно сложив руки, поклонился телефону. Он ощущал искреннюю признательность и огромное облегчение. Теперь ему было дозволено выйти в магазин и совершить покупки – конечно, в заранее оговоренных допустимых пределах.

По завершении благодарственного ритуала Гаврилов ловким движением смахнул со стола в горсть всю имеющуюся наличность и, улыбаясь во весь рот, сломя голову бросился в прихожую. Он нахлобучил шапку, на ходу надел пальто и голодной стрелой помчался в ближайший гастроном. Целью безумного спринта являлось превращение пусть даже на короткое время большого белого ящика, называемого в народе холодильником и бездарно торчащего всю последнюю неделю в углу кухни, в заправский истинный «продуктильник». В распоряжении осчастливленного службой финансового мониторинга Гаврилова было два рубля и десять копеек...

Гаврилов проснулся и сразу понял, что уже довольно

поздно. Ожидаемой приятной расслабленности, томности и умиротворения он не ощущал. Видимо, они улетучились вместе с ранними утренними часами, к тому же и безрадостный дождливый день принёс головную боль и чувство неудовлетворённости.

Настырно звонил телефон.

Всё ещё находясь во власти сна, Гаврилов со страхом подумал: «Неужели из федеральной службы по контролю за расходами трудящихся? Запеленговали всё-таки допущенный мною перерасход средств. Не видать мне теперь светлого будущего как своих ушей». В висках застучало. Внутри появилось противное чувство мерзкой дрожи и разверзшейся пустоты одновременно. Гаврилов машинально протянул руку вправо и с привычного места на тумбочке взял трубку мобильного телефона. «Алло», – коротко произнёс он в ожидании неприятного разговора.

«Добрый день, Владимир Александрович, – услышал он знакомый взволнованный голос секретаря, – то есть доброе утро. Извините, пожалуйста, за беспокойство, но водитель ждёт вас уже полчаса, а на одиннадцать назначено заседание правления...»

Гаврилов попытался сосредоточиться. Пару секунд он просто лежал не двигаясь, глядя в потолок широко раскрытыми серыми глазами. Постепенно удалось пробудиться, и наконец к нему вернулось чувство реальности. Душу буквально затопило радужное настроение.

«Скоро буду!» – бодро ответил Владимир Александрович терпеливо ожидающему секретарю. Затем он легко и весело вскочил с нагретой постели, сладко потянулся и подошёл к широкому окну. Нажал на скрытую в стене кнопку – плотные тёмно-синие жалюзи медленно и бесшумно поползли вверх. В комнату хлынул поток дневного света. Гаврилов прищурился и прикрыл ладонью глаза. День обещал быть великолепным: на ярко-аквамариновом небе ни облачка, кудрявые, аккуратно подстриженные зелёноголовые деревья замерли без единого движения, стоял полный штиль. За спиной у Гаврилова под самым потолком привычно шуршала система кондиционирования воздуха, в углу зелёными огоньками приветливо помигивали датчики сигнализации.

На улице бурлила обычная столичная утренняя жизнь: ровными рядами стояли в пробках блестящие иномарки, потоки подтянутых, хорошо одетых служащих с портфелями и папками спешили в расположенное напротив здание конгресс-холла. Весеннее солнце сияло в вышине, отражаясь в куполах храма Христа Спасителя, затейливых эркерах отреставрированных дворянских и купеческих особняков, шпилях новомодных высоток.

«Финансовый мониторинг, – облегчённо хмыкнул Гаврилов, вспоминая только что виденный сон. – Ладно, послушаю сегодня, что интересного обнаружила эта служба. А то ведь завтра в Париж лететь», – и он расплылся в довольной, загадочной улыбке, глядя на раскрытый на журнальном столике

новенький русско-французский разговорник.

Обратно в Хайфу

На старости лет Любаня страстно захотела уехать жить в Хайфу. Почему именно туда, а не куда-нибудь ещё? На этот вопрос она вряд ли смогла бы дать вразумительный ответ. О Хайфе (равно как и о других средиземноморских поселениях) она ничего не ведала, никогда этот город не видела, но всё равно стремилась на землю обетованную всей своей космополитичной солнцелюбивой душой. Самостоятельно осуществить взлелеянную мечту она никак не могла бы по причине стопроцентного славянского происхождения и соответствующей паспорту наружности. Оставалась надежда на Когановского. У него-то такая радужная перспектива, безусловно, была. Однако воспользоваться ею он безответственно не желал, и даже обдумывать не спешил, хотя седовласая (или лысая, кому как повезёт) старость уже была не за горами, а начала ленивой походкой спускаться в их пока цветущую семейную долину.

Расчётливый Когановский медлил. Аккуратно высказанное дражайшей половиной за семейным ужином тайное желание он не счёл таким уж крамольным или фантастическим, никоим образом категорически не отверг, но и не поддержал активно, как того хотела Любаня. Ему многое не нравилось в этой сырой, с его точки зрения, не продуманной до конца идее.

Главное, Когановскому ужасно, до ноющей зубной боли претило выражение «обеспеченная старость»! Довод этот любимая супруга преподносила в качестве основной причины запоздалой репатриации. Конечно, в данном словосочетании бесило Когановского никак не прилагательное «обеспеченная». Тут он, пожалуй, впервые за последние годы был полностью согласен со своей благоверной. А вот существительное...

Само это слово – «старость» – глубоко оскорбляло тонкий музыкальный слух меломана Когановского. Оно звучало трагическим, фальшивым диссонансом и выводило из себя, как окончательный диагноз-приговор из циничных уст лечащего врача: «Всё, больше не встанет. Будет красиво висеть, активно болтаться... Старость, батенька, чего ж вы хотите?» Всей своей розовой, без признаков пигментных пятен кожей, туго натянутой на кругленьком животике и затылке с короткой стрижкой «бобрик», ощущал Когановский свинцовую тяжесть этого мерзкого слова.

А хозяйственная Любаня под журчание воды при стирке, под шипенье утюга во время глажки, под шкворчание кипящего масла на раскалённой сковородке самозабвенно и томно напевала про себя одну и ту же переделку битловской песни: «Back in, back in, back in Хайфа!». Оригинал ливерпульской четвёрки «Back in the USSR» она не могла бы столь же чувственно и проникновенно исполнять: вся жизнь её определялась рождением в этом самом СССР, родных пенатов она

ни разу не покидала и, соответственно, «бэкнуть» сюда из-за рубежа ей было просто невозможно. Зато она отчаянно стремилась в средиземноморский город – к идеальной среднесуточной температуре, тихой, умиротворённой старости и достойному пенсионному обеспечению.

Когановский, конечно, настроение жены видел. Но сложные нейронные связи, за множество бурных лет выстроенные в его нетривиально организованном мозге, почему-то при упоминании о Хайфе обязательно выдавали одну и ту же устойчивую тревожную ассоциацию: Сабра и Шатила. Алогичная последовательность внезапно заканчивалась именами Сакко и Ванцетти¹. Дикая и абсурдная комбинация, бесполовая цепочка имён и названий, начинающаяся с Хайфы, каждый раз портила Когановскому мирное расположение духа. Появлялось ощущение внутреннего напряжения, беспричинного беспокойства, которое вызывало кратковременную чесотку и... жгучее желание принять рюмку горькой, что он обыкновенно тут же и проделывал.

Четыре тысячи долгих, путаных лет (по их личному семейному преданию) древний род Когановских блуждал по бескрайним просторам Евразии. Когда бесконечно мигрирующий клан намаялся и вволю напутешествовался, он осел, наконец, на Восточно-Европейской равнине. Головокружи-

---

¹ Сабра и Шатила – лагеря палестинских беженцев, где в 1982 году, во время оккупации Западного Бейрута израильянами, была устроена кровавая резня. Сакко и Ванцетти – рабочие-революционеры, казнённые в США в 1927 году по ложному обвинению в убийстве.

тельных размеров страна гостеприимно приютила остатки древнейшего (опять-таки по их личному семейному убеждению) из человеческих родов.

– А Хайфа? Хайфа? Что такое Хайфа? – скептически хмыкал сосредоточенный Когановский, медленно вращая против часовой стрелки картонную модель нашей планеты. Конечно, пустынный прибрежный посёлок городского типа не был нанесён на глобус, выпущенный в своё время Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР. Да что там Хайфа! Масштаб 1:50 000 000 (а более подробного глобуса в доме у Когановских просто не имелось), кроме Анкары и Каира, на всём Ближнем Востоке и в его ближайших окрестностях не позволял обозначить вообще ни одного города. Если попробовать нанести на это школьное пособие название Хайфа, то, пожалуй, суверенные территории трёх-четырёх гордых и независимых соседних государств окажутся закрашенными!

Здесь Когановский усматривал сложную задачу планиметрического характера. Близорукие глаза, прячущиеся за дымчатыми стёклами очков в дедовской роговой оправе, многозначительно прищуривались. По его твёрдой уверенности, чтобы указать на карте одно бесконечно малое и втиснуть в него ещё более мелкое, не обойтись без уникальных способностей лесковского Левши, большого специалиста по изготовлению всяческих миниатюрных вещей! Вот тогда вооружённый изрядными географическими познания-

ми и сильным микроскопом индивид смог бы сначала отыскать еле различимую страну, а затем, ещё изрядно натрудив зрение, разглядеть внутри неё местечко с названием Хайфа.

Нет уж, Когановского, выросшего в эпоху расцвета советского гигантизма в искусстве, архитектуре и строительстве, такое радикальное уменьшение размеров категорически не устраивало.

– Ну и где же здесь, скажите мне, пожалуйста, привычные просторы? – вопрошал придирчивый Когановский, вышагивая по кухне с надкусанным бутербродом. – Где необъятные, заросшие, никем не обрабатываемые (по причине их необъятности), уходящие за горизонт поля? Где среднерусская бесконечность, простирающаяся во все стороны? Конечно, можно с большой натяжкой заменить дорогие сердцу берёзы, клёны, ивы, липы, осины, тополя, рябины, сосны и ели на одни только пальмы. Если постараться, всё можно упростить, минимизировать и пропорционально уменьшить. Но куда втиснуть бесконечность!!!

Словно деревянный крестьянский дом во время пожара, Когановский был охвачен пламенем нервозности, страдал от невозможности раскрыть тайну, которая извечно бередила каждую исконно славянскую душу.

Предлагаемая ему настойчивой Любаней для проведения совместной старости заморская страна, несомненно, приходилась Когановскому гипотетической исторической родиной. Однако при этом она представлялась столь миниатюр-

ной, что, по его глубокому убеждению, вполне могла быть переплюнута им в самом узком месте (если, конечно, сильно поднатужиться и совершить плевков строго по ветру).

«А как же ежемесячные командировки в милый провинциальный Брянск? – панически округлив глаза, спохватился привыкший к постоянным разъездам Когановский. – Ведь из жизни напрочь пропадут не только особая атмосфера вокзала, привычная суета на платформе, родной запах стоящего под парами поезда, равномерная баюкающая тряска вагона, но и уют четырёхместного купе, возможность новых встреч за бутылкой пива и бесхитростной дорожной закуской. Как быть со всем этим? Точнее, как можно остаться без всего этого?»

Живо представилось, как за окнами плавно покачивающегося вагона неторопливо проплывают леса и луга.

«А ведь там и поездов никаких нет! – всполошился сведущий Когановский. – Господи, да куда там можно ездить на поездах дальнего (только вдумайтесь в это слово – дальнего) следования?! Шаг вправо, шаг влево – уже граница. Стой, кто идёт?!»

Было и ещё кое-что.

«Ну и чем я там буду лучше какого-нибудь элитного подследственного, который не по собственной воле проводит своё драгоценное время за решёткой, в «Тишине» или «Лефортово», пусть и с телевизором, книгами и доступом в Интернет? – скептически размышлял Когановский, осторожно

избегая конкретных аналогий. – Я в этой периферийной, не нанесённой на мировые карты Хайфе стану жить отгороженным от внешнего исламского мира, за тем же высоченным бетонным забором с той же колючей проволокой. Буду существовать в малогабаритной панельной квартире, по площади вряд ли превышающей хоромы «Матросской тишины», с таким же убогим телевизором в углу единственной комнаты, принимающим те же спутниковые каналы из Останкино. Буду читать те же книги на том же языке, лёжа на практически таком же по форме и жёсткости диване.

Любой заключённый у нас в стране находится на временном государственном обеспечении – до того момента, пока не выйдет, то есть «откинется». Я там тоже буду на государственном пособии и тоже на временном, до того момента, пока не выйду весь, то есть навсегда не «откинусь».

«Да ещё, – возбуждённый собственными умозаключениями Когановский ожесточённо погрозил кулаком кому-то за окном, – попаду я на эти пустынные высылки абсолютно добровольно. Шалом, братья по вере, мы вот тут к вам на подселение! Где здесь ближайший собес находится? Нам бы документики на пенсию дооформить».

«Ну и зачем мне тащиться в эту пустынную Хайфу, за тысячи километров? На фига она мне сдалась, если и здесь, и там принципиально одно и то же, не считая климата, да и тот начинает повсеместно радикально портиться!»

«То есть, – стал подводить малоутешительные итоги по-

тенциальный репатриант, – если перееду, то буду жить там, как будто сижу тут. Но сесть-то я и здесь могу в любую минуту. Тьфу, тьфу, тьфу, чур меня!» – тут Когановский быстро выпрямился, суетливо огляделся по сторонам и трижды суеверно поплевал через левое плечо.

«В родной стране для этого создан богатейший спектр возможностей. Ну и стоит ли затевать эпохальное паломничество на Святую землю за свой счёт, чтобы на новой, вновь обретённой родине платить за то, от чего столько лет бегаешь на прежней? Тут, по крайней мере, все условия содержания за счёт казны!»

«А что ожидает меня в сообществе ортодоксов Хайфы? – продолжал сомневаться всегда компанейский Когановский. – Иврита я ведь совсем не знаю. Весь мой лексикон ограничивается словом «шекель». Хорошо! Допустим, уеду я. Но ведь ни одна старая перечница не оторвёт свой отвислый зад, не приедет из России, чтобы навестить далёкого, безвременно угасающего друга. Ни тебе пивного общения, ни братского понимания, ни случающейся похмельной заботы. Здесь-то мне легче, здесь друзья-приятели от меня никуда не денутся. А оттуда мне до них никак не добраться, – уже заранее переживал домовитый Когановский. – Как ни считай, как ни прикидывай, всё равно билеты туда и обратно обойдутся дороже сэкономленной еды и бесплатного проживания у товарища в гостиной на диване. Вот тебе и ещё одна загвоздка», – горько вздохнул он и поднял полупу-

стой стакан.

Опустошив его, Когановский немного отвлёкся от тяжёлых мыслей и сосредоточился на ускользящем вместе с молодостью здоровье. Были, были в предполагаемом переезде и светлые стороны! Он представил своё возможное приятное будущее: термальные воды, грязевые лечебные ванны, льготные лекарства последнего поколения.

Надо сказать, что серая субстанция, надёжно запрятанная внутри черепной коробки пожилого еврея и ни разу в жизни не подвергнутая «апгрейду» (за исключением двух мелких сотрясений), с годами начала выделять всякие подлые финты. Словно испорченный компьютер, мозг стал позволять себе периодические сбои и выдавать временами провокационную галиматью. Вот и тут случилось нечто подобное. Лишь только в голове сформировалась желанная последовательность – пенсия, обеспеченная старость, воды, грязи, Мёртвое море, – как вместе с Мёртвым морем возникла картинка старого, дряхлого, обшарпанного корабля. Подняв на кривых мачтах безвольно болтающиеся изодранные паруса, скрипя истрёпанным такелажем и изрядно накренившись на правый борт, бриг с натугой отплывал в свой последний, безвозвратный путь.

«Да, – отмахнулся от назойливого видения Когановский, – живо работает перевозбуждённое воображение».

Однако видение корабля под парусами навеяло романтическому Когановскому давние мечты о странствиях, о непо-

знанном, желанном и загадочном мире. Случайно его мысли переключились – и сконцентрировались на трудном пути, пройденном терпеливыми предками за долгие четыре тысячи лет (опять-таки по их личному, трепетно передаваемому из поколения в поколение семейному преданию).

Сначала Моисей таскал всех по пустыне взад-вперёд лет этак сорок, хотя наверняка сам заблудился среди скал Синая.

«Сусанин доисторический, – хмыкнул про себя ехидный Когановский. – Географию надо было лучше учить или у египтян, на худой конец, проконсультироваться, мудрый ведь был народец. Так значительно быстрее добрались бы до места, накопили бы сил и средств перед решающим марш-броском. Ведь десантировались через Междуречье, Крым, Кавказ, пустыни, степи, леса, болота. Неудивительно, что предкам потребовалось целые четыре тысячи лет, чтобы добраться сначала до Смоленска, а уж потом до Белокаменной. Дорог-то нормальных не было. Хотя их и сейчас не прибавилось! – вспомнил он последнюю муторную поездку на дачу. – Пока до Ногинска доедешь, можно всю подвеску по деталям растерять. А ведь раньше, кроме гаишников, на каждом квадратном километре ещё хазары, половцы да печенеги осложняли продвижение».

«Жаль, что от Смоленска пошли на восток, а не на запад», – ковырял коротким пальцем пузатый глобус Когановский, чертя гипотетически возможный путь, всё дальше и дальше загибающийся на юго-запад, к Апеннинам, Альпам

и Пиренеям.

«Небось, воевать надоело, – предположил потомственный меломан. – Ведь чтоб добраться до приличного музыкального магазина, ну, скажем, в Лондоне или, на худой конец, в Париже, пришлось бы ещё лет триста-четыреста воевать с бриттами, франками, саксами и их многочисленными вассалами».

«А мои оказались по-иудейски мудрее и прозорливее, – констатировал Когановский. – Чем драться и убивать зазря, свернули в дремучую чащу леса, пробрались топкими болотами, где и аборигенов-то никаких не водилось по причине особой суровости климата. Вокруг на сотни вёрст ни одной живой души. Оборёшься – противника не сыщешь. С кем сражаться-то было? Лёгкой жизни захотели, хитрецы», – с плохо скрываемой обидой проскрипел раздосадованный Когановский хорошо сохранившимися, отбеленными на прошлой неделе в «Дента Вита» зубами.

«Эх, трусливые предки! – посетовал он в очередной раз. – Не испугались бы, пошли напролом, помахали ещё мечами, покололи копьями, поборолись пару-другую сотен лет за будущее благополучие потомков, и жил бы я сейчас, к примеру, на Лазурном берегу, и ехать никуда не надо было бы».

«А я-то, я-то хорош! – вдруг осенило его. – Грешу всё на праотцов, ругаю их почём зря, а сам собираюсь проделать обратный путь всего за четыре часа. «One way ticket», посольство, гражданство, Шереметьево-2! А как же истори-

ческий процесс, диалектика развития человека и общества? Сюда четыре тысячелетия топали, а обратно за четыре часа, значит? Нет, так нельзя, так не пойдёт! Могу разорвать хрупкую, еле ощутимую связь поколений. Добирались веками, тысячелетиями сами не ведая куда, с трудом одолевая отсутствующие тогда и поныне дороги, но ведь смогли, дошли, а сколько моральных сил потратили на ассимиляцию, слияние с местными племенами, освоение законов и масштабов.

С нашими же нынешними масштабами, а тем более с теперешними законами, назад так резко и вдруг перескакивать нельзя, категорически противопоказано. Пообвыкнуться бы надо в дороге, попривыкнуть к современной западной цивилизации и культуре в иных царствах-государствах».

Дотошный Когановский ещё раз проследил глазами по карте путь, который прошли его «трусливые предки». Несмотря на ошибочно выбранный ими, как ему казалось, в конце пути азимут, последний потомок древнего рода глубоко и искренне проникся к праотцам заслуженным уважением: «Тут пока до Брянска на поезде доедешь, всё здоровье растеряешь. А эти пешкодралом тысячи километров, по диким землям. И ничего, добрались, дошли, выжили, не пропали, не сгнули на восточных задворках Европы, не спились, празднуя достижение намеченной цели. Честь им и хвала!»

Глаза растроганного Когановского наполнились слезами умиления, и он истово перекрестился.

«Ну, в общем, так, – сурово подытожил он свои рассуж-

дения, – если уж отправляться на заслуженный обеспеченный отдых, как того всё настойчивей требует милая Любана, то нужно двигаться на историческую родину пешком – обратно через болота, леса, поля, степи к заветным оазисам земли обетованной. Но только, чур, не мотаться сорок лет вокруг да около, а сразу в желанную Любана Хайфу. Потому как столько лет скитаний по пустыне без добротной ежемесячной пенсии я уже не потяну. Да и чего полвека слоняться без дела, люмпена из себя изображать!»

– Ладно, – решительно прокряхтел Когановский, – пойду к жене, объясню ей современную диалектическую модель переселения народов. Ну а там будь что будет, пора в путь собираться, назад в Хайфу! – и он удовлетворённо хлопнул ладонью по накренившемуся глобусу.